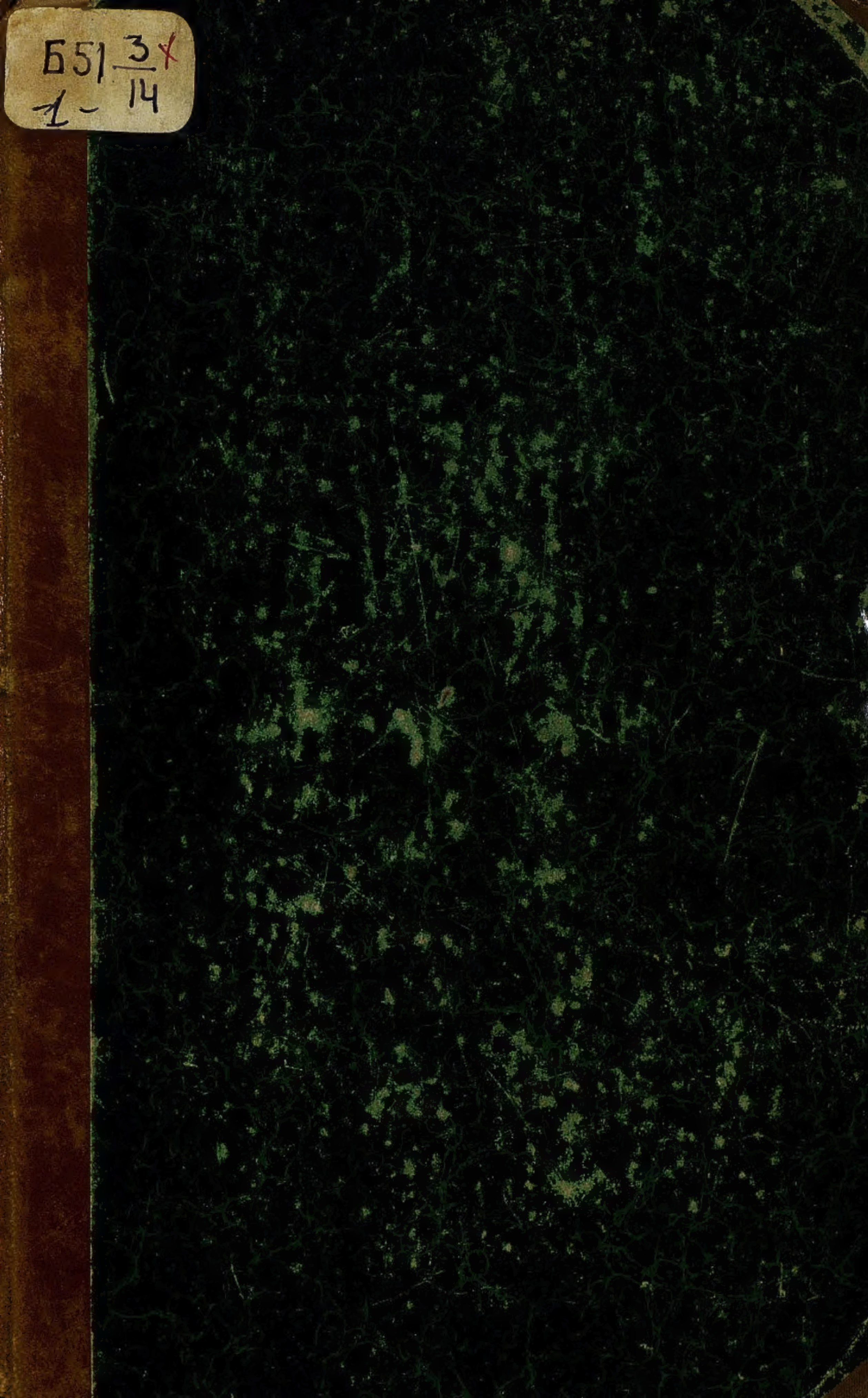

Б51 3/14
1 -

Геннадію Федоровичу Карпову — от А. Стоянова

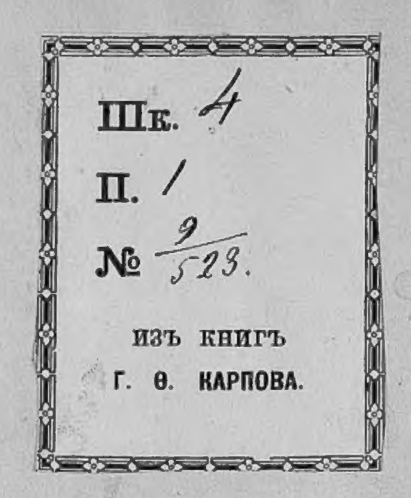
ИСТОРІЯ АДВОКАТУРЫ.

А. Стоянова.

Выпускъ I-й.

Древній міръ: Египетъ, Индія, Евреи, Греки, Римляне.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
1869.

Шк. 4
П. 1
№ 9/523.
ИЗЪ КНИГЪ
Г. Ѳ. КАРПОВА.

ПОЛОЖЕНІЯ

КЪ СОЧИНЕНІЮ

«Исторія адвокатуры у древнихъ народовъ»,

ПРЕДСТАВЛЕННОМУ

ДЛЯ ПОЛУЧЕНІЯ СТЕПЕНИ ДОКТОРА ГОСУДАРСТВЕННАГО ПРАВА

Магистромъ А. Стояновымъ.

По опредѣленію Юридическаго Факультета Императорскаго Харьковскаго Университета дозволено печатать.

Деканъ *А. Палюмбецкій.*

Харьковъ. Въ Университетской Типографіи. 1869.

ПОЛОЖЕНІЯ.

1. Мнѣніе, будто адвокатура входила какъ необходимая часть въ судоустройство и процессъ у всѣхъ народовъ, не имѣетъ никакихъ основаній.

2. Подробное изложеніе судебныхъ учрежденій на востокѣ не представляетъ особеннаго интереса для вопроса объ адвокатурѣ.

3. Судопроизводство и законодательстно въ Аѳинахъ не благопріятствовали устройству адвокатуры.

4. Законодательныя постановленія объ ораторахъ у грековъ касаются главнымъ образомъ государственныхъ людей, но не адвокатовъ.

5. Римскій процессъ республиканскаго періода послѣдовательнѣе греческаго проводитъ начало частнаго обвиненія въ уголовныхъ преступленіяхъ.

6. Многія правила преторскаго эдикта (объ адвокатской профессіи) должны были возникнуть на судебной практикѣ республиканскаго періода.

7. Устройство суда присяжныхъ въ Римѣ и въ Греціи представляется совершенно различнымъ.

8. Историческій законъ, который виденъ въ развитіи римской адвокатуры, можетъ быть названъ переходомъ отъ вольной профессіи къ безусловному подчиненію относительно администраціи.

9. Римско-византійское законодательство не привело къ результатамъ, которые желательны при надлежащемъ устройствѣ адвокатуры.

10. При современномъ политическомъ состояніи европейскаго общества, оказывается необходимою независимая професія съ возможно сильною организаціей и внутреннею дисциплиной.

11. Нельзя согласиться съ Бентамомъ, будто слѣдуетъ устранять адвокатовъ отъ судейскихъ должностей, — а также, будто адвокаты не могутъ желать усовершенія отечественнаго законодательства.

12. Большинство мнѣній, враждебныхъ адвокатурѣ, построено на одностороннихъ заключеніяхъ: отъ частнаго — къ общему, отъ неправильныхъ уклоненій — къ истинному принципу.

ИСТОРІЯ
АДВОКАТУРЫ.

—

А. Стоянова.

ХАРЬКОВЪ.
Въ Университетской Типографіи.
—
1869.

Напечатано по опредѣленію Совѣта Императорскаго Харьковскаго Университета.

Ректоръ *В. Кочетовъ*.

ИСТОРІЯ АДВОКАТУРЫ

У ДРЕВНИХЪ НАРОДОВЪ.

У многихъ писателей прошлаго и даже настоящаго столѣтій встрѣчается мысль, будто адвокатура есть одно изъ древнѣйшихъ и всемірныхъ учрежденій. Мнѣнія такія весьма характерны. Въ нихъ ясна завѣтная идея добраго стараго времени о естественномъ правѣ, космополитическія свойства котораго опредѣляются единствомъ источника, т. е. разума человѣческаго. Такъ, за-долго до энциклопедистовъ, практическій законовѣдъ Ламуаньонъ, въ спорахъ съ суровымъ Пюссоромъ (Pussort), доказывалъ, при обсужденіи проекта устава 1670 года, что «адвокатъ дается обвиняемому не въ силу ордоннансовъ, но по естественному праву, которое древнѣе всѣхъ человѣческихъ законовъ». Черезъ сто двадцать лѣтъ послѣ этой рѣчи, Максиміліанъ Робеспьеръ съ особенною энергіею отстаивалъ вольную адвокатуру. «Право это (имѣть защитника) опирается на основныхъ началахъ разума человѣческаго», говоритъ вождь революціи: «въ сущности оно есть неотчуждаемое и естественное право. Откажите мнѣ, или тому, кого я изберу какъ достойнѣйшаго, въ защитѣ моего имущества, моей чести, жизни и свободы,—и разомъ ниспровергнете вы священный законъ есте-

ственной справедливости, со всѣми правилами общественнаго порядка». Не удивительно, если менѣе радикальный и болѣе ученый сотрудникъ одной изъ лучшихъ энциклопедій XVIII столѣтія приложилъ философскія идеи своего вѣка къ исторіи адвокатуры. «Происхожденіе этой профессіи, по мнѣнію автора, современно цѣлому міру... Гдѣ только жили люди, тамъ необходимо появлялись адвокаты» и т. д. Извѣстный законовѣдъ первой имперіи, Мерлѐнъ, почти дословно повторяетъ своего предшественника. Не менѣе извѣстный законовѣдъ конституціонной Франціи, Дюпенъ, присоединяетъ предположеніе, будто «у евреевъ, египтянъ, персовъ и халдеевъ, тройная роль адвоката, судьи и законодателя совмѣщалась въ одномъ лицѣ». Наконецъ, въ ближайшее къ намъ время, авторъ весьма хорошей монографіи о римской адвокатурѣ, думаетъ, что адвокатская дѣятельность современна первому суду и первому процессу[1]. За исключеніемъ словъ Ламуаньона и Робеспьера, приведенныя мнѣнія и предположенія высказаны въ изслѣдованіяхъ о французской и римской адвокатурѣ. Проявляется желаніе: найдти въ общей картинѣ мѣсто для частнаго историческаго явленія. Дѣло сводится къ вопросу: есть ли адвокатура всемірное, космополитическое учрежденіе? Вотъ почему, и въ настоящемъ случаѣ, разсмотрѣнію новой адвокатуры можно предпослать изслѣдованіе о томъ-же предметѣ у древнихъ народовъ. Слѣдующій выпускъ будетъ посвященъ спеціальному изложенію исторіи французской адвокатуры.

[1] См. Encyclopédie méthodique. «Jurisprudence». 1782.—*Merlin*, Répertoire universel et raisonné de jurisprudence, 4-éme édition. 1812.—*Dupin*, Encyclopédie du droit, 1842.—*Grellet-Dumazeau*, Le barreau romain. Paris. 1851. — Ср. *Dalloz*, T. 1, p. 459: On ne peut douter, même en remontant à des temps presque fabuleux, que partout... le barreau soit venu... se placer, à côté de la justice comme une institution corrélative etc. За-тѣмъ авторъ указываетъ на судопроизводство у египтянъ, персовъ и халдеевъ.

I.

ВОСТОКЪ.

Обратимся сначала къ Египту. Какія данныя представляетъ намъ гражданственность страны этой? Здѣсь ученый Дюпенъ смѣло предполагаетъ классъ людей, которые «помогали совѣтомъ, перомъ, а нерѣдко краснорѣчивымъ словомъ, не только частнымъ лицамъ, но и всему государству».

Отрывочныя свѣдѣнія о египетскомъ процессѣ опираются главнымъ образомъ на показаніяхъ Діодора. Лишь въ наше время, изученіе папирусовъ и памятниковъ искусства прибавляетъ нѣсколько новыхъ фактовъ къ матеріалу, доставленному древнимъ писателемъ. Что-же читаемъ мы у Діодора сицилійскаго? Верховный судъ, составленный фараонами изъ жрецовъ, имѣетъ характеръ постоянной коммиссіи. Юстиція — гибкое и послушное орудіе въ рукахъ всесильной политической власти. Письменное производство опредѣлено для разбора гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Словесныя пренія передъ судьями запрещены для самыхъ тяжущихся. Уже изъ этого можно заключить, что въ египетскомъ судѣ не должно быть мѣста для адвокатовъ. Но дальнѣйшій текстъ Діодора вполнѣ подтверждаетъ то наблю-

деніе, что закрытый и письменный процессъ трудно совмѣщается съ адвокатурой. Рѣшительно утверждаетъ умный грекъ, что египтяне не желали имѣть защитниковъ на судахъ своихъ. Рѣчи ораторовъ, по ихъ мнѣнію, скорѣе затемняютъ, чѣмъ уясняютъ дѣло. Обаяніе краснорѣчія и слезы подсудимыхъ мѣшаютъ истинѣ и ослабляютъ строгость законовъ. Правосудіе выигрываетъ отъ трезваго и прямаго обсужденія каждаго дѣла [1].

Что-же скажутъ намъ новѣйшія изслѣдованія? Еще въ 40-хъ годахъ настоящаго столѣтія, заявлено предположеніе, будто европейскою династіею лагидовъ введена адвокатура въ Египтѣ. Но содержаніе папирусовъ, которые разобраны учеными, разъяснило сущность дѣла. Изъ перевода, сдѣланнаго Пейрономъ, видно, что въ царствованіе Птоломея Эвергета II-го дѣйствительно допускалась адвокатская защита [2]. Но на какихъ судахъ, въ какой формѣ и по какимъ дѣламъ? Тяжба, записанная въ туринскомъ папирусѣ, идетъ между воиномъ греческаго происхожденія и жрецомъ низшаго разряда. Дѣло о незаконномъ присвоеніи имущества разбирается особою коммиссіею изъ депутатовъ отъ военнаго сословія (всѣ съ греческими именами), подъ предсѣдательствомъ губернатора (номарха). За по-

---

[1] *Diodor*. lib 1. 75. Causidicorum enim oratione multum juri caliginis offundi arbitrabantur... Rebusque se nude consideratis exactiorem fore dijudicationem... Тамъ-же читаемъ мы слѣдующую характеристику египетскаго судопроизводства: «Mos fuit, ut actor singulatim scripto exhiberet et crimen, et facti modum... Reus contra... ad singula scriptum opponere» etc. Ср. любопытное совпаденіе взгляда на адвокатуру у Филанджіери. Ср. также Утопію Т. Мора и мнѣнія казуистовъ.

[2] См. *Henri*, L'Egypte Pharaonique. 1842. — *Thonissen*, Etudes sur l'organisation judiciaire de l'Egypte. 1868. Въ послѣднемъ трудѣ представлено извлеченіе изъ перевода папирусовъ въ «Memorie della reale Academia delle scienze di Torino, T. XXXI, Classe di scienze morali, p. 9—188.

дачею прошенія и объясненіями сторонъ, выступаютъ защитники (тоже греки — Филоклесъ и Динонъ) и обмѣниваются письменными мнѣніями (мемуарами). Послѣ этого, судъ постановляетъ свое рѣшеніе. Присмотримся теперь къ другимъ, не менѣе любопытнымъ источникамъ[1]. Работы Деверіа и Шабаса знакомятъ съ судебными папирусами изъ эпохи Рамзеса III. Здѣсь передъ нами уголовная коммиссія изъ военныхъ и придворныхъ сановниковъ, созванная царскимъ указомъ по дѣлу объ оскорбленіи величества. Обвинительный актъ, написанный отъ лица самого фараона, опредѣляетъ смертную казнь для подсудимыхъ, прежде чѣмъ состоялся разборъ дѣла. «Развѣ преступленіе ихъ не очевидно для меня; пусть-же погибнутъ смертію», заключаетъ царственный обвинитель. Процессъ ведется съ поспѣшностью, которая особенно изумляетъ, если сообразить важность дѣла. За опредѣленіемъ виновности каждаго изъ подсудимыхъ (между ними были женщины изъ царскаго гарема и иностранцы) слѣдуютъ въ судебномъ папирусѣ такія выраженія: «и былъ приведенъ къ судьямъ,—найденъ виновнымъ, преданъ казни». Члены суда, заподозренные въ снисхожденіи, присуждаются къ казнямъ со всѣмъ семействомъ. А все это достаточно объясняетъ, почему въ процессѣ нѣтъ допроса свидѣтелей и адвокатской защиты.

Такимъ образомъ, ни постоянные суды Мэмфиса, Ѳивъ и Геліополя, ни чрезвычайныя коммиссіи не представляли, въ теченіе многихъ тысячелѣтій, никакихъ обезпеченій для подсудимаго. Защита, какъ исключеніе, допускалась по правилу объ особой подсудности, которое извѣстно не одному египетскому своду. Немаловажную роль играетъ то обстоятельство, что, съ VI столѣтія до Р. Х., войска фараоновъ наби-

---

[1] Ср. Journal Asiatique, T. VI, p. 242. Здѣсь находится подстрочный переводъ туринскаго папируса, сдѣланный Девѐріа и сведенный съ знаменитымъ папирусомъ Ли и Роллена (Lee and Rollin), который комментированъ Шабасомъ.

рались изъ грековъ. Но къ чему допустили привилегированныхъ наемниковъ, въ томъ могли отказать природнымъ подданнымъ — потомкамъ рабовъ, которые строили пирамиды. Далѣе: изъ судебнаго папируса птоломеевскаго періода видна защита по однимъ гражданскимъ дѣламъ. Между тѣмъ до сихъ поръ остается вопросомъ — распространялась ли привилегія адвокатской защиты на дѣла уголовныя? Теперь доказано, что лагиды были крайне осторожны въ нововведеніяхъ и боялись налагать руку на коренныя учрежденія Египта. Многое въ древнихъ уставахъ земли этой было выгодно для эпигоновъ Александра. Не даромъ извѣстная розетская надпись величаетъ птоломеевъ богами, подобно тѣмъ раболѣпнымъ похваламъ, которыми испещрены стѣны лабиринта и ѳиваидскихъ храмовъ. Есть основаніе предполагать, что лагиды были непрочь идти по слѣдамъ рамзесовъ при разборѣ тѣхъ случаевъ, которые касались интересовъ деспотіи. Повсюду судъ и политическое устройство состоятъ между собою въ тѣснѣйшей связи. Начала государственной жизни служатъ краеугольнымъ камнемъ для судебныхъ учрежденій. Недостатокъ твердыхъ обезпеченій въ основныхъ законахъ исключаетъ такія-же гарантіи на судѣ. Изъ всѣхъ этихъ соображеній слѣдуетъ отрицательный выводъ для адвокатуры въ Египтѣ. Основными началами въ законодательствѣ были — негласность и неустность процесса. Коренною формою судебной защиты остались — письменныя (и притомъ двукратныя) возраженія истцу, или обвинителю, со стороны отвѣтчика, или обвиняемаго, но безъ участія адвокатовъ.

Есть между восточными народами такіе, у которыхъ допускалось словесное разбирательство на публичномъ судѣ. До сихъ поръ еще, по словамъ Бенфея, удержался подобный процессъ въ тѣхъ частяхъ Индіи, куда менѣе всего проникали иностранцы. Не отыщется ли первообразъ восточной адвокатуры въ сводѣМану? Не подтвердятъ ли брамины мнѣнія, будто «про-

исхожденіе адвокатской профессіи современно міру?»—Сводъ Ману не безъ основанія считается однимъ изъ любопытнѣйшихъ памятниковъ. Между массою статей, своеобразныхъ до причудливости, встрѣчаются такія, гдѣ несомнѣнны признаки юридическаго здравомыслія. Но напрасны были бы поиски въ богатомъ отдѣлѣ индійскихъ законовъ о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Ни Кольбрукъ, ни Бенфей, который во многомъ принимаетъ выводы англійскаго ученаго, не рѣшаются дѣлать предположеній о браминской адвокатурѣ. И только у одного извѣстнаго писателя (Болена) есть указаніе, будто въ Индіи существовали адвокаты. Германскому ученому извѣстна одна драма, гдѣ представленъ индійскій процессъ. Кромѣ членовъ суда и чиновниковъ, безъ которыхъ не обходится ни одинъ трибуналъ въ мірѣ (предсѣдатели, ассесоры и т. д.), видны уполномоченные и адвокаты[1]. Производство дѣла заключается въ словесныхъ преніяхъ и въ разборѣ свидѣтельскихъ показаній.— Фактъ, приведенный Боленомъ, имѣетъ большой интересъ для всеобщей исторіи адвокатуры. За правдоподобіе его, по-видимому, говоритъ то обстоятельство, что въ драмѣ съ вѣрностію воспроизведены коренныя черты индійскаго процесса (устность, гласность и важное значеніе свидѣтельскихъ показаній). Но за тонкою чертою вѣроятія начинается рядъ сомнѣній. Судебная драма, разобранная Шлегелемъ и Боленомъ, принадлежитъ къ 1-му столѣтію по Р. Х. Между тѣмъ главное кодификаціонное движеніе браминской Индіи окончилось болѣе чѣмъ за пять вѣковъ до нашей эры. Въ драмѣ I-го столѣтія говорится объ «уполномоченныхъ». Но ни въ сводѣ Ману, ни въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, которыя обнимаютъ источники индійскаго законодательства до V-го и позднѣйшихъ столѣтій послѣ Р. Х., не видно договора довѣренности. Наконецъ судебная драма можетъ раздѣлять участь всѣхъ однородныхъ произве-

[1] Ср. *Bohlen*, Das alte Indien, 56, 57.

деній индійской литературы. Есть весьма почтенныя мнѣнія[1], по которымъ происхожденіе индійской драмы связано съ греческимъ вліяніемъ. И дѣйствительно, сношенія гелленовъ съ индусами, открытыя политикою персовъ и македонянъ, учащаются по мѣрѣ приближенія къ христіанской эрѣ. До Скилакса, почти не знали о существованіи Индіи[2]. Но изъ показаній Арріана, Страбона и Эліана извлечена богатая добыча изумительнымъ трудолюбіемъ ученыхъ, подобныхъ Лассену. На сѣверо-западной границѣ Индостана и въ глубинѣ Ирана возникали государства, гдѣ греческое вліяніе обнаружилось не въ одномъ драматическомъ искусствѣ. Адвокатъ, изображенный въ судебной драмѣ индусовъ, могъ быть занесенъ съ далекаго запада.—Отсюда видна вся шаткость вывода на основаніи любопытнаго, но одиночнаго факта. Заключеніе объ адвокатурѣ у индусовъ гораздо слабѣе предположеній о повсемѣстномъ распространеніи этого учрежденія въ Египтѣ при Птоломеяхъ. Мнѣніе, будто коренное законодательство браминовъ могло допустить судебную защиту, еще до Р. Х., лишено всякаго основанія. Въ судебныхъ установленіяхъ Индіи, форма устнаго и гласнаго процесса совершенно-своеобразно соединяется съ началомъ, которое можно уподобить инквизиціонному. Въ тысячахъ статей браминскаго свода не отыщется такого понятія, что начатіе гражданскаго иска есть дѣло свободной воли заинтересованнаго лица. Преслѣдованіе кредитора есть обязанность, вынуждаемая карательнымъ закономъ. Тѣмъ бо́льшая

---

[1] *A. Weber*, Indische Studien.

[2] Скилаксъ, уроженецъ дорійскаго поселенія Каріанды, изслѣдовалъ теченіе Инда, отъ вершины до устья, по приказанію Дарія Гистаспа (521—485). Отъ устья Инда предпріимчивый грекъ направился океаномъ къ западу, до Чермнаго моря. Баснословные разсказы его извѣстны Геродоту, Стра́бону, Аристотелю.

строгость предписывается въ уголовныхъ дѣлахъ. Разслѣдованіе преступленій, обвиненіе, судъ и наказаніе вмѣняются въ долгъ самому государю. Иначе сводъ грозитъ карою божества, которое одно ограничиваетъ власть деспотовъ[1]. Отсюда — громадная полицейская и обвинительная власть въ рукахъ правительства. Повсемѣстно, даже въ частныхъ домахъ, размѣщены соглядатаи, которые играютъ весьма важную роль въ процессахъ. Опираясь на доносы многочисленныхъ агентовъ[2], органы судебной власти сами вчинаютъ, ведутъ и оканчиваютъ дѣла по всѣмъ преступленіямъ, отъ сомнѣнія въ ученыхъ достоинствахъ брамина до оскорбленія величества. Жестокія наказанія ожидаютъ обвиненнаго. Но судьи успокаиваютъ себя правиломъ браминской мудрости, что « наказаніе очищаетъ людей и служитъ вѣрнѣйшимъ залогомъ общественнаго спокойствія ». Надежнѣйшимъ обезпеченіемъ безпристрастія считается совѣсть самого судьи — этой могущественной личности, которая держитъ въ рукахъ всѣ нити розыска и обвиненія. Но, на самомъ дѣлѣ, единственною опорою для подсудимаго служатъ свидѣтели, если показаніями ихъ удачно опровергается обвиненіе. При недостаткѣ свидѣтелей, дѣло рѣшается присягой или ордаліями, которыя представляютъ болѣе полную систему въ сводѣ Ману, чѣмъ въ салическомъ или въ рипуарскомъ законѣ. При такихъ условіяхъ, едва-ли найдется мѣсто для адвокатуры. — Отрицательный выводъ этотъ закрѣпляется еще однимъ соображеніемъ: адвокатская профессія не могла образоваться въ обществѣ, гдѣ все населеніе пріурочено, по волѣ самого божества, къ опредѣленнымъ занятіямъ. Одни брамины имѣли право толковать законъ. Другія касты подвергаются

---

[1] Manava-Dharma-Sastra (Laws of Manu). Edit. *W. Jones*, VIII, 12, 13.

[2] Извѣстно, что греки приняли шпіоновъ за особую касту въ Индіи.

карательнымъ мѣрамъ за объясненія свода. Но и браминъ подлежитъ строгой отвѣтственности за подачу мнѣнія члену самой низшей касты (IV; 80, 81). У высшаго класса существуетъ монопольное право на законовѣдѣніе, но не видно обязанности обращать юридическое знаніе на защиту подсудимыхъ. Вотъ почему ученые правовѣды (пундиты) играютъ извѣстную роль въ индійской исторіи. Изъ браминовъ, которые не всегда предавались однимъ религіознымъ созерцаніямъ[1], выходили оборотливые купцы, искусные врачи, художники, администраторы и даже воины. Но объ адвокатской профессіи у индусовъ извѣстенъ лишь одинокій фактъ, который стоитъ въ разладѣ съ юридическимъ бытомъ и съ цѣлою гражданственностію народа. До сихъ поръ въ земляхъ, гдѣ удержался, съ наибольшею вѣрностію, коренной уставъ страны, органами судебной защиты являются не адвокаты, но родственники подсудимыхъ[2]. —

Обратимся теперь къ наиболѣе замѣчательному изъ восточныхъ законодательствъ. Существовала ли судебная защита у евреевъ? Если существовала, то дано ли Моисеемъ и другими законодателями надлежащее устройство этому учрежденію? — Въ еврейскомъ правѣ, впервые на востокѣ, встрѣчается начало равенства передъ закономъ. Власть каждаго еврея судить и возможность быть судимымъ равноправными согражданами — составляетъ коренную черту юридическаго быта. Строгое изслѣдованіе фактовъ, полная публичность словеснаго разбора дѣлъ, отсутствіе предварительнаго заключенія для подсудимаго: таковы главныя черты древнѣйшихъ законовъ о судопроизводствѣ у евреевъ. Въ эпоху Мишны и Талмуда, основныя начала эти сохраняются. Ихъ дополняютъ новыя правила; образуется за-

[1] Бенфей (Indien) остроумно замѣчаетъ, что въ Индіи теократы хорошо понимали практическое правило: «Für den Bauch spielt man gar manche Rolle».

[2] *Benfey*, l. c. 232 etc.

конченная система. Такъ удержалось древнее воззрѣніе, общее всему востоку, что человѣческій судъ творится въ незримомъ присутствіи высшаго Существа. Но выработалось понятіе, котораго нѣтъ въ Египтѣ и въ Индіи, что опасенъ людямъ и противенъ Богу единоличный и неограниченный судъ земныхъ властей[1]. Отступленія законниковъ отъ древняго преданія вызываютъ жалобы пророка, но не приводятъ къ отмѣнѣ словеснаго производства и къ преобладанію письменности въ процессѣ[2]. Обвиненіе удержало частный характеръ. Личное значеніе каждаго гражданина получило подтвержденіе въ правѣ: избирать судебную инстанцію для своего дѣла[3], отводить посредниковъ, которые предложены противною стороною. Строгость допроса свидѣтелямъ по моисеевымъ законамъ усилилась въ Мишнѣ и Талмудѣ, подъ вліяніемъ діалектическаго направленія докторовъ Іерусалима и Вавилона. Послѣднее слово отдано свидѣтелямъ за подсудимаго. Исполненіе не слѣдовало немедлено за рѣшеніемъ, по обычаю другихъ восточныхъ народовъ. Требовалось вторичное преніе, въ видахъ возможнаго смягченія приговора. Членамъ суда нельзя отступать отъ мнѣній въ пользу подсудимаго; но неограничена свобода для перехода отъ осужденія къ оправданію. Въ уголовныхъ дѣлахъ простое абсолютное большинство не достаточно: нуженъ перевѣсъ двухъ голосовъ для осужденія. Отмѣна обвинительнаго приговора могла послѣдовать передъ самымъ исполненіемъ, если представля-

---

[1] Ср. *Salvador*, Instit. de Moïse, I, примѣч. къ отд. о судѣ. Здѣсь представлено много любопытныхъ извлеченій изъ Мишны. «Scriptura dicit: et ero vobiscum in re judicii.... Ne sis judex unus, non est enim unicus judex, nisi Unus etc.

[2] Ср. Исаія. 10. 1. Въ славянскомъ текстѣ Библіи, мѣсто это начинается энергическимъ обращеніемъ: «горе пишущымъ лукавство, пишущія бо лукавство пишутъ» и т. д.

[3] Ср. Второзаконіе. 17, 8—13. 19, 17.

лись новыя обстоятельства, благопріятныя для подсудимаго. Наконецъ, при послѣднихъ минутахъ преступника, законъ предписываетъ такія мѣры, которыя должны были облегчать физическія страданія во время казни.—Въ сжатомъ очеркѣ этомъ видна сильная идея о правосудіи, основанномъ на уваженіи къ человѣку, какъ образу и подобію Бога. Отсюда-же вытекаетъ высокое начало милосердія къ самому преступнику. Въ такихъ свѣтлыхъ началахъ видна подготовка христіанства. Но въ книгахъ моисеевыхъ, со включеніемъ Второзаконія, не найдется ни одной статьи объ адвокатурѣ. Возвышенныя начала праваго и милосердаго суда облечены въ самыя простыя формы. Нѣтъ здѣсь органовъ публичнаго обвиненія, которые существовали въ теократической Индіи и, быть можетъ, въ Египтѣ. Въ теченіе многихъ вѣковъ, еврейскій процессъ происходилъ у городскихъ воротъ, и судьи не удалялись, какъ въ Египтѣ, для совѣщаній въ заповѣдныя отдѣленія храма. Судоустройство не имѣетъ стройности и централизаціи, которая замѣтна въ регламентированныхъ уставахъ фараоновъ и браминовъ. Апелляція, несовмѣстимая съ безграничною свободою избирать инстанцію, не получила той опредѣленности, которую дали этому учрежденію древнѣйшіе юристы Индіи. Главная забота еврейскаго закона заключается въ томъ, чтобы судьи были безкорыстны и нелицепріятны ко всѣмъ тяжущимся и подсудимымъ, не исключая иностранцевъ[1]. Колоссальная личность Моисея глубоко проникнута

---

[1] Ср. Исходъ. 23, 1, 6, 8, 9. См. Священныя книги ветхаго завѣта. С.-Птб. 1868. «Не внимай пустому слуху, не давай руки твоей нечестивому, чтобы быть свидѣтелемъ неправды... Не суди превратно тяжбы бѣднаго твоего... Даровъ не принимай; ибо дары слѣпыми дѣлаютъ зрячихъ, и превращаютъ дѣло праваго. Пришельца не обижай . . . Вы знаете душу пришельца, потому что сами были пришельцами въ землѣ египетской». Ср. Второзаконіе. I; 16, 17.

нравственною силою убѣжденій. Вѣра подобныхъ дѣятелей въ чистые принципы такъ велика, что у нихъ невольно отходитъ на второй планъ вопросъ о законченной отдѣлкѣ учрежденій. Отсюда, вмѣстѣ съ простотою патріархальнаго быта, можно объяснять отсутствіе опредѣленныхъ предписаній о судебной защитѣ у Моисея. Но, съ другой стороны, въ учрежденіяхъ его не видно тѣхъ преградъ, которыя поставлены адвокатурѣ у другихъ народовъ востока. Подобная политика немыслима въ законодательствѣ, построенномъ на десяти заповѣдяхъ. Мало этого: въ Библіи находимъ мы главу, гдѣ сильный и знающій законы человѣкъ отстаиваетъ права вдовъ, сиротъ и неимущихъ людей.

«Въ тѣ дни, говоритъ Іовъ, когда Богъ хранилъ меня, когда свѣтильникъ Его свѣтло горѣлъ надъ главою моею... Когда еще былъ Вседержитель со мною, дѣти мои вокругъ меня... когда я выходилъ къ воротамъ города, и на площади ставилъ стулъ себѣ; юноши, увидѣвъ меня, прятались, а старцы вставали, стояли; князья прекращали рѣчь, и полагали руку на уста свои; голосъ знаменитыхъ мужей скрывался, и языкъ ихъ прилипалъ къ гортани ихъ. Ибо ухо слышало, и ублажало меня, и око видѣло, и восхваляло меня. Ибо спасалъ я страдальца вопіющаго, и сироту, когда не было помогающаго ему. Благословеніе погибавшаго приходило на меня, и сердце вдовицы было мною обрадовано. Я облекался въ праведность и она одѣвала меня собою; плащемъ и увясломъ служило мнѣ правосудіе. Слѣпому я былъ глазами, а хромому ногами. Нищимъ я былъ отецъ, и вникалъ въ дѣло незнакомаго мнѣ. И сокрушалъ беззаконному челюсти, и изъ его зубовъ исторгалъ похищенное... Внимали мнѣ и въ ожиданіи совѣта моего безмолвствовали. Послѣ рѣчей моихъ уже не возражали, и капало на нихъ слово мое. И ждали меня, какъ дождя, и какъ позднему отверзали уста свои» [1]. Такова одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ Биб-

[1] См. *Архим. Макарія.* **Учительныя книги ветхаго завѣта. Кн.**

ліи, гдѣ несомнѣнно идетъ дѣло о судебной защитѣ тяжущихся и обвиненныхъ. Заступничество Іова не есть опредѣленное занятіе. Оно не имѣетъ обязательнаго характера римскаго патроната. Это самая первичная форма защиты, гдѣ вліятельное лице—князь земли—добровольно оказываетъ судебное покровительство. Не договоръ, не формальный законъ, но нравственное чувство и религіозное убѣжденіе установляютъ отношеніе защитника къ подсудимому. И есть основаніе утверждать, что цивилизующее вліяніе моисеева законодательства могло только закрѣпить обычай, замѣнявшій адвокатовъ въ патріархальномъ обществѣ. Второзаконіе, гдѣ заключаются дополненія къ моисееву тексту, оставляетъ неприкосновенными формы того суда, о которомъ говоритъ защитникъ народа Іовъ: «Когда выходилъ я къ воротамъ города... старцы вставали, стояли; князья прекращали рѣчь и полагали руку на уста свои».

Еще позже, многіе пророки — эти лучшіе хранители закона — постоянно напоминаютъ объ обязанности защищать безпомощныхъ людей. Между прочимъ, книга Іереміи показываетъ, что нерѣдко истинные пророки нуждались въ защитѣ передъ судомъ, гдѣ обвинители требовали казни за суровую правду. Самъ Іеремія выдержалъ такой опасный процессъ противъ лжепророковъ. Въ дѣлѣ видна та-же простота судебныхъ формъ, на которую указано выше. Іеремія не имѣетъ противъ себя *одного* публичнаго обвинителя. Весь народъ, со включеніемъ левитовъ и лжепророковъ, требуетъ: «да умретъ смертію». Послѣ оправданія, развитаго самимъ подсудимымъ, за него говорятъ нѣкоторые старѣйшины къ народу. На сторонѣ обвиненія упорно остаются одни жрецы и лжепророки. И лишь къ концу раз-

Іова, 29, 11—22. Ср. любопытное сочиненіе *Гуссона*, «De advocato libri quatuor», Parisiis, MDCLXVI (1666 г.), откуда видно, что вопросъ о судебной защитѣ у евреевъ занималъ еще Оригена и свят. Іеронима.

сказа уясняется, что одному лицу изъ среды народа принадлежитъ главная роль защитника[1].

Теперь можно дать отвѣтъ на вопросы, поставленные выше. Судебная защита черезъ постороннихъ лицъ извѣстна евреямъ; но она не установлена Моисеемъ, а скорѣе перешла изъ болѣе глубокой древности, какъ остатокъ обычнаго права патріарховъ. Не сообщена также Моисеемъ иная, болѣе совершенная, форма этому учрежденію. Такое заключеніе особенно ясно изъ процесса Іереміи, который жилъ въ царствованіе Іакима, сына Іоссіи. Защита допускается; но она считается необходимою лишь для вдовъ, сиротъ и неимущихъ. Самимъ подсудимымъ, которые не подходятъ къ этому разряду, всегда дается защитительное слово; но они могутъ остаться безъ посторонней помощи. Приговоръ, постановленный при такихъ условіяхъ, не считается противнымъ справедливости. Если же кто, подобно Іову или заступникамъ Іереміи, принимаетъ на себя защиту, то она получаетъ полное судебное значеніе.— Отсюда ясно, почему не возникъ особый классъ адвокатовъ у евреевъ. Существуетъ даже предположеніе, будто при царѣ Давидѣ 6,000 левитовъ соединяли различныя судебныя должности съ адвокатурой[2]. Была ли здѣсь попытка дать правительственный уставъ защитѣ и обратить ее изъ вольнаго отношенія въ служебное? На вопросъ этотъ нигдѣ не дано объясненія. Въ дополненіяхъ къ моисееву закону послѣ Давида, обращаютъ вниманіе на одну судейскую дѣятельность, подкрѣпляя юрисдикцію левитовъ угрозою наказанія[3].—Но если простота формъ въ древнемъ судопроиз-

---

[1] Іеремія. 26, 7. — Ср. славянск. текстъ Библіи: И яша Іеремію жрецы и лжепророцы, и вси людіе, глаголюще: смертію да умретъ..... Обаче рука Ахикама сына Сафаніина бѣ со Іеремією, еже не предати его въ руцѣ людей, да не убіютъ его.

[2] *Salvador*, l. c.

[3] Второзаконіе, 17, 8—13. 19, 17 и проч.

водствѣ объясняетъ отчасти отсутствіе особаго класса адвокатовъ у евреевъ: то каково было дѣйствіе ученаго законодательства раввиновъ? Мысль о возможно-большихъ обезпеченіяхъ для подсудимаго несомнѣнна у авторовъ Мишны. А проводя подобное начало, трудно обойдти вопросъ объ адвокатурѣ. Чтоже находимъ мы въ процессахъ синедріона? На судѣ, возлѣ членовъ коллегіи, постоянно пребывали лица, которыхъ называютъ «кандидатами»[1]. Штатные судьи давали имъ слово только въ защиту подсудимаго. Рѣчь произносилась публично, потому что ораторы обращались къ цѣлому народу. Различіе такого порядка отъ патріархальнаго существенно, въ томъ отношеніи, что, по Мишнѣ, защиту ведутъ свѣдущіе юристы, которые находятся въ составѣ суда. Защита нѣсколько спеціализируется и пріобрѣтаетъ оттѣнокъ профессіи. Но, по-видимому, ораторъ могъ говорить отъ своего имени, не выражая желаній и оправданій подсудимаго. Онъ только развивалъ юридическое мнѣніе свое по дѣлу посторонняго лица. Если рѣчь и клонилась къ защитѣ, то самое мнѣніе могло возникнуть на судѣ, въ моментъ допроса и слѣдствія. Защитѣ не предпосылалось предварительное сближеніе или объясненіе съ подсудимымъ. При такихъ условіяхъ, ораторъ далекъ отъ адвоката въ настоящемъ смыслѣ слова. Наконецъ самое названіе «кандидатъ», которое даетъ Мишна органамъ защиты, говоритъ о подготовкѣ молодыхъ правовѣдовъ скорѣе къ судейской, чѣмъ къ адвокатской дѣятельности.

Съ такими оговорками, признаемъ мы слишкомъ смѣлымъ безусловное отрицаніе судебной защиты въ періодъ талмудистовъ[2]. Отсутствіе кореннаго еврейскаго названія для адвоката есть дѣло спорное. Едва-ли можно рѣшить его одною ссылкою на

---

[1] *Salvador*, l. c. 374. 579. «Tres ordines candidatorum coram illis sedebant» etc. Mischna. «De Synedriis».

[2] *Michaëlis*, Mosaïsches Recht, VI. § 248.

словарь Буксторфа [1]. Испорченныя греческія названія (sanigur, paraclit), которыя приводитъ Михаэлисъ, говорятъ только о чужеземномъ вліяніи. Послѣдняго обстоятельства не отрицаютъ лучшіе знатоки исторіи евреевъ [2]. Но къ чему заимствовать греческія названія адвокатовъ, если у самихъ талмудистовъ не было никакихъ органовъ судебной защиты? Вѣрно одно: и въ синедріонѣ защита не была дѣломъ устроенной адвокатуры. Ни одинъ изъ извѣстныхъ намъ писателей не даетъ указаній, чтобы ученые юристы требовали, какъ условіе sine qua non, постороннюю защиту для каждаго подсудимаго. Сальвадоръ, Эвальдъ, Эммануилъ Дейчъ, Тониссенъ и многіе другіе не приводятъ изъ Талмуда ни одного выраженія, подобнаго преторскому слову у римлянъ («Если у кого не окажется защитника, тотъ получитъ его по моему назначенію») [3]. Въ большинствѣ случаевъ, средствами защиты оставались — собственная рѣчь подсудимаго и строгій допросъ свидѣтелей. Послѣдняя черта еврейскаго процесса видна въ извѣстномъ дѣлѣ Сусанны. Здѣсь показаніе Даніила, вызвавшее вторичный допросъ обвинителямъ, имѣло силу адвокатской защиты.

Изъ всего предъидущаго можно сдѣлать рѣшительное заключеніе: есть ли адвокатура на самомъ дѣлѣ одно изъ древнѣйшихъ и всемірныхъ учрежденій? Мы разсмотрѣли законодательства, которыя издавна возбуждали громкія похвалы. Вся

---

[1] См. у *Сальвадора*, I, 359, еврейское названіе (Baal rib), которое ученый авторъ переводитъ выраженіемъ: «maître du procès, dominus litis». Вообще, желательно, чтобы вопросъ этотъ былъ болѣе разъясненъ еврейскими правовѣдами и филологами.

[2] *P. Jost*, Geschichte des Judenthums, II, 213. Замѣчанія о законодательствѣ ученыхъ раввиновъ въ Вавилонѣ и Іерусалимѣ.

[3] Dig. L. III. 1. § 4. Ait praetor: «Si non habebunt advocatum ego dabo».

Греція, отъ Пиѳагора и Солона до Діодора сицилійскаго, склонялась передъ мудростію египтянъ. И точно: нельзя отрицать своеобразной силы въ учрежденіяхъ, которыя удовлетворили первымъ потребностямъ народившейся гражданственности. Но гранитная прочность государства въ Индіи и въ Египтѣ зависѣла, между прочимъ, отъ одного условія: народъ оставался неподвижною массою: его давила непомѣрная тяжесть правительства. Индійскій сводъ основательно замѣчаетъ о непотрясаемости такого государства, гдѣ жрецы примиряются съ воинами и гдѣ, по выраженію средневѣковыхъ публицистовъ, оба меча — свѣтскій и духовный — попадаютъ въ однѣ руки. Зданіе, которое возвели теократы въ союзѣ съ деспотами, поражало величавымъ видомъ своимъ. Но милліоны подданныхъ служили въ немъ каріатидами. Цѣлью существованія людей, единственною задачею государства было — увѣковѣчить общественный строй, выгодный для однихъ властителей. Передъ этимъ интересомъ не подымалась рѣчь о человѣческомъ достоинствѣ или о гражданскихъ правахъ отдѣльной личности. Управленіе, судъ, законы уголовные, самая религія, которая долго замѣняла философію и правовѣдѣніе—все это настойчиво преслѣдовало охрану и усиленіе военно-теократической деспотіи. Чѣмъ болѣе наказаній, тѣмъ вѣрнѣе покой государства, говорили законодатели Индіи и Египта. Чѣмъ скорѣе примѣняется наказаніе, тѣмъ цѣлесообразнѣе правосудіе, разсуждала та-же суровая логика. При подобномъ порядкѣ вещей, не находилось мѣста учрежденію, цѣль котораго — отстаивать гражданъ противъ ошибокъ и злоупотребленій правосудія. Адвокаты только мѣшали судьямъ, по циническому выраженію египетскаго свода. Такимъ образомъ, исторія востока рѣшительно опровергаетъ мнѣніе, будто «адвокатура есть древнѣйшее и всемірное учрежденіе». Совершенно — напротивъ. Проходили тысячелѣтія; разростались сильныя

цивилизаціи изъ зачатковъ патріархальнаго быта; издавались законы, устраивались суды; писались книги о правовѣдѣніи и управленіи государствомъ: но не учреждались адвокаты. Даже евреи, которые создали замѣчательнѣйшее судопроизводство на востокѣ, ограничились допущеніемъ судебной защиты и не дали надлежащаго устройства этому установленію.

II.

ГРЕЦІЯ.

Прямой путь отъ востока на западъ не можетъ обойдти Грецію. Не исключая Аттики, страна эта начинаетъ жизнь свою съ учрежденій, на которыхъ лежитъ отпечатокъ востока. Связь съ Азіею ясна для потомства, хотя Плутархъ высказываетъ полную вѣру въ преданіе, будто Тезей впервые далъ эвпатридамъ, вмѣстѣ съ властію политическою, исключительное право изучать и толковать законы[1]. На подобной ступени, гражданственность сдѣлала лишь малый шагъ отъ того состоянія общества, когда правовѣдѣніе и судебная практика составляютъ монополію касты. Но несомнѣнный прогрессъ заключался въ замѣнѣ восточной теократіи свѣтскою аристократіею. При господствѣ эвпатридовъ, открывался выходъ изъ политическаго и общественнаго коснѣнія. Свѣтская аристократія нигдѣ не имѣла способности всецѣло порабощать управляемыхъ. Солонъ, Клейсѳенъ, Аристидъ, Периклъ и Эфіальтъ оказались

[1] *Plutarch.* Theseus. (Ed. Didot, c. 25): ....«Quum patriciis jus concessissent res divinas cognoscendi, magistratus ex suo ordine creandi, et ut leges docerent, sacra et ceremonias reliquis civibus interpretarentur» etc.

возможными въ Аѳинахъ. Знаніе законовъ перешло изъ монополіи эвпатридовъ, при Тезеѣ, въ неотъемлемое право и даже въ обязанность каждаго гражданина, при Солонѣ. И не кто иной, какъ Плутархъ, приписываетъ такія слова аѳинскому законодателю: «счастливъ народъ, у котораго бѣднѣйшій человѣкъ можетъ преслѣдовать судомъ преступленія и проступки сильный людей».—Республиканское устройство стремилось привлечь гражданъ къ дѣятельному участію во всѣхъ сферахъ общественной жизни. Для этого вожди народовластія установили самую широкую правоспособность. Одинъ и тотъ-же гражданинъ осуществлялъ многія права и выполнялъ различныя обязанности. То приходилось снаряжать трирему и отправляться за̀-море съ государственнымъ порученіемъ къ одному изъ союзниковъ. То, вслѣдъ за провозглашеніемъ сената или экклезіи, нужно было идти въ собраніе «шести тысячъ» и отмѣчать — чье имя грозило спокойствію республики. Такіе случаи были чрезвычайными. Но обыденный ходъ государственнаго устройства и управленія доставлялъ самую большую работу. Тридцати-пятидневныя засѣданія выборныхъ пританов отъ каждой филы, недѣльная служба въ должности проэдровъ, полныя засѣданія совѣта пятисотъ, законодательныя коммиссіи номотетовъ, суды, которые требовали многочисленныхъ присяжныхъ (дикастовъ)—все это было въ рукахъ гражданъ. При подобномъ устройствѣ, понятно правило, что каждый гражданинъ долженъ самъ отстаивать интересы свои на судѣ, не прибѣгая къ постороннему пособію. Другими словами: каждый обязанъ быть собственнымъ адвокатомъ. Въ самомъ дѣлѣ, для кого допущены свободное ходатайство и законное представительство постороннихъ лицъ? — для женщинъ и дѣтей (т. е. лицъ alieni juris, подвластныхъ), для иностранцевъ и метойковъ (т. е. лицъ, которыя только терпимы въ государствѣ). Въ случаѣ преступленія, женщину приводятъ на судъ; но ей не даютъ слова. Рѣчь за нее говоритъ

опекунъ изъ родственниковъ (kyrios), а иногда посторонній защитникъ (процессъ Фрины въ ареопагѣ, IV столѣтія передъ Р. Х.). Даже въ утопіи Платона, лишь 40-лѣтній возрастъ предоставляетъ женщинѣ право на самостоятельную защиту передъ судомъ. И строгое наказаніе — обращеніе въ неволю — присуждается положительными законами метойку, который является на судъ безъ простата, хотя-бы по справедливому своему иску.

Въ противоположность такому юридическому положенію, существенною принадлежностію полнаго гражданства считается непосредственное право — обвинять и защищаться отъ обвиненій. Безъ этого, нѣтъ дорогой для грека изономіи. Извѣстно, что публичный искъ противъ опекуновъ былъ первымъ заявленіемъ гражданскаго совершеннолѣтія Демосѳена.

Таково основное положеніе законодательства о судебной защитѣ въ Аѳинахъ. Какъ-же устроилось это учрежденіе? Не изъ однѣхъ юридическихъ древностей извѣстна многочисленность процессовъ на судахъ аѳинскихъ. Аристофанъ сравниваетъ своихъ согражданъ съ крикливымъ сверчкомъ и находитъ болѣе спокойнымъ это насѣкомое; веденіе тяжбъ въ Аѳинахъ не пріостанавливается никакимъ временемъ года. (Извѣстно, что разбирательство по торговымъ дѣламъ происходило зимою, по прекращеніи мореходства). Клеонъ во «Всадникахъ» издѣвается надъ мелочнымъ торговцемъ, который проводитъ ночи безъ сна, разучивая рѣчь, изготовленную чужими руками. Куда направлено это нападеніе? Здѣсь насмѣшка надъ тѣмъ искаженіемъ судебной защиты, которое связано съ именемъ «логографовъ», или «дикографовъ». По неизвѣстнымъ причинамъ, Аристофанъ оставилъ въ покоѣ «синегоровъ» и «параклетовъ» — двѣ другія формы адвокатуры въ Аѳинахъ. Въ чемъ же состояли синего-

рія, параклетія и логографія? Какимъ путемъ образовались онѣ въ Аѳинахъ? По-видимому, законъ, который не допускалъ участія постороннихъ лицъ въ защитѣ полноправнаго гражданина, долженъ былъ уничтожить, въ самомъ корнѣ, всѣ виды адвокатской профессіи. Но противъ такого послѣдствія заговорили могущественныя препятствія. Можно было приспособить гражданъ къ отправленію лейтургій, къ обязанностямъ дикастовъ и т. д. Но ни Клейсѳенъ, ни Периклъ не властны были сообщить юридическія познанія и ораторскую способность каждому аѳинянину. Въ лучшія времена, число ораторовъ, которые осмѣливались говорить передъ народомъ, не превышало нѣскольких десятковъ человѣкъ въ цѣлой республикѣ. Счетъ юристовъ не дойдетъ и до такой скромной цифры, за все существованіе аѳинской демократіи. Вотъ почему, съ теченіемъ времени, отъ столкновенія двухъ силъ — запретительной теоріи и неодолимой общественной потребности—возникло участіе постороннихъ лицъ въ судебной защитѣ. Законъ говорилъ: «всякій долженъ лично защищать себя». Отсюда тотъ строгій выводъ, что истцы и отвѣтчики, обвинители и обвиняемые обязаны личною явкою въ судъ, безъ повѣренныхъ и адвокатовъ. Только болѣзнь, какъ это видно изъ жизнеописаній Мильціада и Исократа, избавляла отъ этой обязанности. Съ другой стороны, неизбѣжное крушеніе самыхъ законныхъ правъ грозило тому, кто вступалъ въ неравную борьбу съ талантливымъ, знающимъ и вліятельнымъ противникомъ. Какъ быть въ такомъ случаѣ? Оставить въ полной силѣ букву закона—значило дѣйствовать по правилу: fiat justitia, pereat mundus, отъ котораго должно отказаться всякое правосудіе. Демократическіе судьи не могли допустить гибели гражданина отъ простой случайности — неумѣнья защитить себя. Потому-то происходили на судахъ такія явленія: «отецъ мой — говоритъ сынъ одного изъ невольныхъ адвокатовъ собственнаго дѣла — могъ бы за-

щищаться передъ вами, судьи, одними явными доказательствами убожества и незнанія. Онъ не болѣе, какъ простой вѣстовщикъ въ Пиреѣ. Работа эта, не говоря уже о бѣдности, не позволяетъ заниматься тяжбами»[1]. Въ простомъ здравомысліи своемъ, рѣчь эта дѣйствуетъ на судей, и они разрѣшаютъ уклоненіе отъ буквы закона. Бѣднякъ, которому предстояла пытка публичнаго состязанія противъ сильныхъ и ловкихъ людей, находитъ защитника. Слово дается не самому истцу, но его сыну, участіе котораго равносильно адвокатскому пособію. Правда, такіе случаи полной уступки слова своего на судѣ довольно рѣдки въ рѣчахъ Демосөена.

Чаще — иные виды отступленій отъ запретительнаго закона. Главная сторона произноситъ свою рѣчь. Но, опасаясь силы новыхъ доводовъ противника, или нуждаясь въ «репликѣ» на его возраженія, отвѣтчикъ или подсудимый призываетъ помощь постороннихъ лицъ. Судьи и здѣсь даютъ разрѣшеніе. Такія рѣчи, произнесенныя для поддержки главной стороны, извѣстны подъ названіемъ «девтерологій». Ихъ насчитываютъ немало у Демосөена, Лизіаса и другихъ адвокатовъ[2]. Эгжеръ приводитъ любопытный отрывокъ изъ девтерологіи, написанной Гиперидомъ: «я сказалъ все или почти все, что могли услышать вы, судьи. Но мой обвинитель — человѣкъ искусившійся въ судебной борьбѣ и привычный къ слову — привлекъ къ себѣ по-

---

[1] *Demosthen.* Orationes (Edit. Didot, P. 2, 866). Contra Leocharem: «Pater hic meus una paupertatis, ut vos omnes nostis, et imperitiae manifestis testimoniis pugnat. Nam in Piraeo praeconium factitat, id quod non modo paupertatis.....sed et occupationis est argumentum, quae lites sectari prohibeat» etc.

[2] Ср. *Müller*, Gesch. der gr. Litt.—*Egger*, Mémoire: «Si les Atheniens ont connu les avocats».—*Mure*, Critical History of the language and litterature of anc. Greece. IV. p. 102. etc.—*Blass*, Die Griech. Beredsamkeit, Ss. 57, 93, 127, 150, 185 etc. Особ. 213 etc.

мощниковъ, чтобы погубить гражданина, наперекоръ всякой справедливости. Въ свою очередь, прошу и умоляю я васъ, судьи, о дозволеніи призвать такихъ людей, которые могли бы поддержать меня въ этомъ важномъ спорѣ. Выслушайте благосклонно того изъ родственниковъ или друзей моихъ, кто придетъ выручать вашего согражданина: простаго и нерѣчистаго человѣка, который борется здѣсь не за жизнь свою — это было бы не важнымъ дѣломъ, — но за избавленіе отъ изгнанія, но за право похоронить кости свои въ родной Аттикѣ. Если только вы дозволите, судьи, то я сейчасъ-же призову кого нибудь на помощь. Всходи сюда, Ѳеофилъ, и скажи за меня что можешь. Судъ разрѣшаетъ тебѣ» [1]. — Отсюда видно, какъ проста была форма судебной рѣчи, и на какихъ основаніяхъ допускалось участіе адвокатовъ. Гражданинъ, говорившій по тексту опытнаго юриста Гиперида, намѣренъ призвать кого-либо «изъ друзей и родственниковъ». Настоящій защитникъ, написавшій рѣчь Ликофрона и, быть можетъ, девтерологію (реплику) Ѳеоѳила, остается въ тѣни. Нѣтъ открытаго обращенія къ одному изъ членовъ адвокатскаго сословія, признаннаго закономъ. — Тѣ-же формы и обычаи можно прослѣдить въ нѣсколькихъ рѣчахъ у Демосѳена. Такъ, въ одномъ изъ четырехъ любопытныхъ процессовъ по нарушенію договора бодмереи (что называется у французскихъ юристовъ: pret à la grosse aventure), сначала самъ обманутый кредиторъ произноситъ рѣчь свою. Послѣднія слова его очень близки къ тексту Гиперида: «Сказалъ я, что могъ, судьи. Теперь прошу, чтобы помогъ мнѣ кто-нибудь изъ друзей. Всходи (на трибуну), Демосѳенъ» [2]. Еще любопытнѣе и характернѣе, во всѣхъ отно-

[1] *Egger*. l. c. p. 6.

[2] *Demosth*. l. c. p. 681. At ego quidem, quae potui, dixi; peto autem, ut et amicorum aliquis mihi patrocinetur. Ascende, Demosthenes».

шеніяхъ, рѣчь въ другомъ демосѳеновскомъ процессѣ. Здѣсь починъ въ состязаніи принадлежитъ главной сторонѣ (Ѳеомнесту). За-тѣмъ призывается къ девтерологіи постороннее лице (Аполлодоръ). И вотъ какъ мотивируется призывъ: главная сторона страдаетъ молодостью и отсутствіемъ опыта; призываемый ораторъ, при зрѣлости возраста, исполненъ таланта и знаній[1]; Аполлодоръ питаетъ личную ненависть къ Стефану, мужу Нееры. Не смотря на послѣднюю часть заявленія, судьи разрѣшаютъ участіе посторонняго оратора, которое признается судьями за адвокатскую защиту (advocatio, syngoria). Съ привлеченіемъ Аполлодора къ дѣлу, наступаетъ серьезная борьба для противниковъ. Рѣчь, второстепенная по формальному порядку судоговоренія, оказывается главною по содержанію.— Защитники, которые привлекались такимъ способомъ къ дѣлу, носили названіе «синегоровъ» (synegoros). Какъ видно изъ процесса противъ Нееры, рѣчь ихъ могла касаться главной сущности дѣла, доказывать фактическую вѣрность и юридическую основательность цѣлой претензіи. Значитъ, въ роли синегора выступалъ защитникъ, который наименѣе разнится отъ современнаго адвоката. Юридическое положеніе такого оратора очень логично опредѣлено Эсхиномъ, который говоритъ, что «синегоръ не отвѣчаетъ за рѣчь, произнесенную имъ на судѣ, тогда какъ свидѣтель отвѣтственъ за свое показаніе»[2]. Это — любопытный проблескъ начала, которое получило теперь

[1] Послѣднее сомнительно. Рѣчь (l. c. p. 709, Contra Neeram) написана Демосѳеномъ или кѣмъ-то другимъ, если вѣрить греческому критику Діонисію. Во всякомъ случаѣ, Аполлодоръ выучилъ ее по чужому тексту. Вотъ латинскій переводъ греческаго текста: «Nam et natu major est quam ego, et legum peritior, ab isto Stephano laesus... nec invidiosum est eum ulcisci a quo sit lacessitus» etc.

[2] *Platner*, D. Process u. die Klagen bei den Attikern etc.

всеобщее признаніе, благодаря римской пропагандѣ юридическихъ понятій[1].— Кромѣ синегоріи, греческій процессъ знаетъ еще одну форму защиты. Не всегда требовалась адвокатская помощь въ томъ объемѣ и содержаніи, которые видны въ рѣчахъ синегоровъ. Собственная защита главной стороны могла, съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, достигнуть цѣли — убѣдить судей. Требовалось только: пояснить какое-либо отдѣльное обстоятельство, подкрѣпить извѣстную часть въ главной рѣчи, тронуть присяжныхъ картиною незаслуженныхъ бѣдствій, изобразить нравственныя качества или гражданскую доблесть подсудимаго и т. д. Для подобныхъ заявленій призывались иногда ораторы изъ среды народа, который всегда съ участіемъ слѣдилъ за судебными преніями въ Аѳинахъ. Весьма возможно, что подсудимые и тяжущіеся заранѣе приводили свиту друзей, родственниковъ, сочленовъ гена (геннетовъ) или фратріи (фраторовъ). Во всякомъ случаѣ, кто-бы ни выходилъ на зовъ главной стороны — родственникъ, другъ или посторонній человѣкъ — ему давалось слово. Рѣчь такого защитника выслушивалась судомъ, а самъ ораторъ назывался «параклетомъ». Отличіе его отъ свидѣтелей заключается въ томъ, что параклетъ могъ говорить лишь о фактахъ, не вошедшихъ въ показанія. Чаще всего параклетъ ограничивался похвалами подсудимому, что̀ ни подъ какимъ видомъ не входитъ въ прямую обязанность свидѣтелей. Въ томъ случаѣ, когда рѣчь сосредоточивалась на подтвержденіи «правдивости» или «честности» главной стороны, принесшей присягу, параклетъ выполнялъ роль, нѣсколько напоминающую соприсяжника (conjuratores). Но и здѣсь не можетъ быть уподобленія, потому что параклетъ говорилъ о «правдивости» извѣстнаго лица вообще, а

[1] De errore advocatorum. Фактическую невѣрность исправляетъ главная сторона. Юридическую — судья, не подвергая адвоката отвѣтственности.

не въ частности, по отношенію къ присягѣ. Самъ параклетъ не давалъ присяги. Такимъ образомъ, роль его въ процессѣ можно связать лишь съ дѣломъ судебной защиты. Сходство съ синегоромъ видно на одномъ произнесеніи изустной рѣчи въ интересахъ подсудимаго. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, между параклетомъ и синегоромъ слѣдуетъ признать существенное отличіе. Защита въ формѣ параклетіи, еще болѣе чѣмъ синегорія, удаляется отъ современной адвокатуры.

Судебная защита въ Аѳинахъ не остановилась на двухъ описанныхъ видахъ. Подъ вліяніемъ тѣхъ-же причинъ, которыя произвели синегоровъ и параклетовъ, произошла цѣлая промышленность. Можно было знающему человѣку написать рѣчь по извѣстному дѣлу и продать ее несвѣдущему и безталантному подсудимому. Рѣчь выучивалась наизусть — какъ видно это въ примѣрѣ изъ Аристофана — и произносилась передъ судьями. Такое значеніе имѣли логографы или дикографы. Вліяніе ихъ на судебную практику было весьма сильно. Громадное большинство процессовъ аѳинскихъ не имѣло иныхъ защитниковъ. Сотни рѣчей произносились на судахъ по чужому тексту. Лишь десятый процентъ принадлежитъ, по праву литературной собственности, самимъ тяжущимся или ихъ адвокатамъ[1]. Есть примѣры, что защитникъ, которому дается слово послѣ главной стороны, произноситъ рѣчь, купленную у логографа (Аполлодоръ противъ Стефана, по тексту Демосѳена). — И такъ логографія есть продуктъ теоріи, которая требовала, во что бы то ни стало, самозащиты отъ каждаго гражданина. Это — любопытнѣйшій примѣръ обычая, крѣпко построеннаго на явномъ уклоненіи отъ формальнаго закона. Нужно однако-же замѣтить, что логографія не развилась бы съ такою силою безъ содѣйствія другихъ обстоятельствъ. Извѣстно, что въ Аѳинахъ не надолго удер-

---

[1] Ср. *Ottfr. Müll.* l. c. — *Egger.* Mémoire etc. p. 10.

жался «здоровый сокъ Перикла», по счастливому выраженію Цицерона [1]. Въ концѣ V столѣтія, особенно размножились поклонники сицилійскихъ говоруновъ [2]. Съ жадностью выслушивалось ученіе Протагора, что назначеніе человѣка — въ страдательномъ принятіи тѣхъ впечатлѣній, которыя приноситъ ему вѣчное движеніе природы [3]. Отсюда — осмѣяніе платоновскихъ идей о правдѣ, добрѣ и познаніи истины. Отсюда—безразличное отношеніе къ самымъ противоположнымъ дѣйствіямъ и понятіямъ. Но у живаго аѳинскаго народа всякая теорія быстро переходила въ практику. Философское ученіе должно было повліять на судебное краснорѣчіе. Цицеронъ говоритъ, что Исократъ былъ кумиромъ одной изъ многочисленныхъ школъ въ Аѳинахъ [4]. За недостаткомъ глубокой мысли и твердыхъ убѣжденій, водворилась такая вѣра: слово, само по себѣ, есть сила. Въ немъ — вся истина, все знаніе и добродѣтель [5]. Удачно округленный періодъ дѣлалъ свѣтлое темнымъ, и на-оборотъ. Вѣроятіе и правдоподобіе отъискивались съ особенною легкостью при неимѣніи нравственнаго критеріума. Въ руководствахъ краснорѣчія появились разсужденія о судебныхъ доказательствахъ. Скептическое равнодушіе передъ всѣмъ, кромѣ собственныхъ выгодъ, направило діалектическія умствованія къ

---

[1] *Cicero,* Brutus, p. 30—37. (Edit. Meyeri. 1838).

[2] Цицеронъ называетъ ихъ: Siculi acuta gens, et controversa naturâ.

[3] *Ottfr. Müller.* l. c.

[4] Brutus, p. 28. Magnus orator et perfectus magister, quamquam forensi luce caruit intraque parietes aluit eam gloriam etc.

[5] Прекрасно выражено такое воззрѣніе у Цицерона (De orator. I; 18), когда знаменитый адвокатъ заставляетъ Антонія бесѣдовать съ аѳинскимъ философомъ: «Ipsam eloquentiam... unam quandam esse virtutem, et qui unam virtutem haberet, omnes habere, easque esse inter se aequales et pares; ita qui esset eloquens, eum virtutes omnes habere atque esse sapientem» etc.

подрыву самыхъ очевидныхъ признаковъ справедливости и безвинности. То-же самое научило прикрывать вопіющую преступность и беззаконіе. Составились цѣлыя книжки рѣчей по вымышленнымъ случаямъ (тетралогіи Антифона), причемъ преподавалось искусство говорить въ защиту и въ обвиненіе по одному и тому-же дѣлу. Накопился богатый запасъ адвокатской силы: діалектика, которая соединялась иногда съ основательнымъ знаніемъ законовъ. Но учрежденія не благопріятствовали открытой адвокатурѣ. Тогда удобнымъ и единственнымъ выходомъ для сдержанной силы явилась судебная защита въ формѣ логографіи.—Занятіе это не пользовалось уваженіемъ въ обществѣ. Слова — «логографъ» и «дикографъ» не были лестнымъ названіемъ. Такъ именовалъ Эсхинъ Демосѳена, разсчитывая нанести ядовитый уколъ противнику. Обвиненный Сократъ, которому предлагалъ готовую рѣчь Лизіасъ, съ пренебреженіемъ отклонилъ услугу преданнаго ученика своего. Само правительство подымало иногда преслѣдованія противъ логографовъ[1]. Изъ нихъ одни, выдержавши, подобно Исократу, нѣсколько процессовъ, отрекались отъ ремесла. За-то другіе оказывались настойчивѣе. Отъ половины V-го столѣтія передъ Р. Х., идетъ рядъ логографовъ, между которыми стоятъ историческія имена Лизіаса, Изея, Демосѳена и Гиперида. Не видно, чтобы противъ нихъ вчинались публичные иски за дикографію. Между тѣмъ Лизіасъ сотнями продавалъ рѣчи по уголовнымъ процессамъ и только однажды выступалъ открытымъ адвокатомъ въ собственномъ дѣлѣ. Изей прославился десятками логографій по гражданскимъ тяжбамъ. Демосѳенъ написалъ тѣмъ-же способомъ значительную часть образцовыхъ рѣчей своихъ. Но первымъ логографомъ по времени и, мо-

[1] *Cicero*, Brut. p. 38. «Isocratem artem dicendi esse negavisse, scribere autem aliis solitum orationes, quibus in judiciis uterentur, sed cum ex eo, quia quasi committeret contra legem... saepe ipse in judicium vocaretur» etc.

жетъ статься, однимъ изъ первыхъ по таланту, былъ Антифонъ, казненный демократическою партіею послѣ изгнанія олигархическихъ тиранновъ. Не было человѣка, по словамъ Ѳукидида, болѣе способнаго поддержать совѣтомъ своимъ тѣхъ, кому предстояла борьба на судѣ или въ народномъ собраніи. У того-же историка находится объясненіе, почему Антифонъ взялся за логографію. Не произносилъ онъ изустныхъ рѣчей и не вступался открыто въ тяжбы, потому что страшился ревниваго недовѣрія въ народѣ къ необыкновенной силѣ своего слова[1].

Послѣдняя черта любопытна. Съ тонкостью вѣрнаго рѣзца проведена она туда, гдѣ скрывается одна изъ причинъ своеобразнаго развитія аѳинской адвокатуры. Зная историческую роль и политическія убѣжденія Антифона, можно угадать, что̀ именно сильнѣе всего возбуждало народъ противъ знаменитаго логографа. Но нельзя упускать и другаго обстоятельства. У аѳинянъ было нерасположеніе къ юристамъ и не имѣлось наклонности къ правовѣдѣнію. Демосѳенъ высказываетъ, что «судъ обязанъ разрѣшать, по совѣсти и по крайнему разумѣнію своему, тѣ случаи, которые не предусмотрѣны закономъ»[2]. Рѣшеніе ex bono et aequo, по доброй волѣ выборныхъ судей, объявлено общимъ правиломъ. Нигдѣ не видно намека на запросъ, который бы обращался, при возникшемъ затрудненіи, къ опытному законовѣду. И едва-ли отыщутся на судахъ дикастовъ обычаи, подходящіе къ римскимъ учрежденіямъ (disputatio fori;

---

[1] Ср. *Thucidides*. Ed. Didot. VIII. 68. «Antiphon... qui in populi quidem concionem non prodibat neque alibi sua sponte ad certamen ullum, sed qui *propter eloquentiae vim multitudini suspectus* esset, eos tamen qui vel in judicio vel apud populum certabant, quisquis cum aliqua de re consuluisset, hic unus vir plurimum juvare poterat» etc.

[2] *Demosthenes*, Ed. Didot, p. 257 (adversus Leptin.): «Quarum rerum leges nullae sunt; de iis ex animo justissime discreturus...».

responsum prudentum). Всегдашнимъ идеаломъ аѳинской демократіи было уменьшеніе числа законовъ. По мнѣнію государственныхъ людей, все законодательство слѣдуетъ свести къ нѣсколькимъ частнымъ правиламъ и сдѣлать доступнымъ пониманію самаго темнаго гражданина. Подобное упрощеніе не дастъ никому повода возмущаться обиднымъ сознаніемъ о превосходствѣ чужаго знанія надъ собственнымъ невѣжествомъ[1]. Едва-ли можно придумать болѣе характерное выраженіе для тѣхъ безусловныхъ понятій о равенствѣ, которыя господствовали въ Аѳинахъ!

Но если таковы были убѣжденія передовыхъ людей, еще понятнѣе неблагосклонное настроеніе массы, о которомъ сказано выше. Спеціальныя занятія правовѣдѣніемъ могли показаться рѣшительною попыткою стать выше демоса, повелѣвать совѣстью судей и наложить руку на управленіе государствомъ. Законодательство запрещало такъ-называемымъ прагматикамъ занимать, долѣе 2-хъ лѣтъ, секретарскія должности при одномъ и томъже сановникѣ (архонтѣ, стратегѣ и проч.). Почему? Прагматики были единственнымъ классомъ людей, которые серьезно изучали законы, а демократія боялась вліянія юристовъ на выборныхъ и малосвѣдущихъ сановниковъ. Ревнивый страхъ демоса могъ только увеличиться, если къ опасному знанію правовѣда привходило краснорѣчіе—сила, которая обаятельно дѣйствовала на впечатлительныхъ аѳинянъ. А если-бы юристы-ораторы составили изъ себя отдѣльное общество? Если-бы они образовали могущественную республику въ республикѣ? Подобное явленіе представлялось чудовищнымъ для демоса, который не мирился съ мыслію о превосходствѣ отдѣльныхъ лицъ надъ массою.

[1] *Demosthen.* Ibidem. p. 253. «Ut singulis de rebus leges singulae sint... Ut eadem legere et discere simplicia et perspicua liceat omnibus... Neque homines imperitos id ipsum turbet et efficiat, ut hi deteriore conditione sunt quam qui universas sciant» etc.

Все это должно было имѣть рѣшительное вліяніе на судьбу адвокатуры. Нельзя довольствоваться катоновскимъ опредѣленіемъ судебнаго оратора (vir bonus, dicendi peritus). Кромѣ нравственныхъ качествъ и таланта, юридическое образованіе, вмѣстѣ съ сознаніемъ о достоинствѣ независимой профессіи, необходимы для адвоката. Но нерасположеніе къ правовѣдѣнію, при сосредоточенности на политическихъ и философскихъ вопросахъ, помѣшало образованію отдѣльнаго класса юристовъ. А профессія адвоката, которая не опирается на науку о правѣ, лишена одного изъ жизненныхъ условій. Въ аѳинскомъ обществѣ, мѣсто образованнаго законовѣда заняли риторы и софисты, которые могли создать однихъ логографовъ. Выше было показано, что общество не уважало этихъ торговцевъ рѣчами. Оно только терпѣло ихъ, прощая отдѣльнымъ лицамъ логографію за блестящія дарованія и политическія заслуги. Не адвокатство, но государственное ораторство и управленіе дѣлами дали вліяніе и славу Периклу съ Демосѳеномъ. Значитъ, не имѣлось еще одного изъ существенныхъ условій для правильнаго развитія сильной адвокатуры. Кромѣ того, въ Аѳинахъ встрѣчаются между простыми гражданами ассоціаціи или товарищества для взаимной защиты[1]. Если связь между членами общества дѣйствительно доходила до совмѣстнаго веденія тяжбъ и уголовныхъ процессовъ, тогда возникало соперничество, невыгодное для адвокатовъ. Во всякомъ случаѣ, однимъ изъ юридическихъ отношеній въ филахъ, которыя оставались нетронутыми до Клейсѳена, была взаимная защита для сочленовъ фратріи или гена. Слѣдовательно, до извѣстной степени, древній обычай этотъ дѣлалъ излишнимъ пособіе спеціальнаго защитника. Но важнѣе всего было вліяніе основнаго положенія, по которому всякій долженъ защищаться на судѣ, не прибѣгая къ чужой помощи.

---

[1] Ср. *Meier u. Schömann*, S. 709. Nota 21.

Самъ Аристотель [1] даетъ философскую опору этому закону. «Стыдно, говоритъ онъ, не умѣть отразить силу физическою силою; но еще постыднѣе не защитить себя словомъ, которое болѣе тѣлесной мощи свойственно человѣку».

Къ чему-же были спеціальные юристы, если такъ легко изучить немногочисленные законы? За-чѣмъ устроенная адвокатура и прокуратура, если каждый обязанъ выполнять роль обвинителя и защитника? Въ полномъ согласіи съ характеромъ и политическимъ устройствомъ аѳинянъ, не возникло здѣсь коллегіальныхъ судовъ и магистратуры, имѣвшихъ значительное вліяніе на развитіе адвокатуры у другихъ народовъ. Лишь ареопагъ составлялся изъ пожизненныхъ членовъ. Но учрежденіе это было отодвинуто на дальній планъ выборными коммиссіями присяжныхъ дикастовъ. Неустойчивость и подвижность—отличительныя черты аѳинской демократіи. Нигдѣ не видно тѣхъ условій, которыя содѣйствуютъ обособленію и возвышенію юридическаго труда, во всѣхъ формахъ его. При такихъ данныхъ, трудно было создать вліятельную профессію, а еще труднѣе устроить сильную корпорацію адвокатовъ въ государствѣ.

Теперь можно рѣшить — извѣстно ли Аѳинамъ такое учрежденіе, которое вполнѣ отвѣчало бы современному понятію объ одвокатурѣ? И существуетъ ли различіе въ одномъ названіи, какъ полагаютъ это нѣкоторые, весьма почтенные писатели? [2]. Если

---

[1] Rethor. I. 1. § 12. Ed. Didot. «Praeterea vero absurdum est, si corpore quidem turpe sit non posse sibi ipsi opitulari, oratione vero turpe non sit; quae magis propria est hominis, quam corporis usus» etc.

[2] *Mollot*, Règles sur la profess. d'avocat. 1866. *Leberguier*, Le barreau moderne, 1861. — Вотъ слова Моллò: «Qu'importe le nom ou le titre que l'on ait assigné à ceux qui parlaient pour autrui, avec ou sans rémunération, soit dans les affaires politiques et criminelles, soit pour défendre des intérets privés et civils. N'est-il pas évident qu'en cela ils ont rempli l'office d'avocat?» etc. I. 186.

дѣло идетъ о словахъ, то, конечно, споръ безполезенъ. Но вопросъ о различіи между адвокатурою Аѳинъ и ново-европейскихъ обществъ затрогиваетъ основныя начала устройства и общественную роль учрежденія. Принципъ современныхъ законодательствъ таковъ, что адвокатъ необходимъ и считается, если можно такъ выразиться, органическою частью каждаго процесса. Никто не выразилъ лучше Фейербаха этотъ взглядъ, общій всему образованному міру. «Умъ и знаніе, даръ слова и бойкое перо» — говоритъ германскій криминалистъ [1] — «обратились въ силу, которая служитъ праву, съ той поры, какъ кулакъ и мечъ перестали ратовать во имя закона. Всѣ обладаютъ правами, но немногіе — силою. Потому-то сама справедливость возводитъ этихъ «немногихъ» въ роль представителей и защитниковъ для «многихъ». — Люди, способные защищать другихъ, не всегда годны отстаивать самихъ себя по той причинѣ, что искуснѣйшій врачъ поручаетъ иногда свое лѣченіе собрату». И такъ, современный міръ выставляетъ положеніе: нѣтъ ничего труднѣе, какъ быть защитникомъ своего дѣла. Греческая цивилизація вѣритъ въ такую истину: нѣтъ защитника лучше себя самого. Полагаемъ, что нельзя придумать болѣе рѣзкаго противорѣчія между коренными началами той и другой защиты. — Отсюда произошли многочисленныя послѣдствія; народились такія частности, изъ которыхъ видна не менѣе глубокая рознь между двумя соименными учрежденіями. Припомнимъ тѣ основанія, по которымъ привлекались къ дѣлу синегоры и параклеты: родство или дружба къ одной сторонѣ, ненависть къ другой. Ясно, что порядокъ этотъ не имѣлъ ничего общаго съ теперешнимъ. Адвокатъ призывается не по родству съ под-

[1] *Feuerbach*, Betrachtungen etc. Cp. *Gneist*, Die freie Advocatur. *H. Jacques*, Die freie Advoc. u. ihre legislative Organisation. 1868. Ss. 9. 70—77. *Daniel*, On advocacy as connected with the administration of Justice. Papers read bef. the jurid. society. 1857. S. 304.

судимымъ, еще менѣе по ненависти его къ обвинителю, а потому что онъ спеціалистъ въ дѣлѣ защиты.—Въ Аѳинахъ, защита имѣетъ характеръ частнаго отношенія. Она разрѣшается судьями, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, какъ-бы изъ снисхожденія къ слабости главной стороны. Въ новомъ мірѣ, тотъ-же фактъ является законнымъ и общественнымъ. — Синегоръ только дополняетъ рѣчь главной стороны. Онъ нуженъ главнымъ образомъ для реплики, вторичнаго возраженія. Лишь случайное совпаденіе знаній и таланта съ ролью синегора даютъ его защитѣ первенствующее значеніе. Современный адвокатъ избавляетъ кліента отъ судебной рѣчи и защищаетъ главнымъ образомъ сущность дѣла (Il plaide au fond, какъ выражаются французскіе юристы). — Синегоръ не заключаетъ съ подсудимымъ такого договора, который бы признавался на судѣ за законное соглашеніе. Отношеніе современнаго адвоката къ своему кліенту всегда составляетъ юридическое обязательство. — Далѣе, переходя къ параклету, мы видимъ, что защита его состоитъ въ панегирикѣ подсудимому. Онъ желаетъ разжалобить судей, не касаясь сущности дѣла, изложеннаго главною стороной. Но современный адвокатъ теряетъ свое достоинство и погрѣшаетъ противъ интересовъ кліента, если впадаетъ въ голословныя похвалы, оставляя въ сторонѣ сущность дѣла. Наконецъ, современный адвокатъ долженъ говорить свою рѣчь, а синегоры, и быть можетъ даже параклеты, за-частую ораторствовали по заученному и чужому тексту. [1] Злоупотребленіе, особенно постыдное и даже невозможное въ современной адвокатурѣ, было терпимымъ обычаемъ въ адвокатурѣ греческой. — Но что сказ-

---

[1] См. выше объ участіи Аполлодора въ процессѣ Ѳеомнеста. Ср. *Egger*, Mémoires de litt. anc. p. 367 etc. «Certains hommes recherchaient habituellement le rôle de défenseur devant les tribunaux, où ils récitaient soit leurs propres discours, soit les discours composés pour eux par un logographe» etc.

зать о логографахъ? Они составляютъ своеобразнѣйшее явленіе, нѣчто единственное (unicum), какъ выражается Гнейстъ о прусскихъ «ассистенцъ-ратахъ». У логографовъ нѣтъ и приблизительнаго подобія съ ново-европейскими адвокатами, включая сюда нѣмецкихъ защитниковъ по кодексу канцлера Кокцеи. Современные адвокаты пишутъ иногда записки по дѣламъ. Но открытая форма мемуара не облекаетъ таинственностью имя автора. Между тѣмъ рѣчи логографовъ составляли внѣ-судебный актъ, не имѣвшій значенія, пока текстъ не произносился главною стороною. Логографія игнорируется, и до IV столѣтія преслѣдуется закономъ. Въ одной подобной чертѣ лежитъ неизмѣримое разстояніе между греческою и новою адвокатурой. Изъ одной этой розни произошли, въ свою очередь, безчисленныя послѣдствія.

Благодаря законному и открытому участію защитника, теперь менѣе возможенъ торгъ адвокатскою совѣстью, что̀ сплошь да рядомъ встрѣчается на судахъ Греціи. При этомъ не берутся въ разсчетъ однѣ дюжинныя личности (advocati minores, по выраженію римлянъ). Адвокаты высочайшихъ талантовъ позволяютъ себѣ такія дѣйствія, отъ которыхъ съ презрѣніемъ отвернется масса посредственныхъ дѣльцовъ въ современномъ обществѣ. Перебирая самые громкіе процессы греческихъ судовъ, можно открыть возмутительныя нарушенія честности и деликатности профессіи. Лучшіе изъ аѳинянъ — люди, славные своимъ патріотизмомъ и самопожертвованіемъ на пользу республики — являются въ сомнительномъ свѣтѣ какъ адвокаты. Видно, что польза, деньги и вообще практическіе разсчеты стоятъ на первомъ планѣ. Вопросы о справедливости дѣла, о честности и невинности кліента весьма мало занимаютъ защитниковъ. Послѣдніе дѣйствуютъ какъ истые ученики софистовъ и риторовъ. Они упражняются въ діалектикѣ, отстаивая нынче то̀, на что̀ нападали вчера, съ театральною энергіей возмущенной добро-

дѣтели. Какъ опредѣлить роль адвоката, который пишетъ четыре обвинительныя рѣчи для кляузнаго богача, и за-тѣмъ внезапно переходитъ на сторону его противника? Кажется, изготовляя рядъ длинныхъ и образцовыхъ защитъ, можно достаточно вглядѣться въ истину. Оставленіе кліента при подобныхъ условіяхъ есть самая грубая измѣна адвокатскому долгу (praevaricatio). Но это не все. Процессъ покинутаго кліента проигрывается, хотя имѣетъ близкое отношеніе къ прежнимъ дѣламъ, которыя успѣшно окончены съ помощью знаменитаго адвоката. И лишь-только приводится въ исполненіе рѣшеніе, какъ тотъ-же адвокатъ снова поворачиваетъ къ своему ех-кліенту по 4-мъ процессамъ и пишетъ громовую рѣчь противъ главнаго свидѣтеля со стороны соперника, выигравшаго тяжбу.

Не легко сказать, что подобная тактика принадлежитъ Демосѳену, личность котораго не выгодно раздвояется, если разсматривать его какъ политическаго и какъ судебнаго оратора. [1] Строго, но правдиво замѣтилъ древній писатель (Плутархъ): «не значитъ ли это взять два меча изъ одного склада и выгодно продать ихъ людямъ, которые намѣрены перерѣзать другъ другу горло?».

Не менѣе отрицательны тѣ заключенія, которыя можно сдѣлать объ ораторскихъ пріемахъ у греческихъ адвокатовъ. Есть, безспорно, рѣчи, гдѣ защитникъ опирается на силу логики, при необычайномъ искусствѣ сгруппировать факты и доказательства, при остроумномъ выводѣ рѣшительныхъ заключеній изъ того, что покажется незначительною частностью для неопытнаго гла-

---

[1] Ср. *Curtius*, Griech. Geschichte. III. «Demosthenes als Sachwalter». Прекрасная, но нѣсколько идеальная характеристика Демосѳена, какъ частнаго адвоката. Осторожнѣе въ своемъ приговорѣ Эгжеръ, который признаетъ погрѣшности великаго оратора, но ищетъ смягчающихъ обстоятельствъ въ формахъ греческой адвокатуры.

за [1]. Но не одни такія произведенія насчитываются знатоками греческой литературы. Большею частію, адвокаты прибѣгаютъ къ личнымъ доводамъ (argumenta ad hominem) въ пользу или противъ извѣстныхъ сторонъ. Вахсмутъ приводитъ содержаніе одной рѣчи, гдѣ логографъ Антифонъ принялъ такую систему защиты: « NN любимецъ боговъ, потому что богатъ, а кого любятъ боги, тотъ не можетъ быть осужденъ за преступленіе» [2]. Съ другой стороны, если противникъ кліента богатъ, то сочинитель рѣчи съ ловкостью набрасывалъ подозрѣніе на источникъ обогащенія. Тутъ адвокатъ софистически выставлялъ обратную сторону медали. Богачъ гордъ и презираетъ народъ. У такого человѣка не можетъ быть искренней преданности къ народовластію; въ глубинѣ души, онъ всегда съ олигархами и т. п. Въ немногихъ случаяхъ, юридическіе доводы берутъ верхъ надъ голымъ изложеніемъ фактовъ, перечисленіемъ законовъ или нравственныхъ сентенцій. И опять слѣдуетъ замѣтить, что самъ Демосѳенъ не всегда избѣгаетъ личныхъ доводовъ [3]. Деликатность современной профессіи нашла бы возмутительными адвокатскіе пріемы въ упомянутомъ уже процессѣ противъ Нееры. Здѣсь честь и достоинство жены подвергаются нападенію лишь для того, чтобы повредить мужу. Еще печальнѣе такой фактъ, когда выносится на публичный позоръ доброе имя матери клі-

---

[1] Кромѣ рѣчей Демосѳена, сравн. извлеченія изъ тетралогіи Антифона у *Ottfr. Müller*'а.

[2] *Wachsmuth*, Hellenische Alterthumskunde. 2 B. S. 275.

[3] Какъ одинъ изъ многихъ примѣровъ, см. Exceptio pro Phormione, p. 449. «Te chlamydem gestare, et aliam redemisse aliam collocasse meretricem, eaque te facere, quum uxorem habeas, et tres pueros pedisequos circumducere et ita luxuriose vivere» etc. Сравн. также заключеніе рѣчи противъ Макартата (p. 565): Atque illos ipsos vobis supplicare judicibus, ne sua familia exstinguatur ab immanibus istis belluis etc.

ента. Подобныхъ пріемовъ нельзя закрасить оправданіемъ, что богачу-кліенту выгодно доказать незаконное рожденіе младшаго брата [1].

Но довольно и этихъ примѣровъ. Соображая все сказанное, видно, что споръ идетъ не объ однихъ словахъ, а объ серьезной сущности дѣла. Нельзя относиться съ равнодушіемъ къ частностямъ, которыя всегда и вездѣ подготовляютъ общій выводъ. Мало того, что извѣстное законодательство допускало защиту. Нужно знать: на какихъ основахъ устроилась и какъ дѣйствовала адвокатура у даннаго народа? Тогда яснѣе будутъ сходство и особенности однородныхъ учрежденій. — Своеобразное греческое учрежденіе не имѣетъ общественнаго значенія и нравственнаго достоинства, какими должна обладать адвокатура. Явленія этого не объяснятъ одни общія замѣчанія о моральной немощи языческаго міра. Едва-ли не самая важная причина заключается въ органическихъ порокахъ учрежденія. Будучи сама послѣдствіемъ сложныхъ причинъ, логографія послужила главнымъ источникомъ адвокатской безнравственности. Скрываясь за текстомъ рѣчи, можно съ особенною легкостью забыть объ обязанностяхъ и чести защитника, упустить изъ виду средства и преслѣдовать одну корыстную цѣль. Судъ согражданъ надъ талантомъ адвоката, нравственная отвѣтственность за участь кліента: все это безразлично для логографа. Трудно найдти болѣе сильный доводъ (a contrario) въ пользу строгаго контроля общественнаго мнѣнія надъ гласною дѣятельностью независимой, по устройству своему, адвокатуры.

Послѣ всего сказаннаго, невозможно согласиться съ мнѣніемъ, будто бы въ самое отдаленное время установились у грековъ правила профессіи [2]. При Драконѣ, въ коммиссіяхъ эфетовъ,

---

[1] *Demosthen.* Orat. in stephanum prior, p. 591.

[2] *Mollot.* P. I. 184. Авторъ слѣдуетъ здѣсь за писателемъ XVIII стол. *Бушѐ д'Аржи* (*Boucher d'Argis*), Hist. abr. de l'ordre

не видно участія защитника. Да и трудно предположить ихъ, зная формы судопроизводства въ палладіумѣ, дельфиніумѣ, фреаттисѣ и пританеѣ [1]. О процессѣ въ ареопагѣ совершенно умалчиваетъ строгій тесмотетъ аѳинскій. Разбирательство чрезъ посредниковъ (діэтетовъ) — глубоко древнее учрежденіе въ Греціи какъ и повсюду — также не представляетъ никакихъ данныхъ для адвокатуры. Что-же касается Солона, то за нимъ признается лишь одно правило (о защитѣ дѣлъ главными сторонами), которое implicite исключало адвокатское занятіе. Предписывать въ VI-мъ столѣтіи правила и условія для логографовъ нельзя было потому, что первый изъ нихъ жилъ въ концѣ V-го столѣтія передъ Р. Х. Притомъ несовершеннолѣтіе, рабство, отсутствіе ценза, расточеніе отцовскаго имущества, неплатежъ государственнаго долга или безнравственная жизнь — обстоятельства, при которыхъ будто бы нельзя быть защитникомъ въ Аѳинахъ [2] — не могли служить препятствіемъ для скрытаго ремесла, долго непризнаваемаго закономъ. Отъ синегоровъ и параклетовъ — какъ показано выше — требовались своего рода условія. А выступать защитникомъ собственнаго дѣла можно было и на 19-мъ году, какъ извѣстно это изъ процесса противъ опекуновъ Демосѳена. Значительно позже Солона, ни Клейсѳенъ,

---

des avocats, chap. III. У Бушѐ читаемъ мы слѣдующее: Les lois que Dracon et Solon avaient faites continuèrent d'y être observées depuis que l'éloquence y eut été introduite par Périclès etc.

[1] Ср. *Grote*, History. III. Athens before Solon.—*Schoemann*, Antiquitates. — *Wachsmuth*, Hellenische Alterthumskunde и проч. У Шеманна (l. c. p. 282. «De judiciis») читаемъ мы такое общее замѣчаніе объ адвокатурѣ въ древне-греческомъ процессѣ: Orari causas ab ipsis litigantibus leges voluerunt, quæ res multos conscriptas sibi ab aliis orationes se discere coegit, quibus in judiciis uterentur etc.

[2] Срав. *Potter*, Archaeol. Græca, гдѣ собраны всѣ мѣста изъ греч. писателей по этому вопросу.

ни другіе учредители демократіи, не внесли въ свои реформы никакихъ мѣръ по устройству адвокатуры. Геліэя и дикастеріи, гдѣ судили присяжные,—процессы, въ которыхъ участвовали Исократъ, Лизіасъ, Изей, Демосѳенъ и Гиперидъ, не представляютъ слѣдовъ законодательной дѣятельности по этому предмету. Выше было показано, какую роль играли тамъ защитники. Можно ли послѣ этого говорить о болѣе древнихъ правилахъ для адвокатовъ? Прежде чѣмъ предписывать адвокатскую дисциплину, нужно было создать защитниковъ. Въ другихъ странахъ, уставы и обычаи слагались чаще всего долговременною жизнію адвокатуры[1]. Иногда законодательная власть принимала на себя усовершеніе древняго учрежденія. Никогда еще власть эта не создавала важный институтъ одною искусственною силою предписанія. Вѣрнѣе такое замѣчаніе: не только дисциплина, но и самая профессія не установлены ни однимъ изъ законодателей аѳинскихъ. Опредѣленія ихъ касаются не адвокатовъ, но политическихъ ораторовъ. Къ этой послѣдней категоріи слѣдуетъ отнести такъ называемыхъ «синдиковъ», которые назначались отъ правительства для защиты постановленій, предложенныхъ къ отмѣнѣ въ законодательной коммиссіи (номотетовъ). Лишь однажды выступаетъ Демосѳенъ въ качествѣ правительственнаго синдика и защищаетъ вмѣстѣ съ Ликургомъ гражданина, который обвиненъ въ государственномъ

---

[1] Намъ совершенно неизвѣстны взгляды самихъ греческихъ адвокатовъ на обязанности защитника. Только въ собраніи матеріаловъ для римской адвокатуры (*Henriot*, III, 239) случайно попала такая сентенція Исократа: «Nulli pravæ rei nec assista, nec patrocina; videberis enim et ipse committere talia, qualia ii, quibus succurris, perpetrarunt. Vix est, ut qui improbas lites fovet, improbus non sit». Отсюда видно, что Исократъ категорически запрещалъ защиту дѣлъ сомнительныхъ. Но правило это не имѣло большаго значенія на практикѣ.

преступленіи. Фактъ этотъ весьма любопытенъ; но изъ него нельзя выводить постояннаго правила объ оффиціальномъ назначеніи адвокатовъ въ публичныхъ искахъ. Самый процессъ таковъ, что обвиненіе противъ сикофанта Аристогитона тѣсно соединяется съ ролью защитниковъ Аристона. Притомъ Демосѳенъ сопровождаетъ рѣчь свою объясненіями, изъ которыхъ видно, какъ рѣдки и опасны были подобные случаи въ Аѳинахъ [1]. Оффиціальнаго назначенія защитниковъ по частнымъ искамъ не представляетъ ни одна изъ рѣчей Демосѳена. Вообще правила для адвокатовъ оказываются шаткими и неопредѣленными.

Отсюда не слѣдуетъ заключать, чтобы суды аѳинскіе были безначальнымъ учрежденіемъ, гдѣ безнаказанно допускались всякія нарушенія порядка. Правда, сами тяжущіеся, параклеты и синегоры привлекали съ собою дѣтей, женщинъ и стариковъ-родителей, вопли и скорбь которыхъ должны смягчать судей. Былъ придуманъ особенный «жезлъ плачущихъ» (iketeria [2]—предметъ жестокихъ насмѣшекъ Аристофана). Въ судебныхъ рѣчахъ видна привычка болѣе умилостивлять, чѣмъ убѣждать судей [3]. Въ многочисленныхъ дикастеріяхъ, гдѣ не было спеціальныхъ юристовъ, воззванія къ чувству и страсти брали перевѣсъ надъ дѣловымъ краснорѣчіемъ. Немаловажную роль играла здѣсь логографія. Составители рѣчей поддѣлывались подъ характеръ тяжущихся и подсудимыхъ. Чаще всего приходилось

---

[1] *Demosth.*, Contra Aristogiton. I, 404. Ego in concionibus quum viderem constitui me a vobis et deligi ad istius accusationem, aegre tuli... neque enim ignorabam eum qui tale munus apud vos obisset, non sine malo obiturum etc.

[2] *Ernesti*, Graecum Lexicon man.: «Oleae ramus lana velatus, qualem gestabant supplices» etc.

[3] Ср. у *Демосѳена* (advers. Leocharem), 566: Oro autem vos, Judices, ut et patri huic meo et mihi opem feratis... neque negligatis homines pauperes et inopes etc.

имѣть дѣло съ необразованными людьми. Странно было бы Демосөену или Лизiасу вложить блестящую и тонкую дiалектику въ простыя уста, незнавшiя иныхъ оттѣнковъ рѣчи, кромѣ навязчивыхъ просьбъ и грубой укоризны[1]. Случалось, что раздраженiе народа дѣйствовало на предсѣдателей дикастерiй, которые никогда не имѣли юридическаго значенiя и внѣшняго достоинства римскихъ преторовъ. Тесмотеты иританы забывали роль свою, становясь защитниками одной стороны противъ другой. Особенно часты бурныя засѣданiя къ концу греческой независимости, когда судьи, увлекшись политическими страстями, приговаривали къ атимiи (потерѣ гражданскихъ правъ) всякаго, кто усыновлялъ дѣтей казненнаго преступника. Лишь въ ареопагѣ удержались до конца болѣе умѣренныя и твердыя правила, быть можетъ подтвержденныя послѣ театральной выходки адвоката Гиперида съ Фриною. Вѣроятно, къ эпохѣ полнаго развитiя аөинской демократiи относится законъ, который грозитъ смертiю за оскорбленiе сановника при отправленiи имъ судебной или иной должности. Тогда-же могли быть сдѣланы постановленiя противъ неприличныхъ обращенiй къ судьямъ, запрещены оскорбленiя свидѣтелей или противниковъ и т. п. Судьямъ и, быть можетъ, предсѣдателю дано право остановить оратора въ случаѣ неполнаго или неяснаго изложенiя дѣла. Есть основанiе предполагать злоупотребленiя дисциплинарною властiю[2]. Но, во-первыхъ, запрещенiе не имѣетъ въ виду однихъ защитниковъ: это общiй законъ, подъ который подходятъ сами тяжущiеся и параклеты съ синегорами, будутъ ли они

---

[1] *Schömann*, l. c. Erant etiam orationes plerumque non solum ad docendos judices compositæ, sed ad permovendos invidia aut gratia, ira aut misericordia animos, adhibebanturque advocati... quidquid denique ad conciliandos flectendosque auditores pertinere videbatur etc.

[2] *Meier* u. *Schömann*, D. Att. Process.

произносить свои собственныя рѣчи, или тѣ, которыя изготовлены наемными логографами. Во-вторыхъ, дисциплинарныя правила судовъ не имѣютъ исторической связи съ законодательствомъ Дракона и Солона. Есть поводъ думать, что позднѣйшій опытъ навелъ на мысль объ уставѣ, когда обозначались злоупотребленія многолюднаго суда присяжныхъ. Вѣроятно, тѣмъ-же путемъ дошли до правила о сокращеніи судебныхъ рѣчей, продолжительность которыхъ должна была опредѣляться клепсидрою. Присутственный день раздѣленъ на три равныя части. Двѣ трети назначались для состязаній между противниками, а одна треть для присяжныхъ, которые приступали къ двойной подачѣ голосовъ, если не было опредѣленной мѣры наказанія за преступленіе.

Такова греческая адвокатура, или, точнѣе, учрежденіе, слабыя и неправильныя формы котораго имѣютъ подобіе адвокатуры. Нѣтъ никакого основанія считать греческія постановленія первообразомъ и примѣромъ для позднѣйшаго времени[1]. Въ важныхъ публичныхъ искахъ назначается ораторъ для обвиненія. Онъ долженъ главнымъ образомъ мстить за оскорбленные законы и при этомъ, лишь косвенно, защищаетъ то лицо, которое пострадало отъ преступленія. Въ большинствѣ случаевъ, по искамъ публичнымъ и частнымъ, главная сторона сама ведетъ свою защиту и, только съ разрѣшенія судей, призываетъ къ себѣ посторонняго оратора. Отъ случайныхъ обстоятельствъ зависитъ — какъ призывъ защитника, такъ и помощь, которую оказываетъ онъ призвавшему. Иногда защитникъ отстаиваетъ сущность дѣла (plaide au fond). Чаще онъ лишь поддерживаетъ рѣчь главной стороны. Только въ чрезвычайныхъ случаяхъ — малолѣтства, болѣзни, слабаго пола — бываетъ полная замѣна подсудимаго постороннимъ лицомъ. Такъ, въ процессѣ

[1] *Mollot*, l. c. 182.

Фрины всю рѣчь, отъ начала до конца, произноситъ адвокатъ. Такъ, въ одномъ изъ демосѳеновскихъ дѣлъ (противъ Макартата), вмѣсто главной стороны (малолѣтняго наслѣдника) говоритъ отецъ, по тексту, сочиненному знаменитымъ логографомъ [1]. Но такое отношеніе ближе къ законному, чѣмъ къ свободному представительству. Повѣренныхъ вовсе нѣтъ въ Греціи. Защитники-ораторы имѣютъ частный характеръ. Не существуетъ адвокатскаго общества или корпораціи. Самая профессія логографовъ недостаточно выдѣлилась отъ школьной дѣятельности риторовъ и софистовъ. Лишь къ концу греческой независимости, появляется въ обществѣ убѣжденіе о пользѣ и необходимости посторонней, но безденежной защиты. Только тогда было поздно подводить новый фундаментъ подъ старое зданіе.

Сравнительно съ восточными учрежденіями, въ Греціи яснѣе и опредѣленнѣе высказано правило, что безъ судебной защиты (ведется ли она главною стороною или, какъ исключеніе, лицомъ постороннимъ) нѣтъ правосудія. Но, переходя отъ заявленія идеи къ ея осуществленію, наука можетъ только показать, что, въ устройствѣ судебной защиты, греки остановились на первомъ шагу впередъ отъ теократическаго востока.

---

[1] *Demosth.* Orat.—p. 547 etc. По видимому, Діонисій не заявлялъ никакихъ сомнѣній на-счетъ авторства этой рѣчи, чѣмъ и доказывается участіе Демосѳена въ запрещенномъ ремеслѣ логографа. Ср. *Blass*, Die griechische Beredsamkeit etc. S. 214 etc.

III.

РИМЪ.

Римскія учрежденія начинаютъ развитіе свое съ того пункта, котораго не обошелъ ни одинъ народъ въ мірѣ. По словамъ Іеринга, въ Римѣ «право и религія были близнецами, которые провели первое время жизни въ тѣсной связи, поддерживая и дополняя другъ друга». Коллегія жрецовъ, набиравшаяся изъ аристократовъ, толковала духовные и свѣтскіе законы остальному, непосвященному народу. Право переходило изъ рода въ родъ, какъ преданіе. Законовѣдѣніе было наслѣдственнымъ призваніемъ аристократическихъ семействъ, которыя ревниво охраняли свою привилегію. Привилегія эта давала имъ едва-ли не большую власть, чѣмъ греческимъ эвпатридамъ. Римское право, съ первыхъ моментовъ своихъ, труднѣе и сложнѣе греческаго. Аристократія квиритовъ надменнѣе и энергичнѣе именитыхъ родовъ Аттики. Рѣзкое обособленіе между привилегированными правовѣдами и остальною массою — фактъ историческій, неопровергнутый сомнѣніями новѣйшей критики. Цицеронъ указываетъ на то, что патриціямъ было выгод-

но придерживать въ своихъ рукахъ юридическое знаніе[1]. Помпоній начинаетъ сходнымъ замѣчаніемъ древнѣйшую исторію римскаго права. Вотъ почему, за-долго до XII таблицъ, установилось такое отношеніе, что только знатный и свѣдущій человѣкъ (патронъ) могъ защищать на судѣ несвѣдущихъ — служилыхъ и даже неслужилыхъ—людей. Необходимость постоянно увеличивала толпы кліентовъ новыми людьми изъ среды свободныхъ плебеевъ. Безправная независимость была предпочтена подчиненному положенію, которое ограждалось вліятельнымъ патронатомъ. При такихъ условіяхъ, не могъ возникнуть въ народѣ особый классъ защитниковъ. Аристократія и судебный патронатъ слишкомъ сильно срослись между собою. Патриціи на-столько же воины и крупные землевладѣльцы, на-сколько правовѣды и адвокаты. Вѣрнѣе — опредѣлять судебную роль ихъ законнымъ представительствомъ, которое замѣняло вольную профессію защиты. Аристократическая идея патроната на-всегда осталась въ римской адвокатурѣ. Цицеронъ замѣчаетъ съ патріотическою гордостью, что защита подсудимыхъ, отданная презрѣнному и продажному классу у грековъ, находится въ рукахъ лучшихъ людей римской республики[2]. До послѣднихъ временъ политической свободы, римскій адвокатъ называется «патрономъ». Другія наименованія (causidicus, advocatus, особенно послѣднее) окончательно замѣнили древнее выраженіе значительно спустя послѣ Цезаря и Августа, когда настали иныя

---

[1] *Cicero*, De oratore, I, 41. Veteres illi qui huic scientiae praefuerunt, obtinendae atque augendae potentiae suae causa pervulgari artem suam noluerunt etc. Ср. *Pompon*. Dig. Lib. I. T. 2. § 25... «Ceteri autem vel in latente jus civile retinere cogitabant» etc.

[2] *Cicero*, l. c. Itaque ut apud Graecos infimi homines mercedula adducti ministrant se in judiciis... sic in nostra civitate contra amplissimus quisque et clarissimus vir etc.

судьбы для Рима[1].

И такъ, римская адвокатура находится въ исторической связи съ судебнымъ патронатомъ патриціевъ, которые во многомъ напоминаютъ эвпатридовъ. Но греческая адвокатура весьма мало похожа на римскую, по замѣчанію компетентнаго судьи, Цицерона. Откуда же это различіе?

Не разъ было замѣчено, что учрежденія грековъ и римлянъ тѣмъ ближе между собою, чѣмъ древнѣе ихъ исторія. Положеніе это возведено на степень истины одною изъ лучшихъ монографій, которыя когда-либо издавались въ Германіи[2]. Но любопытенъ и не менѣе очевиденъ тотъ фактъ, что сходство греко-римскихъ учрежденій (быть можетъ, результатъ общеарійскаго происхожденія) не доходитъ до закона XII таблицъ. Аѳинское и римское общества V-го столѣтія до Р. Х. представляются намъ совершеннымъ контрастомъ. Въ то время, какъ Периклъ сдерживалъ изящною рѣчью своею аѳинянъ, въ Римѣ безъискусственно и сурово говорили съ народомъ децемвиры. Греки V-го столѣтія слушали уже разсужденія о томъ, что «правда и законъ придуманы для порабощенія людей». Римляне съ религіознымъ уваженіемъ относились къ таблицамъ, въ которыхъ только-что дана была первая и желанная «правда» народу. Греки засѣдали въ многочисленныхъ дикастеріяхъ, гдѣ самъ народъ судилъ важнѣйшія гражданскія и уголовныя дѣла, безъ участія презираемыхъ юристовъ. Въ Римѣ, не смотря на собранія по центуріямъ и трибамъ, судила еще, съ соблю-

---

[1] Ср. извлеченія изъ Асконія у *Henriot*, «Moeurs juridiques et judiciaires de Rome». III. p. 93: «Qui defendit alterum in judicio aut patronus dicitur, si orator est; aut advocatus, si aut jus suggerit, aut praesentiam suam commodat amico; aut procurator, si negotium suscipit» etc.

[2] *Rossbach*, Untersuchungen über die röm. Ehe. Сравн. относит. государственныхъ учрежденій *Coulanges*, La cité antique.

деніемъ actionis sacramenti, коллегія жрецовъ, т. е. спеціальныхъ юристовъ[1]. Въ Греціи, народные суды враждебны юридической техникѣ и формализму. Въ процессѣ изгнана символика религіознаго періода. Судьи рѣшаютъ дѣла чаще по совѣсти, чѣмъ по закону. Въ судоговореніи избѣгаютъ юридической діалектики. Многочисленные и разнообразные иски не имѣютъ строго-спеціальнаго характера. Дѣло о подлогѣ можно начать въ тѣхъ-же выраженіяхъ, какія употреблены для иска о грабежѣ. Деньги, вносимыя при началѣ дѣла, идутъ въ государственную кассу. Въ Римѣ, V-го столѣтія, на судахъ господствуетъ система, при которой участь иска зависитъ отъ каждой буквы въ формулѣ, предписанной закономъ (uti lingua nuncupassit etc.). Судебный взносъ (sacramentum) берутъ жрецы. Процессъ переполненъ символическихъ дѣйствій (manuum consertio, vindicatio). Не прежде VII столѣтія, встрѣчаются насмѣшки надъ глыбами земли, которыя замѣнили на судѣ древній обрядъ (deductio) въ тяжбахъ о недвижимомъ имуществѣ. Но Цицеронъ, скептикъ въ рѣчи за Мурену, охотно вводитъ въ другія свои произведенія филологическіе остатки обветшалой юридической символики[2]. Діалектика правовѣдовъ строго спеціальна и чужда всякаго вліянія риторовъ. Судоговореніе не подымалось еще до уровня блестящаго краснорѣчія въ позднѣйшую эпоху. Въ разговорахъ своихъ объ ораторѣ, Цицеронъ съ

---

[1] *Ihering*, Geist d. r. R. I. 262. Nach den Berichten späteren Referenten wäre in den ersten Jahrhunderten der Republik die Kenntniss, Fortbildung und Handhabung des Civilrechtes ausschliesslich bei jenem Collegium gewesen etc.

[2] *Cic.*, pro Mur. 12.—De orat. I. 10. «Nisi hic in tuo regno essemus, non tulissem multisque praeeissem, qui aut interdicto tecum contenderent, aut ex jure manum consertum vocarent» ... Или: «Ornati homines in dicendo et graves quibuscum tibi justo sacramento contendere non licet» etc.

великимъ мастерствомъ изображаетъ типъ кореннаго римскаго юриста, который ставитъ выше всего здравый смыслъ и твердое знаніе отечественныхъ законовъ. «Развѣ ораторы»—спрашиваетъ своего собесѣдника юристъ стараго закала—«изобрѣли гражданскіе законы, которые съ такою славою, но помимо всякаго краснорѣчія, изучаются по наслѣдственному преданію въ моемъ семействѣ?» [1].

Важные перевороты—провозглашеніе республики и кодификація XII таблицъ — случились позже законовъ Солона, но дали толчокъ демократическому движенію. Борьба плебеевъ съ патриціями пріобрѣла твердую опору въ сводѣ писанныхъ законовъ. Древнее учрежденіе патроната пошатнулось передъ натискомъ демократіи. Но составная часть аристократическаго патроната (судебное представительство) пережило патриціевъ. Можно сказать, что государственные и общественные перевороты дали новую силу древнему обычаю судебной защиты. Еще въ періодъ строгой системы законныхъ исковъ, римскій процессъ сдѣлалъ первыя отступленія отъ правила, сходнаго съ древнегреческимъ исключеніемъ постороннихъ лицъ въ защитѣ [2]. Въ четвертомъ столѣтіи отъ О. Р. преторы допустили юридическое пособіе свѣдущихъ или вліятельныхъ людей въ предварительной части процесса (instructio in jure). Но во второй половинѣ тяжбы, когда дѣло переходило къ присяжнымъ судьямъ, выступаютъ, кромѣ юристовъ-совѣтниковъ, судебные ораторы. Они произносятъ защитительныя рѣчи въ присутствіи

---

[1] *Cic.* l. c. I. 9, 10.—Cp. *Bethmann-Hollweg*, Civilprocess des gemeinen Rechts (I, 186, 187), сжатую, но весьма вѣрную характеристику судебнаго краснорѣчія въ періодъ Legis actionum.

[2] Institution. Lb. IV. Tit. 10 «De iis, per quos agere possumus». Nunc admonendi sumus agere posse quemlibet hominem aut suo nominè, aut alieno... cum olim in usu fuisset alterius nomine agere non posse, nisi pro populo, pro libertate, pro tutela etc.

обѣихъ сторонъ. Первый процессъ послѣ закона XII таблицъ извѣстенъ изъ разсказа Тита Ливія, подтвержденнаго другими историками [1]. Дѣло возникло вслѣдствіе незаконнаго притязанія на свободу римлянки. Судитъ одинъ изъ децемвировъ, только-что давшихъ писанный законъ. У Виргиніи не видно патрона изъ патриціевъ. Защиту ея ведутъ родственники (numitorius, icilius), въ сопровожденіи многочисленной свиты (историки называютъ всѣхъ этихъ лицъ однимъ именемъ; ingens advocatio).

Отсюда видно, въ чемъ состоялъ первый шагъ римской адвокатуры послѣ закона XII таблицъ. Монополію патриціевъ по судебной защитѣ приняли на себя граждане, связанные съ подсудимымъ родствомъ, свойствомъ, но не договоромъ [2]. Здѣсь представляется нѣчто подобное той защитѣ, которую могли вести древніе греки по правилу о взаимномъ пособіи на судѣ между членами одной филы.

Бенфей, какъ указано было выше, находитъ сходную форму судебной защиты у современныхъ индусовъ (въ Непалѣ). Но у римлянъ учрежденіе это не остановилось на первой ступени развитія. Кромѣ родства, свойства, другія побужденія стали привлекать постороннихъ лицъ къ дѣлу защиты. Изданія Флавія (449 году) и Элія Секста (543 году отъ основанія Рима) вполнѣ обезпечили самостоятельность простыхъ гражданъ въ дѣлѣ юридическаго знанія. Возникли занятія правовѣдѣніемъ; образовалась вольная профессія, доступная каждому гражданину въ республикѣ. Какъ видно изъ рѣчи Нумиторія за Виргинію, римляне скоро сдѣлались хорошими знатоками своего древняго

---

[1] *Tit. Liv.* III. 44. *Dion. Halic.* XI. ср. *Bethm.–Hollweg.* I. c. 184. 185. Nota 6. Извл. изъ закона XII табл.: «Quom perorant ambo praesentes» etc.

[2] *Livius.* Ibidem III. 45. Numitorius, puellae avunculus, et sponsus Icilius interveniunt etc.

закона[1]. Но при формализмѣ въ процессѣ и въ матеріальной части законовъ (стоитъ вспомнить систему договоровъ, гдѣ всё зависѣло отъ sponsio) оказалось существенною потребностью сословіе спеціальныхъ юристовъ. Цицеронъ не преувеличиваетъ, говоря, что домъ Муція Сцеволы былъ всегда переполненъ простыми гражданами и знаменитостями республики[2]. Юридическая консультація была дѣломъ первой важности, и правительство на свой счетъ пріобрѣтало, вблизи къ форуму, дома для наиболѣе знающихъ и популярныхъ правовѣдовъ. «Я хорошо помню, говоритъ Цицеронъ, какъ Маній-Манилій расхаживалъ взадъ и впередъ по форуму: такимъ способомъ заявляли юристы о желаніи своемъ давать совѣты согражданамъ... Являлись къ нимъ также для консультаціи, когда сидѣли они, по старому обычаю, у порога домовъ своихъ[3]. И предметомъ совѣщаній бывали, кромѣ тяжебныхъ дѣлъ, семейные вопросы: о замужствѣ дочери, о покупкѣ земли, о хозяйствѣ и пр.».

И такъ, разнородныя причины вызвали и облагородили профессію законовѣдовъ въ Римѣ. Помогая спеціальнымъ знаніемъ своимъ, люди эти пріобрѣтали большое значеніе въ обществѣ и достигали видныхъ должностей въ государствѣ. Политическая роль даровитыхъ людей начиналась и заканчивалась работою юрисконсульта[4]. Но лучшая часть выпадала на долю тѣхъ правовѣдовъ, которые могли посвятить себя адвокатурѣ. За исклю-

---

[1] *Liv.* l. c. III. 44. Advocati puellae... dixissent... iniquum esse absentem de liberis dimicare; postulant, ut rem integram in patris adventum differat, lege, ab ipso lata vindicias dat secundum libertatem etc.

[2] De orat. I. 45. Mucii janua et vestibulum... frequentia civium ac summorum hominum splendore celebratur etc.

[3] More patrio, sedens in solio, consulentibus respondere etc.

[4] Senectuti vero celebrandae et ornandae quod honestius potest esse perfugium quam juris interpretatio? etc.

ченіемъ немногихъ и через-чуръ строгихъ пуристовъ, римляне не ограничивались тщательнымъ изученіемъ текста своего закона («carmen», какъ выражается Цицеронъ о XII таблицахъ). Они одинаково уважали ораторское дарованіе. Съ давнихъ поръ краснорѣчіе имѣло особаго бога (Fabulinus, Ajus Loquens), и ораторы позднѣйшей эпохи посвящали побѣдные вѣнки главному своему покровителю, Аполлону. Паденіе аристократіи выразилось постепеннымъ допущеніемъ къ избирательнымъ должностямъ всѣхъ гражданъ. Популярность была весьма важнымъ условіемъ для каждаго кандидата; но однимъ изъ вѣрнѣйшихъ средствъ пріобрѣсти расположеніе юридической націи была защита на судѣ, т. е. адвокатура. Талантливый правовѣдъ сдѣлался патрономъ, вліяніе котораго могло поспорить съ могуществомъ патриціевъ до закона XII таблицъ. Выгодное представленіе римлянъ о юристѣ-ораторѣ перешло къ потомству въ классическомъ выраженіи о превосходствѣ гражданской доблести надъ военною[1]. Похвала эта особенно-знаменательна со стороны завоевательнаго народа. Есть цѣлая литература, которая прославляетъ адвокатуру. Овидій съ участіемъ слѣдитъ за жизнью форума. Къ берегамъ Понта дошла талантливая рѣчь какого-то оратора и вызвала у поэта горькія жалобы на судьбу, которая лишила изгнанника счастія «насладиться краснорѣчіемъ изъ самыхъ устъ защитника»[2].

Иногда дарованіе оратора соединялось съ знатностью происхожденія. Такой адвокатъ находилъ себѣ еще большій почетъ въ обществѣ. Въ пріемныхъ его собирались цѣлыя толпы кліентовъ. Одни являлись только на-поклонъ къ будущему консулу (salutatores). Другіе доводили преданность свою до сопровожденія оратора на форумъ (deductores). Наконецъ, третьи составляли свиту не-

[1] Cedant arma togae etc.

[2] Cp. *Henriot*, l. c. 110. Felices, quibus haec ipso cognoscere in actu, et tam facundo contigit ore frui etc.

измѣнныхъ почитателей и всегдашнихъ спутниковъ (assectatores)[1]. Богатство и почести награждали даровитаго и ловкаго адвоката «густая толпа, которая когда-то наполняла улицы, чтобы глядѣть на военные тріумфы патриціевъ, сгараетъ нетерпѣніемъ, ожидая краснорѣчивой защиты преступниковъ», говоритъ авторъ посланія къ Пизону. Если вѣрить панегиристамъ, то адвокаты, особенно импровизаторы, имѣли большую власть надъ судьями. «Гдѣ тотъ судья — замѣчаетъ поклонникъ адвоката Пизона — который могъ бы глядѣть безъ волненія на черты твои? Гдѣ тотъ, чья мысль не подчинится силѣ твоей?[2]. Заплачетъ судья, если прикажешь; будетъ веселъ противъ воли своей; твоя же рука зажжетъ гнѣвъ, котораго не было», и т. п.

Весьма возможно, что здѣсь немало той лести, которая доводится иногда до классической тонкости у римлянъ. Во всякомъ случаѣ, слова панегириста имѣютъ извѣстную долю исторической достовѣрности. Ихъ подтверждаютъ другіе источники. Писатели, объективность и безпристрастіе которыхъ не подлежатъ сомнѣнію, рисуютъ тѣми-же красками общественное значеніе римскихъ адвокатовъ. Если отвести Цицерона, какъ ритора и адвоката, то останется Тацитъ, адвокатъ, но ни мало не риторъ. Наконецъ, Валерій Максимъ называетъ нѣкоторыхъ адвокатовъ «властителями надъ форумомъ и сенатомъ»[3]. Кліенты, трибы, депутаціи отъ муниципій и отдаленныхъ городовъ

---

[1] Ср. Любопытное извлеченіе изъ посланія К. Цицерона къ М. Туллію. «De petitione consulatus». *Grellet-Dumazeau*, p. 27. Не менѣе характерно посланіе къ адвокату Пизону. Ср. *Henriot*. III, 112 etc.

[2] Quis regit ipse suam, nisi per tua pondera, mentem etc.

[3] L. Crassus apud judices, quantus apud patres conscriptos Aemilius Scaurus... eratque sic fori, ut ille curiae, princeps etc. *Henriot*, l. c. P. 122.

Италіи ликовали послѣ удачной защиты одного изъ любимыхъ своихъ адвокатовъ. «Интересъ суда былъ интересомъ римскаго народа», замѣчаетъ Тацитъ [1]: «процессы Г. Корнелія, М. Скавра, Т. Милона, Л. Бестіи и П. Ватинія происходили при такомъ стеченіи гражданъ, которое могло воодушевить самаго хладнокровнаго оратора».

Шестое и седьмое столѣтія отъ основанія Рима были лучшимъ временемъ въ республиканскомъ періодѣ адвокатуры. Судопроизводство и судоустройство достигли въ ту пору самаго полнаго развитія. Гражданскія тяжбы вѣдались преторами съ участіемъ спеціальныхъ юристовъ, которые помогали судьямъ. Безъ совѣщанія съ правовѣдами (in consilium ire) не постановлялось рѣшеніе по дѣлу (ex animi sui sententia). Возлѣ тяжущихся, въ свою очередь, находились юристы; то въ составѣ advocatio, когда подавали совѣты для самостоятельнаго дѣйствія сторонъ, то въ качествѣ патроновъ, когда произносили рѣчи и вступали въ словопренія (disputatio fori) за кліентовъ. Строгость законныхъ исковъ (actiones legis) уступила мѣсто органическому видоизмѣненію этой системы. Образовался формулярный процессъ; нельзя было довольствоваться однимъ произнесеніемъ словъ, установленныхъ для извѣстнаго иска закономъ. Судебныя дѣйствія тяжущихся значительно усложнились (editio actionis, postulatio actionis, interrogatio etc.). Ходатайство (postulatio) передъ преторомъ (in jure) могло подготовить окончательное рѣшеніе присяжныхъ судей (in judicio). Такимъ образомъ изъ сущности формулярной системы вытекала усиленная потребность имѣть спеціальныхъ и даровитыхъ защитниковъ.

Въ уголовныхъ дѣлахъ, юрисдикція народныхъ собраній (по

---

[1] Dialog. de oratore. 37. 39. In plerisque judiciis crederet populus Romanus sua interesse quid judicaretur etc.

центуріямъ и трибамъ) отодвинулась на второй планъ передъ постоянными коммиссіями (quaestiones perpetuae) и сенатомъ. Древній процессъ комицій, гдѣ по большей части говорили сами главныя стороны, уступилъ мѣсто такому судопроизводству, которое не могло обойдтись безъ участія защитниковъ. Широкое развитіе обвинительнаго начала привлекло къ уголовному суду ораторское дарованіе адвокатовъ и спеціальныя свѣдѣнія юристовъ-консультантовъ. Самъ обвинитель долженъ былъ вести цѣлое слѣдствіе, подобно тому порядку, который существовалъ въ Греціи. Личный осмотръ и тщательный розыскъ слѣдовъ преступленія, вызовъ и допросы свидѣтелямъ — все это было дѣломъ гражданина, начинавшаго искъ. Публичныя власти оставались безучастными къ борьбѣ обвинителя противъ обвиняемаго. Преторъ ограничивался выдачею полномочія, которое облекало должною силою всѣ законныя дѣйствія при слѣдствіи. Но частный характеръ обвиненія не снималъ отвѣтственности съ того лица, которое открывало преслѣдованіе. Однимъ изъ основныхъ положеній римскаго законодательства была необходимость представить основательныя доказательства; иначе, въ случаѣ потери иска, обвинитель подвергался болѣе или менѣе строгому наказанію. Отсюда понятно, что юридическія познанія и адвокатскія способности были насущною потребностью въ обвинительной части процесса. Ни сенатъ, ни присяжные и выборные судьи въ коммиссіяхъ не давали хода обвиненію, если оно не поддерживалось убѣжденіемъ краснорѣчія и силою доказательствъ. Мало этого: параллельно съ дѣйствіями обвинителя развивалась система защиты. Римскій процессъ съ безусловною логикою провелъ начало гласности. Всѣ мѣры слѣдствія были открытыми, и за ними зорко слѣдилъ обвиняемый. Каждому осмотру, каждому допросу свидѣтелей противополагалось возраженіе. Такимъ образомъ, состязаніе между обвиненіемъ и защитою могло начаться гораздо дальше и ранѣе суда на форумѣ, въ одной изъ

отдаленнѣйшихъ провинцій, гдѣ проконсулы, въ родѣ Верреса, на-долго оставляли слѣды своего управленія. Цѣлью защиты въ этомъ случаѣ было: убить процессъ въ зародышѣ, ослабивши доказательства, и спутать ходъ обвиненія.

Теперь яснѣе, почему учрежденія, построенныя на такихъ началахъ, требовали усиленнаго содѣйствія адвокатовъ на всѣхъ ступеняхъ процесса, отъ вчинанія угловнаго иска (denuntiatio) до послѣдняго слова въ заключительномъ состязаніи защитниковъ (altercatio) передъ членами постоянной коммиссіи. Сенатъ римскій, имѣвшій обширную юрисдикцію надъ провинціями, въ одинаковой степени допускалъ судебную защиту подсудимыхъ. Мало этого: римскіе граждане прибѣгали къ пособію адвокатовъ даже въ томъ случаѣ, когда шли на судъ цензора.

При подобныхъ законахъ, нравахъ и понятіяхъ возникла римская адвокатура. Понятно почему, какъ замѣчено выше, учрежденіе это могло выдти изъ первичной формы, въ которую облечена была судебная защита у другихъ народовъ. Ясно, отчего, вскорѣ послѣ закона XII таблицъ, граждане, у которыхъ не было свѣдущихъ родственниковъ и друзей, чтобы сопровождать ихъ на судъ, легко находили защитниковъ. Цицеронъ имѣлъ нѣкоторое основаніе величать «благороднымъ и даже царственнымъ дѣломъ» римскую адвокатуру республиканскаго періода[1]. Такія слова — не реторическая фраза, уже по той причинѣ, что однажды между кліентами знаменитаго оратора почтительно стоялъ царь армянскій. Нигдѣ не было подобной среды для общественнаго значенія адвокатуры. Немудрено, если учрежденіе это сдѣлалось могущественною силою въ государствѣ. Все, что было знатнаго, даровитаго и честолюби-

[1] De oratore, 1. 8. Quid tam porro regium, tam liberale, tam munificum, quam opem ferre supplicibus, excitare afflictos, dare salutem, liberare periculis, retinere homines in civitate? etc.

ваго между гражданами, не проходило инымъ путемъ къ политическому поприщу. Клавдіи, Корнеліи, Юліи и Антоніи съ особеннымъ почтеніемъ ставили между пенатами статуи ораторовъ, которые вышли изъ именитыхъ семействъ ихъ. Цезарь былъ основательнымъ юристомъ и талантливѣйшимъ адвокатомъ. Катонъ, изжившій вѣкъ свой на форумѣ, одобрительно глядѣлъ на молодежь, которая спѣшила обновить удачною рѣчью только-что надѣтую тогу. Сами цезари непослѣдовательно гордились успѣхами своими на судебной трибунѣ, которую создала республика.

Вспомнимъ теперь то положеніе, въ которомъ находилась греческая адвокатура при своеобразномъ развитіи аѳинской демократіи. Противопоставимъ запрещенію судебной защиты законъ, которымъ требовалась помощь адвоката въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Приравнимъ аѳинскаго логографа или синегора къ Л. Крассу, Пизону, Гортензію и другимъ ораторамъ, снискавшимъ славу и вліяніе одною адвокатурою. Намъ представятся самыя противоположныя явленія въ историческомъ развитіи однородныхъ учрежденій у единоплеменныхъ народовъ. Уяснится то, въ чемъ скрывается различіе греческой и римской адвокатуры. Правымъ останется Цицеронъ, который замѣтилъ контрастъ, и невѣрны мнѣнія, будто аѳинское учрежденіе могло служить образцомъ для Рима [1].

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній, можно обратиться къ нѣкоторымъ частностямъ. Существовала ли въ республиканскомъ Римѣ корпоративная связь между адвокатами, и на-сколько участвовала законодательная власть въ постепенномъ развитіи учрежденія? Отъ половины VI до начала VII-го столѣтія по основаніи Рима, издано было много постановленій по судо-

---

[1] *Dupin*, Prof. d'avocat, p. 28. Tellę fut la discipline du barreau d'Adthènes qui servit de modèle à celui de Rome.

устройству и процессу. Законы Кальпурнія, Пизона, Семпронія, Сервилія, Ливія, Плавція и Помпея разрѣшили не мало важныхъ вопросовъ. Нужно было опредѣлить, кому владѣть судебною властью: цѣлому народу, какъ въ Греціи, или привилегированнымъ сословіямъ? Извѣстно, что борьба между сенаторами и всадниками окончилась установленіемъ смѣшанныхъ списковъ присяжныхъ изъ двухъ олигархическихъ классовъ, съ прибавленіемъ болѣе демократическаго элемента (tribuni aerarii). Законодательство VII-го столѣтія специализировало и усовершало отправленіе уголовнаго правосудія, раздѣливши его между юристами (преторами съ ихъ засѣдателемъ) и представителями народа (въ лицѣ присяжныхъ). Но напрасно стали бы мы искать, въ длинномъ ряду этихъ постановленій, правительственныхъ мѣръ къ корпоративному устроенію адвокатуры. Образованіе постоянныхъ и спеціальныхъ судовъ привлекло къ извѣстнымъ пунктамъ многочисленныя и важныя дѣла. Богатая практика уголовныхъ коммиссій должна была собрать защитниковъ вокругъ опредѣленныхъ центровъ. Но не видно корпоративнаго соединенія между адвокатами. Важныя перемѣны въ соціальныхъ отношеніяхъ прямо и рѣшительно подѣйствовали на политическіе вопросы суда и управленія государствомъ; но устройство адвокатуры не попало въ очередь. Учрежденіе разросталось какъ и возникло, само собою, такъ-что адвокатуру республиканскаго періода можно называть произведеніемъ обычая, но не писаннаго права. Законодательство, болѣе косвенно, чѣмъ прямо, вліяло на положеніе защитниковъ. Это ясно изъ исторіи судоустройства и процесса. Новый порядокъ правленія и судебной юрисдикціи создалъ лишь болѣе выгодныя условія для адвокатской профессіи, которая поспѣшила воспользоваться ими, подобно тому, какъ возникаетъ и развивается, при благопріятномъ вліяніи среды, органическая жизнь въ природѣ.

И такъ, вліяніе законодательной власти на корпоративное устройство адвокатуры сводится къ отрицательному результату.

Но остается еще одна, болѣе загадочная и не менѣе любопытная, сторона въ этомъ вопросѣ. Если законодательство не коснулось своею регламентаціею учрежденія, которое заняло такую видную роль въ государствѣ: что-же помѣшало самимъ адвокатамъ образовать изъ себя отдѣльное общество? Духъ римскаго права никогда не исключалъ товариществъ и ассоціацій въ государствѣ. Цицеронъ и Гортензій дружелюбно сходились на собраніяхъ авгуровъ, коллегія которыхъ приняла знаменитыхъ адвокатовъ въ число своихъ членовъ [1]. Но нигдѣ не видно коллегіальныхъ отношеній между тѣмъ и другимъ, какъ органами римской адвокатуры. Въ цѣлой латинской литературѣ до сихъ поръ не отыскано никакихъ указаній на періодическія совѣщанія между старѣйшими представителями сословія по вопросамъ дисциплины и подготовленія молодыхъ защитниковъ. И только три раза встрѣчаются у Цицерона выраженія, которыя можно принять за слабый намекъ объ автономическихъ обычаяхъ адвокатовъ [2].

Съ великою осторожностію можно коснуться такого страннаго явленія. Здѣсь естественно возникаетъ нѣсколько соображеній. Если адвокатура сложилась преимущественно путемъ обычая, по требованію настоятельныхъ нуждъ практики, то она могла, долгое время, существовать одною внутреннею силою преданія. Внѣшнія, искусственныя мѣры — лишнее дѣло для организма, въ которомъ нетронуто свѣжее могущество жизни. Отъ незапамятныхъ временъ установилась профессія, которая признана закономъ. На адвокатуру, какъ вольное занятіе граж-

---

[1] *Cicero*, «Brutus». I, 1. Interitu talis auguri (Hortensii) dignitatem «nostri collegii» deminutam docebam etc.

[2] Подлинный текстъ изъ рѣчей Цицерона, которыя касаются этого вопроса, можно найдти у *Дюмазъ*, l. c. 70.

данъ, перенесена была нравами римлянъ санкція XII таблицъ (sacer esto), закрѣплявшая отношенія древняго патрона къ кліенту. Опираясь на примѣръ другой, не менѣе свободной профессіи (ученыхъ правовѣдовъ), адвокатура не находила побужденій замыкаться въ коллегію или корпорацію. Въ теченіе цѣлыхъ столѣтій дѣйствовали люди, подобные Сцеволѣ, Манлію, Сервію и многимъ другимъ, не образуя изъ себя общества присяжныхъ юрисконсультовъ. Каждый гражданинъ долженъ былъ изучать законы; — изъ среды народа происходилъ постоянный приливъ новыхъ соковъ къ старому корню. Между правовѣдами установилась связь, которая переходила къ послѣдующимъ поколѣніямъ. Сильное нравственнымъ и умственнымъ единствомъ, сословіе юристовъ не знало иной розни, кромѣ ученыхъ споровъ. Между правовѣдами возникали школы съ тѣмъ или другимъ направленіемъ въ наукѣ; но не было попытокъ организовать изъ себя отдѣльное общество. Римскій гражданинъ, которому республиканскій порядокъ усвоилъ важныя политическія права, не нуждался, какъ обыватель средневѣковой общины, въ защитѣ цеха или корпораціи. Свобода и достоинство юридическаго труда были дѣломъ, а не пустымъ словомъ.

Тѣ-же самыя причины, и быть можетъ въ усиленной степени, повліяли на устройство адвокатуры въ римскомъ государствѣ. Не безразличны здѣсь законы судопроизводства, построеннаго на абсолютныхъ началахъ гласности и частнаго обвиненія. Каждый гражданинъ, удовлетворявшій незначительному цензу, могъ обвинять на судѣ. До императоровъ, не было попытокъ установить оффиціальное преслѣдованіе преступленій. Римляне не знали даже тѣхъ государственныхъ ораторовъ (синдиковъ), которые составляли исключеніе изъ сходнаго правила (частнаго обвиненія) у грековъ. Всѣ даровитые люди въ Римѣ начинали свое ораторское поприще обвинительными рѣчами. Дѣятельность эта была лучшею подготовкою для роли

защитника. Но безграничная публичность юридической жизни представляла другія, болѣе прямыя средства къ изученію адвокатскаго дѣла. Выше было указано, какъ открыто подавали свои мнѣнія знаменитые правовѣды. У воротъ домовъ ихъ и на площади кипѣла такая-же дѣятельность, какая оживляла историческую залу «потерянныхъ шаговъ» (salle des pas perdus) во французскомъ парламентѣ. Стоило только присутствовать при консультаціяхъ Муція Сцеволы или Манилія, чтобы теоретически подготовить себя къ адвокатурѣ. Но тутъ-же, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ публичной школы правовѣдѣнія, возвышалось курульное кресло претора надъ скамьями присяжныхъ судей. Противъ мѣста сановника, легко было замѣтить тоги защитниковъ, которые произносили свои рѣчи. Засѣданіе суда окружалось «вѣнцомъ изъ народа», по извѣстному выраженію Цицерона[1]. Здѣсь представлялась оживленная практика адвокатуры. Талантливому юношѣ можно было изучать правила и пріемы профессіи, при полномъ свѣтѣ, какъ говоритъ въ сочиненіи объ ораторѣ Тацитъ[2], не нуждаясь въ особой залѣ для конференцій у современныхъ адвокатовъ.

Всѣ выгоды были на сторонѣ подобнаго способа знакомиться съ занятіемъ, которому такъ охотно посвящали себя римляне. При строгомъ контролѣ многочисленной аудиторіи, одно истинное дарованіе пожинало серьезные лавры. Не даромъ говоритъ Тацитъ, что, на форумѣ, адвокатское красноречіе «выставляло живое лицо, но не образъ свой передъ народомъ»[3]. Безгра-

[1] Corona consessus cinctus etc.

[2] Media in luce etc.

[3] Dial. de orat. 34. Это одна изъ прекраснѣйшихъ страницъ классическаго разсужденія, гдѣ съ замѣчательнымъ талантомъ очерчено положеніе римской адвокатуры. «Ita nec praeceptor deerat, optimus quidem et electissimus, qui faciem eloquentiae, non imaginem praestaret; nec adversarii et aemuli, ferro non rudibus dimicantes» etc.

ничпая свобода частнаго обвиненія у римлянъ совершенно-логично стоитъ возлѣ такой-же свободы въ защитѣ. Долгъ каждаго гражданина подымать искъ противъ нарушителя законовъ уравновѣшенъ правомъ каждаго способнаго человѣка отстаивать своихъ согражданъ. Вольная, общедоступная прокуратура тѣсно связана съ такою-же адвокатурой. Неудивительно, если защитники подсудимыхъ не пытались подчинить свою дѣятельность условіямъ корпоративнаго союза.

Слѣдуетъ ли отсюда, что адвокаты республиканскаго періода остались анархическимъ классомъ,—что у нихъ вовсе не было единства въ основныхъ правилахъ, способахъ и цѣляхъ профессіи? Едва-ли. Не смотря на отсутствіе корпораціи и писаннаго устава, подобнаго явленія не могла допустить сила, особенно могущественная въ Римѣ: преданіе.

Изъ далекой древности, предупредившей Флавія и Элія Секста, дошли до эпохи Цицерона аристократическія понятія о безплатной защитѣ подсудимыхъ. Можно сказать, что понятіе это осталось высшимъ, идеальнымъ началомъ, къ которому старались приблизиться лучшіе представители римской адвокатуры. Плиній младшій высказывается въ пользу безусловнаго безкорыстія. Исторіи извѣстно, какъ честно проводилъ онъ въ жизнь теоретическое правило своей профессіи. Само законодательство проникалось строгимъ началомъ этимъ. Подтвержденіемъ можетъ служить мѣра трибуна Алимента Цинція[1]. Такимъ образомъ коренное правило опредѣляло одинъ изъ наиболѣе важныхъ вопросовъ для профессіи. Значитъ, нѣтъ основанія говорить объ анархическомъ состояніи республиканской адвокатуры.

---

[1] См. о законѣ А. Цинція *T. Livius*, XXXIV, IV: *Cicero*, De oratore, II, 71; *Taciti*, Annal. VI, 5; XV, 20. Прекрасный историческій этюдъ находится у *Савиньи*, Zeitschrift für die geschichtliche Rechtswissenschaft, IV B.

Можно даже посмотрѣть съ другой стороны на дѣло и сказать, что правило о безплатной защитѣ страдало непрактическою строгостью. Такой идеализмъ не оправдывался ни сущностью дѣла, ни исторіей. Еще Савиньи доказалъ, что защита патриція не была даровою, такъ-какъ самый законъ требовалъ отъ кліента извѣстныхъ услугъ для патрона. Гораздо труднѣе было провести идеальное начало, когда защита изъ аристократической монополіи, перешла въ свободное занятіе. Здѣсь сами патриціи получали вознагражденіе, если не деньгами и подарками, то подачею голоса на выборахъ. Извѣстенъ разсказъ Валерія Максима о незастѣнчивомъ патронѣ (К. Фигулѣ), который отказался давать совѣты кліентамъ, неумѣвшимъ избрать его въ консулы. Возмездный характеръ адвокатуры опредѣлился еще яснѣе, когда къ юридической консультаціи и защитѣ привлечены были неименитые и небогатые люди. Здѣсь оказались неизбѣжными тѣ договоры о платѣ (merces, stipes advocationum, honorarium, palmarium, solatium, xenium etc.) противъ которыхъ возстаетъ между прочимъ Квинтиліанъ (онъ называетъ адвокатскіе договоры о платѣ разбойничьимъ обычаемъ — piraticus ille mos paciscendi).

Древній способъ награждать адвокатовъ пальмами (отсюда palmarium, какъ одинъ изъ терминовъ адвокатской платы) сдѣлался чѣмъ-то въ родѣ идиллическаго преданія о золотомъ вѣкѣ. Въ дѣйствительности, римляне болѣе всего жили для богатства и честолюбія. Когда успѣхи оружія начали стягивать къ Капитолію золото отъ всего міра, адвокатура презрительно откинула идеальное правило о даровой защитѣ. Трудно было достигнуть безкорыстія одному сословію, когда все общество и само правительство съ жадностью бросилось грабить покоренныхъ! Есть поводъ предполагать значительныя злоупотребленія между адвокатами VI столѣтія. Сенаторы и знатные люди, наравнѣ съ безродными и нищенствующими кляузниками, обирали

своихъ кліентовъ. И здѣсь-то было историческое основаніе строгому закону А. Цинція[1].

Что касается VII столѣтія, то знаменитости этого періода (не исключая Цицерона) не всегда соблюдали строгость цензора Катона и трибуна Алимента Цинція. Полагаютъ, что Маркъ Туллій не взялъ денежнаго гонорара за защиту сицилійцевъ противъ Верреса, а роздалъ народу громадное количество пшеницы, которую прислали ему кліенты. Но, во 1-хъ, щедрая и своевременная подачка черни могла пригодиться въ избирательныхъ комиціяхъ. Во 2-хъ, потомству извѣстна любовь знаменитаго адвоката къ завѣщаніямъ и легатамъ отъ богатыхъ кліентовъ. Да и какъ было собрать безродному гражданину (homo novus) колоссальное состояніе въ 20 милліоновъ сестерцій?

Нужно впрочемъ сознаться, что тонкая натура Туллія никогда не принижалась до грубаго вымогательства. Ему было понятно то нравственное правило, которое позже вошло въ дигесты Юстиніана, какъ основное начало законодательства о гонорарѣ[2]. Самые злые враги, со включеніемъ Саллюстія, не приписываютъ Цицерону преступленій въ родѣ поддѣлки фальшивыхъ завѣщаній. Подобными дѣлами очернены имена другихъ адвокатовъ: Л. Красса и Гортензія, неразборчиваго защитника Верреса. Одинаково невозможны были для изящнаго оратора тѣ способы увеличивать свой гонораръ, которыми справедливо возмущалась благородная душа Плинія младшаго. Наконецъ, за Цицерона говоритъ открытое сознаніе собственныхъ недостат-

[1] Ср. вышеуказ. главу у Ливія, гдѣ прямо говорится, что народъ сдѣлался податною челядью патриціевъ. Подлинный текстъ цинціева закона неизвѣстенъ. Но Тацитъ, въ Анналахъ, такъ выражаетъ статью, которая касается адвокатовъ: «Ne quis ob causam orandam donum munusve accipiat» (VI, 5).

[2] Dig. de extraordin. cognitione: Quaedam enim tametsi honeste accipiantur, inhoneste tamen petuntur.

ковъ. Сочиненіе «объ обязанностяхъ» представляетъ скромную исповѣдь блестящаго адвоката: «Кто изъ насъ не предпочтетъ защиту богатаго и сильнаго кліента дѣлу честнѣйшаго, но бѣднаго человѣка? Расположеніе наше почти всегда клонится туда, откуда можно надѣяться на болѣе вѣрное и скорое полученіе хорошей платы» [1].

Изъ всего этого видно, что вопросъ объ адвокатскомъ гонорарѣ занималъ государственныхъ людей и лучшихъ адвокатовъ въ республиканскомъ періодѣ Рима. Профессія была поставлена въ зависимость отъ закона, безусловно исключавшаго всякое возмездіе за трудъ защитника.

Отсюда уклоненіе отъ идеально-строгаго предписанія и возникновеніе обычая, общаго для всѣхъ адвокатовъ: получать гонораръ по соглашенію съ кліентомъ. Въ высшемъ основаніи своемъ, обычай этотъ сводился къ тому правилу, которое позже принято въ преторскомъ эдиктѣ, гдѣ безусловно запрещено одно вымогательство со стороны адвокатовъ.

И точно, гонораръ, который взятъ за честный трудъ, не можетъ считаться униженіемъ профессіи. Неодолимая сила жизненныхъ отношеній придаетъ промысловый характеръ адвокатурѣ всѣхъ временъ и народовъ. Лишь предразсудокъ или особенныя историческія обстоятельства вызываютъ ложный и опасный стыдъ передъ вознагражденіемъ. Но адвокаты ничего не потеряютъ, если станутъ смотрѣть на дѣло съ прямой точки зрѣнія. Тогда будутъ устранены крайности безкорыстія на словахъ и хищной жадности на дѣлѣ. Никакое правительство не можетъ выслѣдить частныхъ отношеній между защитникомъ и кліентомъ. Никакое законодательство — какъ доказала это мѣра

[1] Quis est tandem, qui inopis et optimi viri causae non anteponat, in opera danda, gratiam fortunati et potentis? A quo enim expeditior et celerior remuneratio fore videtur, in eum fere est voluntas nostra propentior etc.

Цинція — не властно убить экономическую сторону вопроса. Лучшимъ средствомъ противъ злоупотребленій будетъ такое устройство, при которомъ строгая внутренняя дисциплина соединится съ внѣшнею независимостью адвокатуры.

Изъ той-же отдаленной древности, которая передала мысль о даровой адвокатурѣ, могло дойдти къ концу республиканскаго періода правило объ обязательной защитѣ, по назначенію судей. Законъ XII таблицъ подвергалъ тяжкому послѣдствію (sacer esto) всякое нарушеніе договора о патронатѣ. Отсюда легко возникнуть правилу, что ни одинъ кліентъ не является на судъ безъ патрона, какъ законнаго своего защитника[1]. На основаніи нѣкоторыхъ замѣчаній у Цицерона и Плинія, весьма серьезные писатели допускаютъ обычай обязательной защиты въ ту пору, когда возникла вольная адвокатура въ Римѣ. Греллѐ-Дюмазѐ полагаетъ, что «въ нѣкоторыхъ городахъ оффиціальное назначеніе защитниковъ имѣло мѣсто для всѣхъ подсудимыхъ, съ правомъ послѣднихъ избирать одного изъ нѣсколькихъ адвокатовъ»[2]. Оставляемъ такое заключеніе о формѣ защиты по назначенію судей на отвѣтственности почтеннаго автора; но можно склоняться къ тому предположенію, что эдиктъ не опирался на одну стоическую философію, когда произнесъ знаменитое правило свое устами Ульпіана[3]. Зная методъ, по которому слагалось «преторское право», всегда есть основаніе

[1] Слѣды этого древняго правила видны въ Дигестахъ (De judiciis publicis, lib. 1): «Si in capitali causa suum servum.... quis non defenderit... non eum pro derelicto haberi» etc. Послѣднее смягченіе (non eum pro derelicto etc.) относится только ко времени Маркіана, раньше котораго можно предполагать иное, болѣе строгое, послѣдствіе. Далѣе, въ томъ-же отдѣлѣ (De publ. jud. lib. 10) читаемъ мы слѣдующее: «Servus etiam per procuratorem domini, aeque ac dominum, defendi posse». Ср. Dig. lib. 48. Tit. 1.

[2] Ср. *Grellet-Dumazeau*, l. c. p. 84. — *Cicer.* pro Murena, 2, 3, 4

[3] Si non habebunt advocatum, ego dabo etc.

допускать болѣе сильное вліяніе положительныхъ учрежденій и обычаевъ въ различныхъ частяхъ римскаго государства. Едва-ли постановленіе объ оффиціальной защитѣ, по назначенію судей, могло явиться результатомъ отвлеченнаго мышленія у такихъ практическихъ людей, какими были римскіе юристы. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, въ концѣ республиканскаго періода, адвокатура имѣла то важное правило о защитѣ подсудимыхъ по назначенію судей, которое получило полную силу въ позднѣйшемъ законодательствѣ.

Изъ писемъ Плинія младшаго можно заключить, что республиканскому періоду принадлежатъ первыя попытки опредѣлить условія для поступленія въ адвокаты и ограничить въ этомъ отношеніи безусловно-вольный характеръ профессіи. Указывая на безпорядки и злоупотребленія отъ вторженія бездарныхъ и безчестныхъ людей въ адвокатуру, Плиній ссылается на незапамятный обычай, по которому никто не допускался къ защитѣ безъ рекомендаціи извѣстныхъ лицъ, отставныхъ консуловъ или консуляровъ [1]. Нѣтъ никакого основанія сомнѣваться въ показаніи знаменитаго писателя. Значитъ, въ республиканскомъ періодѣ было правило, нѣсколько сходное съ тѣмъ торжественнымъ представленіемъ молодаго защитника, которое принимали на себя во Франціи старшіе и почетные члены адвокатскаго общества.

Но изъ словъ Плинія нельзя сдѣлать рѣшительнаго вывода о дисциплинарной власти республиканскихъ судовъ надъ адвокатами. Излагая дѣло о преступленіи защитника (Номината), взявшаго деньги съ кліентовъ (жителей Виченцы), но не явившагося къ защитѣ, Плиній не объясняетъ, на чемъ основано

---

[1] Epistola II, 14: At hercule ante memoriam meam (ita majores natu solent dicere), nobilissimis quidem adolescentibus locus erat, nisi aliquo consulari producente etc.

предложеніе одного изъ сенаторовъ о пятилѣтнемъ запрещеніи виновному заниматься адвокатурой. Не видно, когда установлено такое правило: при первыхъ ли императорахъ, или раньше, въ республиканскомъ періодѣ [1].

До преторскаго эдикта, вошедшаго въ сводъ Юстиніана, неизвѣстно ни одного постановленія, которымъ запрещалась бы адвокатура для лицъ, страдающихъ извѣстными физическими недостатками. Но можно предположить, что сама сущность дѣла, раньше императорскаго законодательства, навела на мысль о невозможности судебнаго ораторства для глухихъ или слѣпыхъ людей. И республиканскій преторъ могъ уже заключить, что подобный адвокатъ не услышитъ приговора, или не увидитъ прекращенія засѣданія. Поэтому есть основаніе думать, что правила, опредѣленныя въ III-мъ столѣтіи по Р. X., опирались на судебные обычаи изъ болѣе ранняго времени. По видимому, дигесты прямо указываютъ на прецедентъ, который, еще въ республиканскомъ періодѣ, подалъ поводъ установить запрещеніе адвокатуры для слѣпыхъ [2].

По нѣкоторымъ скандалёзнымъ процессамъ, по глубокой безнравственности многихъ знаменитыхъ адвокатовъ и государственныхъ людей, можно сомнѣваться, существовало ли въ республиканскомъ періодѣ запрещеніе эдикта, внесенное въ пандек-

---

[1] Плиній, замѣтивши, что «insurgunt Patres flagitantque judicium», приводитъ слова сенатора, предложившаго наказаніе: «Interdici ei advocationibus in quinquennium». Но не видно связи, какъ въ предыдущемъ случаѣ, съ незапамятнымъ обычаемъ изъ республиканскаго періода.

[2] Cp. Dig. De postulando: «Refert etiam Labeo, Publium Caecum... aversa sella, a Bruto destitutum, cum vellet postulare» etc. Тамъ-же: «Propter casum, surdum prohibet... Nec erat permittendum ei postulare qui decretum praetoris exaudire non poterat, quod etiam ipsi periculosum futurum» etc.

ты[1]. Въ сводѣ Юстиніана помѣщены лишь слова претора, безъ указанія времени и обстоятельствъ, которыя вызвали постановленіе. Но юліевъ законъ о взяточникахъ касается, кромѣ судей, и адвокатовъ[2]. Запрещеніе адвокатской практики женщинамъ внесено въ преторскій эдиктъ подъ вліяніемъ прецедентовъ изъ республиканскаго періода. Дигесты ясно указываютъ, что поводомъ послужила безсовѣстность одной римлянки, которая вела многочисленные и кляузные процессы въ эпоху Цицерона, Гортензія и другихъ знаменитыхъ ораторовъ[3]. До второй половины послѣдняго вѣка республики, извѣстно нѣсколько случаевъ женской адвокатуры. Блестящій талантъ обнаружила дочь Гортензія. Первый случай, когда на судебную трибуну взошла женщина, до-того озадачилъ квиритовъ, что отправлена была депутація въ Дельфы. По всѣмъ вѣроятіямъ, отвѣтъ оракула не разрѣшилъ вопроса, такъ-какъ, до проступковъ Афраніи, сенатъ и цензоры допускали адвокатуру женщинъ. Въ періодъ доносовъ и процессовъ объ оскорбленіи величества, римлянки съ большимъ рвеніемъ вписывали свои имена въ разрядъ помощниковъ главнаго обвинителя (subscriptores).

По тѣмъ-же соображеніямъ, которыя представлены выше, когда говорено было о физическихъ недостаткахъ, можно отнести къ республиканскому періоду происхожденіе правила о совершеннолѣтіи. Здравый смыслъ долженъ былъ очень рано привести къ заключенію, что крайняя молодость несовмѣстима съ важною обязанностью адвоката. Въ этомъ совершенно убѣждаютъ тѣ извлеченія изъ Цицерона, которыя помѣщены въ по-

[1] Cp. Dig. De postulando. О недопущеніи къ адвокатурѣ людей, «qui corpore suo muliebria passi sunt».

[2] Dig. lib. 48. «Hac lege damnatus testimonium publice dicere, aut judex esse postulare ne prohibetur».

[3] Ibidem. Origo vero introducta a Caja Afrania, improbissima foemina etc.

ченномъ трудѣ Дюмазб[1]. Примѣры публичныхъ рѣчей, произнесенныхъ несовершеннолѣтними римлянами изъ знатныхъ и цезарскихъ фамилій, не имѣютъ никакого отношенія къ судебному ораторству. Нѣтъ однако-же яснаго правила — съ какого возраста начиналось адвокатское совершеннолѣтіе. Остается обратиться къ исторіи, которая показываетъ, что, въ большинствѣ случаевъ, первыя рѣчи адвокатовъ произносились въ періодъ отъ 19-ти до 22-хъ лѣтъ. Тацитъ говоритъ, что Л. Крассъ защищалъ, на девятьнадцатомъ году, Г. Карбона; Цезарь, 21-го года, былъ адвокатомъ у Долабеллы и т. д.[2]. Но изъ обычая, по которому молодые люди старались произносить рѣчи сейчасъ-же по замѣнѣ тоги-претексты гражданскою тогою, есть основаніе заключать, что адвокатское совершеннолѣтіе начиналось двумя годами прежде самаго ранняго срока въ примѣрахъ Тацита.

Любопытно, что самыя сильныя нападенія сатириковъ и жалобы другихъ писателей на недозрѣлыхъ адвокатовъ относятся къ императорскому періоду. Выше представлено строгое мнѣніе Плинія о несовершеннолѣтнихъ защитникахъ, которые, по замѣчанію въ другомъ письмѣ автора, «мгновенно мудрѣютъ, мгновенно пріобрѣтаютъ ученость, ни кого не уважаютъ, ни кому не подражаютъ и служатъ сами себѣ примѣромъ»[3]. Что касается республиканской эпохи, то изъ этого времени извѣстенъ обычай рано и серьезно подготовляться къ адвокатскому поприщу[4]. Цицеронъ разсказываетъ о себѣ, что его, еще мальчикомъ, при-

---

[1] Pro Roscio Amerino, 57.

[2] *Tac.*, Dial. de oratore. 34. Nonodecimo aetatis anno Luc. Crassus G. Carbonem etc.

[3] Epistolar. lib. VIII.

[4] *Tacit.* l. c. Ergo apud majores nostros juvenis ille qui foro et eloquentiae parabatur, imbutus jam domestica disciplina, refertus honestis studiis, deducebatur a patre vel a propinquis ad eum oratorem qui principem in civitate locum obtinebat etc.

вели къ Муцію Сцеволѣ, гдѣ онъ оставался до смерти великаго законовѣда, а потомъ перешелъ подъ руководство понтифекса, родственника Сцеволы. Обязанностью молодаго человѣка было съ сосредоточеннымъ и почтительнымъ вниманіемъ слѣдить за толкованіемъ законовъ на консультаціяхъ, о которыхъ сказано выше[1]. Иногда руководители устраивали примѣрные процессы, допуская, по методу греческихъ риторовъ, пренія на вымышленные случаи. Въ началѣ втораго вѣка по Р. Х., признавалась глубокая древность за такимъ обычаемъ. Панегиристы восхваляютъ нѣкоторыхъ адвокатовъ за то, что они принимали участіе въ подготовительныхъ преніяхъ молодыхъ ораторовъ. Но выше уже указано, что здѣсь дѣло идетъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, по-мимо совѣта или собранія изъ представителей цѣлаго сословія.

Есть основаніе предполагать, что иногда опытные и знаменитые адвокаты принимали молодыхъ юристовъ въ товарищи для публичной защиты дѣла. По причинамъ, которыхъ коснулись мы выше, сами теоретики полагали лучшею школою серьезное состязаніе на форумѣ. Невозможно съ точностью опредѣлить время, которое считалось необходимымъ для подготовленія, или искуса. Но еще въ XVII-мъ столѣтіи, ученый Ларошъ-Флавенъ предполагалъ дѣйствіе пиѳагоровскаго правила о двухъ-лѣтнемъ срокѣ[2].

Извѣстенъ также обычай у римлянъ — начинать ораторское

---

[1] Здѣсь адвокаты дѣйствовали по правилу Платона: Principium scientiae est stupere. Вліяніе этихъ понятій заходитъ весьма далеко. Писатель XVII вѣка (*Ларошъ-Флавенъ*, Les 13 Livres sur les Parlements (1617), говоритъ слѣдующее: «Les outres vides sont pleines de vent; à mesure que le vin ou l'huile y entrent, le vent en sort» etc. pp. 262, 263).

[2] *Laroche Flavin*, l. c. p. 240 etc. По-видимому съ нимъ соглашается *Henriot*, l. c. III. p. 213.

поприще обвинительною рѣчью. Особенность судопроизводства, не знавшаго оффиціальной прокуратуры, объясняетъ отчасти такое предпочтеніе со стороны молодыхъ талантовъ. При постоянной борьбѣ политическихъ партій, при многочисленности публичныхъ преступленій въ VII-мъ и VIII-мъ столѣтіи отъ основанія Рима, матеріалы для основательнаго обвиненія должны были встрѣчаться чаще, чѣмъ для такой-же защиты. Съ другой стороны, при строгости общественнаго мнѣнія, молодые люди охотнѣе пробовали силы на такомъ родѣ краснорѣчія, который считался болѣе легкимъ у римлянъ. Самые видные авторитеты въ дѣлѣ ораторскаго искусства находили, что обвинять удобнѣе, чѣмъ защищать, подобно тому, какъ легче нанести, чѣмъ излѣчить рану. (По внимательномъ соображеніи дѣла, едва-ли можно и въ наше время возражать противъ такой истины). Талантливая защита дѣлъ, особенно уголовныхъ, считалась вѣнцомъ ораторскаго искусства. Политическій характеръ судебной власти, которая переходила въ руки различныхъ партій, много содѣйствовалъ подобному взгляду на уголовные процессы. При каждомъ новомъ случаѣ проконсульскаго грабежа, ставился вопросъ: кто кому нанесетъ смертельный ударъ — сенаторы всадникамъ, или на-оборотъ? Понятенъ жаръ Цицерона въ дѣлѣ Верреса, и ясны похвалы, которыя расточаетъ онъ уголовной адвокатурѣ. По его мнѣнію, « нѣтъ лучшаго наслажденія, какъ освободить невиннаго, направить къ добру безъучастную толпу, предотвратить ошибки народа, зажечь гнѣвъ противъ дурныхъ, смягчить раздраженіе противъ добрыхъ гражданъ » [1].

---

[1] *Cic.* De orat. 1.—У Тацита (Dial. de orat. 5, 6) встрѣчается совершенно-сходное мнѣніе о значеніи уголовной защиты: «si ad utilitatem vitae omnia consilia factaque nostra dirigenda sunt, quid est tutius quam eam exercere artem qua semper armatus praesidium amicis, opem alienis, salutem pereclitantibus... ferat? etc.

Затрогивая ту-же тему въ другихъ своихъ сочиненіяхъ, Цицеронъ приходитъ къ одному изъ вѣчныхъ вопросовъ въ адвокатурѣ: слѣдуетъ ли браться за такіе процессы, которые касаются важныхъ преступниковъ?[1]. Выноситъ ли доброе имя адвоката защиту дѣлъ сомнительныхъ? Отвѣтъ таковъ, какого слѣдовало ожидать отъ тонкаго и опытнаго практика. «Дѣло судьи — искать истины; адвокатъ можетъ взять подъ свою защиту вѣроятность невинности». И вотъ мотивы Цицерона: «народъ желаетъ, обычай допускаетъ, человѣколюбіе требуетъ такой защиты».

Знаменитый адвокатъ очень ловко выходитъ изъ затрудненія. Строгіе принципы стоической честности требовали отрицательнаго отвѣта. Философское ученіе о морали могло только удовлетвориться полною вѣрою защитника въ юридическую невинность или нравственную правоту подсудимаго[2]. Но адвокату Ватинія, попавшаго въ кліенты къ Цицерону послѣ обвиненія тѣмъ-же самымъ ораторомъ, не приходилось держаться теоріи. Потому-то читаемъ мы сначала риторское обращеніе къ народному голосу, а за-тѣмъ уже болѣе убѣдительную ссылку на человѣколюбіе. Во всякомъ случаѣ ясно, что къ числу обычаевъ республиканской адвокатуры принадлежала защита дѣлъ, допускавшихъ сомнѣніе въ виновности. Отсюда логически возмож-

[1] De officiis. 2. 84.

[2] Ср. любопытныя извлеченія изъ латинскихъ писателей у *Henriot*, l. c. III. p. 237 etc., гдѣ видно, что въ римскомъ обществѣ высказывались весьма категорическія осужденія защитѣ безчестныхъ дѣлъ. Mala causa silenda est etc. Но опредѣленіе признаковъ, по которымъ можно отличать безчестную практику, также неудовлетворительно у Овидія, Публія, Сира, Теренція, Квинтиліана и др., какъ у позднѣйшихъ писателей. Ср. *Laroche Flavin*, l. c. les advocats ne furent jamais introduits aux sièges de justice pour faire gaigner les causes, quo jure quave injuria, ains (mais) pour esclaircir le droict à celuy seulement qui l'a» etc.

но другое правило у защитниковъ той эпохи: не стремясь къ безусловному оправданію каждаго подсудимаго, домогаться примѣненія смягчающихъ обстоятельствъ[1].

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что было бы несправедливымъ допускать полное отсутствіе адвокатскихъ правилъ въ республиканскомъ періодѣ. Напротивъ, незамѣтною силою обычая, установился такой образъ дѣйствій, который сообщилъ извѣстное единство совершенно вольной профессіи. Отсутствіе корпоративной связи не исключило взаимности, естественно возникающей между людьми одного дѣла. Вотъ почему показалось намъ возможнымъ остановиться на зачаткахъ внутренняго дисциплинарнаго устроенія римской адвокатуры. Различныя причины, лишь отчасти доступныя позднѣйшему изслѣдованію, скоро прекратили органическое саморазвитіе учрежденія. Но не смотря на это, обычай и практика республиканскаго періода установили немногія отдѣльныя правила, принятыя преторскимъ эдиктомъ и позднѣйшимъ законодательствомъ. Обычай создалъ подготовку у опытныхъ адвокатовъ, что̀ замѣняло, въ извѣстной степени, современный искусъ (stage) и конференцію. Тѣмъже путемъ возникло различіе между защитниками-юрисконсультами и защитниками-ораторами, что встрѣчается въ адвокатурѣ новоевропейскихъ народовъ. Практика привела къ установленію различныхъ категорій дѣлъ, изъ которыхъ одни считались удобными для начинающихъ, а другія —для опытныхъ ораторовъ. Наконецъ, республиканское вольное занятіе защитой остановилось передъ серьезнымъ вопросомъ объ адвокатской нравственности. Результаты эти незначительны. Ни кому не придетъ въ голову выкраивать изъ нихъ полный сводъ адвокатскихъ правилъ. Но исторіи важно знать, что первые ша-

[1] У Генріо (l. c.) есть нѣсколько извлеченій изъ литературныхъ памятниковъ, которыми подтверждается предположеніе о подобныхъ пріемахъ у римскихъ адвокатовъ.

ги римскаго сословія защитниковъ направились къ жизненнымъ вопросамъ для всякой адвокатуры. Послѣдующее изложеніе укажетъ, на-сколько вопросы эти разрѣшены въ эпоху, которая имѣла гораздо болѣе средствъ для регламентаціи.

За изложеніемъ тѣхъ условій, при которыхъ дѣйствовали защитники, естественно слѣдуетъ вопросъ о положеніи адвоката на судѣ. Не отыщется ли здѣсь сходство между Римомъ и Греціею?[1]. Процессъ въ преторскихъ инстанціяхъ VI-го и VII-го столѣтій былъ такимъ-же состязаніемъ противниковъ, какъ въ древніе годы. Но, мѣсто символическихъ словъ и дѣйствій самихъ тяжущихся, заняла свободная рѣчь адвокатовъ. Въ уголовныхъ процессахъ, подсудимый, окруженный своими родственниками, друзьями, совѣтниками и тѣми лицами, которыя называются «хвалителями», также былъ настоящимъ кліентомъ своего адвоката. Главная роль принадлежала адвокату. Подсудимому оставалось только присоединить къ ораторскому убѣжденію мольбу о пощадѣ. Римскій адвокатъ выступалъ открытымъ защитникомъ и принималъ на себя всѣ послѣдствія такого отвѣтственнаго положенія. Ему не нужно было скрывать своего соучастія въ дѣлѣ, какъ логографу, или являться лишь съ разрѣшенія судей, какъ синегору. Мало этого: съ VII-го столѣтія, римляне перестали довольствоваться однимъ адвокатомъ. Цицеронъ, защищая Клуэнція безъ участія другаго адвоката, замѣчаетъ, что «таковъ былъ старый обычай профессіи»[2].

Обыкновенно, въ дѣлахъ выступали двое и даже болѣе ораторовъ. Тацитъ говоритъ, что количество защитниковъ не огра-

---

[1] Таково мнѣніе нѣкоторыхъ писателей относительно цѣлаго процесса. Ср. *Göll*, Kultur-Bilder aus Hellas und Rom. 144. Die gerichtlichen Formen waren den griechischen ähnlich etc.

[2] Se totam causam veteri instituto solum perorasse.

ничивалось закономъ [1]. Схоліасты доводятъ число ихъ до 12-ти человѣкъ; но достовѣрно, что въ знаменитыхъ процессахъ республиканскаго періода бывало отъ трехъ до шести адвокатовъ. Изъ анналовъ (III, 11, 13) видно участіе 3-хъ ораторовъ въ одномъ дѣлѣ при Августѣ. Еще позже, Плиній (III, 9) приглашаетъ къ себѣ сотрудника по важному дѣлу португальскихъ провинціаловъ противъ проконсула.

Весьма возможно, что въ подобныхъ случаяхъ защита распредѣлялась между товарищами, по соображенію взаимной опытности и дарованій. Одинъ владѣлъ яснымъ и сжатымъ изложеніемъ фактовъ; другой не находилъ соперниковъ въ юридическомъ разборѣ доказательствъ; третій, одаренный силою живаго и образнаго слова, былъ удачнѣе всего въ заключеніи.

Рѣчь римскаго адвоката въ республиканскомъ періодѣ не подвергалась стѣсненію во времени. Тацитъ категорически высказываетъ это. Адвокаты говорили по четыре и по пяти дней. Рѣчи, длившіяся нѣсколько часовъ, случались еще чаще. Дисциплинарная власть сановниковъ и судей во время засѣданія была велика. Но кромѣ строго-срочныхъ дѣйствій, соединенныхъ съ выдачею формулы по гражданскому дѣлу (in jure) [2], сами преторы не пользовались правомъ пріостановить рѣчь адвоката. Тѣмъ понятнѣе, если въ уголовныхъ коммиссіяхъ возникъ и крѣпко задержался обычай, отклонявшійся отъ строгой буквы XII таблицъ [3]. Въ процессахъ, гдѣ шла рѣчь о потерѣ важныхъ правъ гражданскихъ (crimina capitalia), дѣловые римляне отдавали предпочтеніе пространной рѣчи передъ краткою. Самъ Цицеронъ лишь въ теоріи одобрялъ лаконизмъ, а

---

[1] Dial. de or. 38: Et numerus neque dierum, neque patronorum finiebatur etc.

[2] Ср. *Bethmann-Hollweg*, l. c. II. 205 etc.

[3] Ab ortu ante meridiem causam conjicito, cum perorent ambo praesentes.

на дѣлѣ держался иного правила. Законодательство и судебная практика видимо склонялись къ такому взгляду, что защита, нестѣсненная временемъ, благопріятствуетъ полному раскрытію истины. Писатели первыхъ вѣковъ имперіи, глубоко проникнутые лучшими преданіями предковъ, проводятъ мысль объ опасныхъ послѣдствіяхъ отъ излишней сжатости въ судебной рѣчи: «я считаю измѣной противъ кліента, говоритъ Плиній, если адвокатъ обходитъ то, о чемъ долженъ сказать, если онъ лишь скользитъ надъ тѣмъ, что нужно повторять и запечатлѣвать» и пр. [1].

Отсюда слѣдуетъ, что, по духу кореннаго римскаго процесса, свобода адвокатской рѣчи главнымъ образомъ ограничивается сущностью дѣла и законными интересами кліента. Въ совершенномъ согласіи съ такимъ началомъ, предписывается судьямъ уваженіе къ адвокатскому слову великими юристами имперіи [2]. По всѣмъ этимъ причинамъ, преторы и судьи коммиссій давали полнѣйшій просторъ состязанію защиты съ обвиненіемъ. Особенною льготою пользовалось заключительное преніе (altercatio), отъ котораго, въ большинствѣ случаевъ, зависѣлъ исходъ дѣла. Римлянинъ, любя краснорѣчіе, болѣе всего убѣждался юридическимъ доводомъ. Не голое изложеніе фактовъ, перемѣшанное съ нравственными афоризмами и личными выходками, нужно было римскимъ судьямъ.

Въ гражданскомъ процессѣ, юридическій анализъ необходимо

---

[1] Ср. Ep. I. 20. Въ любопытномъ письмѣ этомъ читаются еще слѣдующія слова: «Adsunt huic opinioni meae leges, quae longissima tempora largiuntur, nec brevitatem dicentibus, sed copiam, hoc est, diligentiam, suadent... Adjiciam quod me docuit usus, magister egregius» etc.

[2] De offic. procons. «Circa advocatos patientem esse proconsulem oportet». Ср. *Plin.* Ep. VI. 2. «Temerarium existimo divinare, quam spatiosa sit causa inaudita» etc.

преобладалъ надъ фактическимъ элементомъ, въ силу формулярной системы. Преторъ не опредѣлялъ in concreto даннаго случая, но только указывалъ общія основанія для окончательнаго рѣшенія. Особенно живую и спеціальную аргументацію должны были вызывать дѣла, гдѣ формула держалась законодательнаго пріема (на основаніи власти supplendi, adjuvandi et corrig. jur. civ., которая была у претора). Въ процессахъ уголовныхъ, очень часто весь интересъ сосредоточивался на альтеркаціи (pugna decretoria, по выраженію Квинтиліана), гдѣ, въ перекрестномъ состязаніи, защита пыталась нанести послѣдній ударъ доводамъ обвиненія. Несомнѣнно, что адвокатская рѣчь и альтеркація пользовались тою-же свободою, если дѣло, по неясности его для присяжныхъ, переносилось на слѣдующее засѣданіе[1]. Бывали примѣры, что къ оратору, который велъ главное обвиненіе, присоединялись товарищи (subscriptores). Этимъ уравновѣшивалось право обвиняемыхъ вводить въ состязаніе всѣхъ своихъ защитниковъ. Такъ, въ одномъ изъ процессовъ, Цицеронъ и товарищъ его М. Юніусъ ведутъ борьбу противъ Гортензія съ неменѣе знаменитымъ адвокатомъ Филиппомъ[2].

Подобный порядокъ долженъ былъ оказать существенное вліяніе на форму защиты и на отношенія адвоката къ судьямъ. Тацитъ называетъ, въ одномъ мѣстѣ, «книгами» рѣчи римскихъ ораторовъ. Большинство объемистыхъ произведеній Цицерона, которыя дошли до нашего времени, значительно сокращены самимъ авторомъ, при письменномъ переложеніи импровизаціи. Продолжительностью состязанія объясняются обычаи, неизвѣстные на судахъ у другихъ народовъ. Когда «непрерывная рѣчь отъ утра до поздней ночи», по выраженію древняго писателя[3],

[1] *Tacitus*, l. c. 37. «Et liberae comperendi-nationes erant, et modum dicendi sibi quisque sumebat» etc.

[2] Pro P. Quintio.

[3] Perpetuus sermo nigrai noctis ad umbram.

приводила въ изнеможеніе адвоката: выступали такъ называемые «замедлители» (moratores). Обязанностью ихъ было продолжать защиту до той минуты, когда снова вступалъ въ бой главный ораторъ.

Раздѣленіе труда принимало иногда болѣе оригинальную форму. Не однѣ звѣзды первой величины блистали въ республиканской адвокатурѣ. Возлѣ Цицероновъ, Л. Крассовъ и другихъ, толпились на судахъ дюжинные и бездарные люди. Изъ нихъ набирались адвокатскіе пролетаріи и чернорабочіе, которые принимались за ремесло главнымъ образомъ по внушенію голода. Къ этому разряду защитниковъ относятся злыя выраженія Цицерона: «кляузный дѣлецъ» (causidicus), «лаятель на клепсидру» (latrator ad clepsydram). Ихъ сравниваетъ М. Туллій съ дерзкими пловцами, «которые садятся на большіе корабли, не умѣя управлять лодкою». Они же, по словамъ его, «ввязываются въ важные процессы у преторовъ и центумвировъ, не будучи въ силахъ отличить юридическое положеніе раба отъ состоянія свободнаго человѣка». Съ негодованіемъ клеймитъ знаменитый адвокатъ грубое невѣжество одного изъ низшихъ своихъ собратій (advocati minores)[1].

Въ подобныхъ случаяхъ, выручалъ изъ бѣды такъ называемый «подсказчикъ». Становясь за ораторомъ во время рѣчи (отсюда monitor posticus), лица эти должны были напоминать законъ или юридическій доводъ, упущенные главнымъ защит-

[1] De orat. I. 36. Адвокатъ истца (малолѣтняго, который судился съ безчестнымъ опекуномъ) потребовалъ вознагражденія, которое превышало законную мѣру (in duplum), чѣмъ уничтожилась самая претензія. Но защитникъ отвѣтчика (опекуна) многословно (non minus longa oratione) домогался подвести своего кліента подъ двойную уплату убытковъ, не подозрѣвая, что буква закона снимала съ него всякую отвѣтственность. Ср. Ibidem I. 38 etc., гдѣ много любопытныхъ замѣчаній объ адвокатахъ.

никомъ. Судьи и преторъ никогда не мѣшались въ эти сдѣлки между многочисленными защитниками по каждому дѣлу. Свобода адвокатовъ не останавливалась предъ нападеніями на самые органы правосудія. Въ рѣчахъ VII-го столѣтія встрѣчаются такія обращенія къ сановнику: «Скажи мнѣ, Метеллъ, развѣ это не подкупъ судей? Запугивать консульскою и преторскою властью свидѣтелей — въ-особенности сицилійцевъ, людей угнетенныхъ скорбью и робкихъ! Чего-же не сдѣлаешь ты для родственника или для безвиннаго, если измѣняешь собственному достоинству и забываешь объ обязанностяхъ ради преступнаго и чужаго человѣка?» [1].

Смѣлость такой апострофы поражаетъ въ наше время, хотя тонъ Цицерона значительно объясняется явною продажностью судей. Не одни адвокаты страдали безнравственностью. Въ Римѣ, какъ и повсюду, крѣпость злоупотребленій зависѣла отъ круговой поруки беззаконія; члены присяжныхъ коммиссій открыто торговали совѣстью. Изъ процесса Клуэнція видно [2], что обвиненный (Oppianicus) роздалъ по 40 тысячъ сестерцій шестьнадцати судьямъ. Въ процессѣ Верреса, Гортензій придумалъ отмѣтить особенною краскою таблицы, на которыхъ писались мнѣнія. Остроумное средство это имѣло цѣлью провѣрить дѣйствіе подкупа. Отсюда понятенъ смыслъ другаго ядовитаго обращенія къ судьѣ у Цицерона: «Я могъ бы отвести этого человѣка, но предпочитаю видѣть его на мѣстѣ судьи, а не претора: пусть лучше, давши присягу, держитъ онъ въ рукахъ собственную таблицу, чѣмъ считаетъ, безъ присяги, чужія таблицы». Съ даль-

[1] In Verrem, Act. Prim. 10. «Quid est, quæso, Metelle, judicium corrumpere, si hoc non est? Testes, præsertim Siculos, timidos homines et afflictos» etc.

[2] Pro Cluent. 27 ... «In consilium erant ituri judices 32. Sententiis 16 absolutio confici poterat... Quadragena in singulos judices distributo» etc.

нѣйшимъ развитіемъ рѣчи, ростетъ обличительная смѣлость Цицерона. Онъ высказываетъ свою мысль, не стѣсняясь никакимъ опасеніемъ: «цѣлое сословіе (судей) угнетено безчестностію и дерзостью меньшинства.... Объявляю себя во всеуслышаніе врагомъ и неумолимымъ, неотвязнымъ обвинителемъ этого разряда людей».

Зная такія обращенія къ лицамъ, облеченнымъ властью, не трудно угадать, какъ держались адвокаты относительно противниковъ, свидѣтелей и т. д. Самъ Цицеронъ, остроумно обозвавшій извѣстную категорію защитниковъ (latratores ad clepsydram), впадалъ въ то краснорѣчіе, которое отмѣчено рѣзкимъ выраженіемъ древняго юриста Аппія Клавдія (canina eloquentia). Слабо оправдываясь необходимостью[1], позволялъ онъ себѣ брань и грубыя оскорбленія. Не всегда такое поведеніе черпало сомнительную силу свою въ важности иска или отвода. Повидимому, процессъ актера Росція по ничтожному дѣлу не могъ вызвать несчастную слабость адвокатовъ защищать, во что бы то ни стало, интересы кліентовъ. А между тѣмъ выходки Цицерона представляютъ первообразъ безнравственныхъ защитъ, гдѣ успѣхъ дѣла обусловливается очерненіемъ противника[2].

Плоскія шутки и остроты въ тонѣ плохой комедіи также могутъ найдти для себя примѣры въ римской адвокатурѣ. Сюда подойдетъ выходка адвоката противъ свидѣтеля[3] и даже об-

---

[1] Cp. Orat. pro Tullio, 5. «Nisi plane cogit (causa) ingratiis, ad male dicendum non soleo descendere» etc.

[2] Orat. pro Roscio Comoedo. 7. «Faciem utriusque considerate. Nonne ipsum caput et supercilia illa penitus abrasa, olere malitiam et clamitare calliditatem videntur? Nonne ab imis unguibus usque ad verticem summum... ex fraude, fallaciis, mendaciis constare videtur?».

[3] Pro Caecina 9; 10.«Non tam auctoritate gravi, quam corpore» etc.

щеизвѣстный каламбуръ въ процессѣ Верреса. Серьезнѣе, но еще безпощаднѣе нападенія Цицерона на сестру Клодія. Здѣсь безъ особенной нужды выставляются на позоръ двусмысленныя отношенія къ родному брату у женщины, «которая была подругою всѣхъ мужчинъ»[1]. Предъ этимъ ударомъ блѣднѣетъ скрытое нападеніе логографа на мать кліента изъ кляузнаго семейства Пазіоновъ въ Аѳинахъ.

Справедливость требуетъ признать, что Цицеронъ, Л. Крассъ, Гортензій, Азиній Полліонъ и многіе другіе первоклассные ораторы не отличались желанною деликатностью къ товарищамъ по занятію. Нерѣдко одинъ адвокатъ укорялъ другаго въ безобразіи, въ незаконности рожденія и т. д. Наклонность къ оскорбительнымъ выходкамъ, изобличеніе семейныхъ тайнъ и частныхъ интересовъ у противника не смягчались тѣми строгими правилами, которыя введены ново-европейскимъ устройствомъ адвокатуры. Лишь изрѣдка высказывается идея, что единство занятій и общность интересовъ должны установлять взаимное уваженіе между адвокатами[2]. Но это — чистая теорія, далекое осуществленіе которой выпало на долю «рыцарей правовѣдѣнія» (chevaliers-ès-lois) во Франціи.

Такъ выразилась обратная сторона свободы, которою пользовалась защита на судѣ преторовъ. Но выгодное вліяніе римскихъ обычаевъ не всегда пересиливалось злоупотребленіями великаго начала. Адвокатъ, стоявшій въ уровень съ истиннымъ

---

[1] Pro Coel. 13. «Quod facerem vehementius, nisi intercederent mihi inimicitiae cum istius mulieris viro: fratrem volui dicere; semper hic erro... Neque enim muliebres umquam inimicitias mihi gerendas putavi, praesertim cum ea quam omnes semper amicam omnium putaverunt» etc.

[2] Cp. *Cic.* Pro Tullio I.—Pro Cluentio, 28, 29, 40. Pro Murena 9. *Quintilian.* XII; 9, 11... Inhumanum est respectu communium officiorum etc.

своимъ назначеніемъ, имѣлъ такіе шансы, какихъ не представляетъ процессъ у прочихъ народовъ древняго міра. Открытое произнесеніе рѣчи вмѣсто подсудимаго давало полный просторъ дарованію. Ораторъ, который отвѣчалъ за каждое слово предъ взыскательнымъ судомъ согражданъ, въ силу этого, долженъ былъ глубоко и серьезно относиться къ дѣлу. Защита становилась общественною работой, на которой сосредоточивались всѣ способности и вся энергія адвоката. Стройность, логичность и юридическія достоинства рѣчи были здѣсь возможнѣе, нежели въ защитѣ, которая ведется по чужому тексту, или является дополненіемъ къ судоговоренію главныхъ сторонъ.

Но это не все. Адвокатура извлекла другія выгоды изъ начала свободы. Въ древнемъ періодѣ установилось правило, что рѣчи должны произноситься до представленія и разбора доказательствъ. Серьезные писатели полагаютъ, будто въ этой мѣрѣ проявлялось желаніе ослабить дѣйствіе адвокатскаго краснорѣчія. Не легко рѣшить, справедливо ли подобное предположеніе. Но вѣрно одно: защитникъ, который не присутствовалъ при собираніи матеріаловъ для обвиненія, находился въ затруднительномъ положеніи. Необходимо было устранить такое серьезное препятствіе. Какъ же произошелъ переворотъ, имѣющій громадное значеніе для адвоката? Въ силу прецедента, установленнаго Цицерономъ[1]. Защищая сицилійцевъ противъ Верреса, онъ впервые отступилъ отъ прежняго порядка, подкрѣпивши свои положенія доказательствами, представленіе которыхъ суду было впереди, по буквѣ древняго закона. Послѣ этого, начали предпосылать показанія свидѣтелей рѣчамъ обвинителя и обвиняемаго. Установился обычай перекрестнаго допроса, который обращенъ былъ въ общее правило формальнымъ

[1] In Verrem. Act. prima. XVIII. «Illud a me novum, Judices, cognoscetis, quod ita testes constituam, ut totum crimen explicem» etc.

закономъ. Позволительно сомнѣваться, чтобы подобное явленіе возможно было въ греческой адвокатурѣ.

Вообще, основное начало защиты, отношеніе къ кліентамъ, значеніе и форма рѣчей, положеніе адвоката на судѣ: во всемъ этомъ видна совершенная противуположность между Аѳинами и Римомъ. Здѣсь господствуетъ изустная, открытая защита. Тамъ преобладаетъ письменное и тайное участіе адвоката.—Въ Римѣ, защитникъ заслоняетъ собою, въ минуту судоговоренія, личность подсудимаго. Устами адвоката высказываются всѣ желанія и притязанія кліента.—Въ Греціи, подсудимый постоянно отодвигаетъ на второй планъ защитника, которому остается лишь дополнить то, что̀ недостаточно выражено кліентомъ.—Въ Римѣ, адвокаты долго пользуются безграничною свободою[1]. Въ Греціи, адвокатъ лишенъ всякой свободы, если онъ логографъ, и во всякомъ случаѣ имѣетъ ее въ меньшей мѣрѣ, если выступаетъ

[1] Говорятъ, будто греческій обычай клепсидры занесенъ былъ на римскій форумъ Сципіономъ Назикою. Вѣрнѣе, что Помпей, нѣсколько позже авреліева закона, сдѣлалъ клепсидру обязательною для преторскихъ засѣданій. По-видимому, сила греческаго вліянія обѣщала успѣхъ этому нововведенію. Проконсулы послѣдняго вѣка республики, не стѣсняясь, произносили приговоры на пяти греческихъ нарѣчіяхъ. Это была утонченная месть образованныхъ римлянъ за насмѣшки надъ первыми попытками ихъ говорить языкомъ Перикла. Но не всѣ дары данаевъ одинаково встрѣчались въ Лаціумѣ. Повинуясь сильному тріумвиру, форумъ допустилъ клепсидру безъ вредныхъ послѣдствій для достоинства и независимости защиты. Не отъ претора и не отъ судей зависѣло время состязанія при господствѣ того правила, что защита можетъ длиться на $^1/_3$ болѣе противъ обвиненія. Ср. *Tacitus*, l. c. «Primus hæc, tertio consulatu, Pompejus astrinxit imposuitque veluti frenos eloquentiae». Но далѣе Тацитъ замѣчаетъ: «omnia in foro, omnia legibus, omnia apud praetores gererentur». Здѣсь несомнѣнна мысль, что законъ Помпея не нарушилъ основныхъ началъ преторскаго судопроизводства въ Римѣ.

какъ синегоръ. Работу логографа справедливо сравниваютъ съ монологомъ театральной пьесы, гдѣ дѣйствуетъ извѣстное лицо или типъ, но не самъ защитникъ. Рѣчь синегора есть только девтерологія. Для трехъ, четырехъ и болѣе защитниковъ не можетъ быть мѣста въ процессѣ, гдѣ издавна господствовало правило о клепсидрѣ и гдѣ неизвѣстны переносы дѣлъ на слѣдующія засѣданія (римскія diffisiones, ampliationes etc.).— Въ республиканскомъ Римѣ, кромѣ неизбѣжныхъ перерывовъ, въ формѣ запросовъ отъ судей или противниковъ, адвокаты не встрѣчали другихъ остановокъ. Въ Греціи, подсудимому приходилось умолять, чтобы указанъ былъ тотъ порядокъ, въ которомъ слѣдовало ему говорить[1]. Показанія свидѣтелей отбирались и вносились въ рѣчь; но такимъ образомъ, что разборъ ихъ перемѣшанъ съ простымъ изложеніемъ фактовъ и ссылками на законы. До состязанія, обвиняемый не имѣлъ понятія о доказательствахъ своего противника. Не было обычая начинать защиту съ предварительнаго слѣдствія, производившагося, какъ въ Римѣ, частнымъ обвинителемъ.

При такихъ условіяхъ, неизбѣжно терялась послѣдовательность и трезвая сила защитительной рѣчи. Не трудно понять, какое вліяніе имѣли частыя обращенія греческаго оратора къ прагматику: прочитать акты, ввести свидѣтелей для присяги, подвергнуть пыткѣ рабовъ и т. д. Подсудимый, которому никто не заявлялъ, до призыва на судъ, основаній для обвиненія, долженъ былъ впадать въ крайности. Или рѣчь, написанная логографомъ, не представляла серьезнаго возраженія, проходя вкривь и вкось мимо неугаданныхъ доводовъ противника. Тогда защита оказывалась вялою; или же возраженіе строилось на преувеличенномъ представленіи объ основаніяхъ для обвиненія. Тогда защита выходила филиппикою и — если можно

---

[1] Ср. *Meier u. Schömann*, l. c. 716, 718, 719.

такъ выразиться—проносилась выше своей мѣты. Ораторъ забывалъ собственную роль и, бросивъ въ сторону невозможное для него опроверженіе, съ отчаяніемъ противополагалъ иску встрѣчное обвиненіе. Въ подобномъ случаѣ процессъ представлялъ любопытное, но уродливое извращеніе истинной своей сущности. Сглаживались особенности отдѣльныхъ, органическихъ частей его. Вмѣсто правильнаго состязанія защиты съ обвиненіемъ, завязывалась, предъ многолюдными коммиссіями присяжныхъ, отчаянная борьба двухъ ожесточенныхъ обвиненій. Понятно, отчего, изъ подобнаго столкновенія, рѣже чѣмъ въ Римѣ, выходила судебная истина.

И такъ, ясно слѣдующее: въ общемъ ходѣ своемъ, римскій процессъ развивался логичнѣе, чѣмъ у грековъ. Отношенія частей къ цѣлому были правильнѣе и цѣлесообразнѣе. Защита и обвиненіе установились съ большимъ соблюденіемъ начала равенства. Самыя отступленія отъ этого начала направлялись въ разныя стороны. Между тѣмъ какъ при греческомъ устройствѣ обвиненіе имѣло шансы передъ защитой, римскія учрежденія были благопріятнѣе для защиты. А главнымъ выводомъ изъ всего сказаннаго будетъ окончательное признаніе глубокаго различія между греческою и римскою адвокатурою.

Заключенія этого не ослабляетъ незначительное сходство греческихъ параклетовъ съ тѣми «хвалителями», которые находились, вмѣстѣ съ друзьями и родственниками, въ составѣ древней адвокаціи. Иногда защитники и судебная свита въ Римѣ дѣйствовали едва-ли не съ большею театральностію, чѣмъ въ Греціи. Траурныя и безпорядочно надѣтыя тоги, неубранные волосы, земные поклоны предъ судьями: подобные пріемы стóятъ, конечно, «жезла плачущихъ» предъ греческими дикастами. Сатирики и авторы разсужденій о краснорѣчіи ярко выставляютъ недостатки адвокатскихъ пріемовъ въ Римѣ. Наклонность южныхъ людей къ жесту весьма рѣзко проявлялась на форумѣ. Вертикальное поднятіе

или горизонтальный размахъ рукъ, возведеніе глазъ къ небу, удары въ грудь и т. д. были довольно обыкновенными средствами. Рѣже случались тѣ оригинальные пріемы, за которые Плиній осмѣиваетъ извѣстнаго доносчика при Домиціанѣ, адвоката Регула. Бывали примѣры, что защитники подымали споры противъ тѣхъ, кто разстраивалъ красивую драпировку ихъ тоги. Съ этою театральною щепетильностью не согласовался обычай пить и ѣсть во время защиты. Особенно-много недостатковъ, почти непонятныхъ для нашего времени, представлялось въ заключительной части рѣчи. Здѣсь ораторы, увлекшись декламаціею, доходили до комическихъ крайностей; носили по форуму малолѣтнихъ дѣтей, потрясали оружіемъ, которымъ совершено преступленіе, выставляли на-показъ раны кліента и т. д. [1]. Въ этомъ наблюдается сходная черта греко-римскихъ нравовъ, вызванная близостью принциповъ судоустройства. На пниксѣ и на форумѣ судили уполномоченные отъ народа, которымъ принадлежала политическая власть съ неизбѣжнымъ правомъ помилованія. Оттого не было у грековъ аппелляціи на дикастовъ. По той-же причинѣ аппелляція въ Римѣ организовалась лишь въ императорскомъ періодѣ. Но римскіе плакальщики, призванные для слезныхъ заявленій на судѣ, были еще менѣе адвокатами, чѣмъ параклеты. Въ Греціи, послѣ плохой личной защиты подсудимаго, которому не дали синегора, приходилось разсчитывать лишь на слезы родныхъ и похвалы параклетовъ. Въ Римѣ, впереди плачущихъ или хвалящихъ друзей, стоялъ адвокатъ и, не смотря на примѣсь сценическихъ эффектовъ, всегда велъ серьезную юридическую защиту.

Вообще избытокъ силъ поражаетъ въ самыхъ порокахъ римской адвокатуры. Крѣпкій организмъ наклоннѣе къ острымъ и

[1] Нѣчто подобное будетъ указано въ обычаяхъ и пріемахъ французскихъ адвокатовъ до революціи 1789 года.

сокрушительнымъ недугамъ. По той-же причинѣ, хроническія язвы бываютъ глубже и опаснѣе. Не логографіей — этою невольною виной греческихъ софистовъ и законниковъ — грѣшили адвокаты въ Римѣ. Мелкая роль пособниковъ въ обманѣ судей чужою рѣчью была не по-плечу великанамъ римской адвокатуры. Въ цѣлой исторіи этого учрежденія насчитывается два, много три примѣра, когда писались подставныя рѣчи для другихъ[1]. Преступленія на форумѣ крупнѣе, чѣмъ въ Аѳинахъ. Но, въ глазахъ исторіи, римскіе адвокаты не имѣютъ смягчающаго обстоятельства: уродливой формы греческаго учрежденія. Слишкомъ много силы, гласности и свободы имѣли Цицероны, Гортензіи и Крассы. Слишкомъ важные интересы ввѣрялись честности и дарованіямъ этихъ ораторовъ. Измѣняя кліенту, римскій адвокатъ предавалъ врагамъ и утѣснителямъ цѣлые народы. Выступая съ подкупнымъ словомъ на форумѣ, гдѣ постоянно шла опасная борьба, онъ могъ попустить посягательство на свободу отъ самыхъ злыхъ враговъ ея. Ничего не стоило безъ нужды усилить остроту политическаго волненія. Ненависть партій съ жадностью ловила мѣткое слово, извлекая оттуда новую силу для своего горѣнія. Патріотизмъ, безкорыстіе, твердость и честность убѣжденій, нелицемѣрная преданность гражданской свободѣ: лишь такія условія могли сдѣлать благотворнымъ публичное слово. Находились ли всегда у римскихъ адвокатовъ подобныя качества? Вотъ вопросъ, на который давно уже сказала отрицательный отвѣтъ свой исторія.

Но трудно согласиться съ тѣмъ, будто адвокаты и краснорѣчіе ихъ послужили главною причиною гибели республиканскихъ учрежденій[2]. Если въ Аѳинахъ, послѣ Демосѳена, сталъ править македонскій солдатъ; если въ Римѣ, послѣ Цицерона и

---

[1] Одною изъ нихъ, говорятъ, воспользовался Помпей.

[2] *Bécot*, Organisat. de la Justice répressive, pp. 79, 80.

Гортензія, водворились деспоты: отсюда нельзя выводить историческую связь между краснорѣчіемъ и паденіемъ свободы. Не адвокатура вызвала безурядицу; но анархія — результатъ общаго разложенія — привила смерть къ самой адвокатурѣ. Въ Греціи и въ Римѣ, лучшіе представители профессіи явились послѣдними борцами за тотъ порядокъ, который долго обезпечивалъ силу и независимость ихъ отечества. Адвокатъ Демосѳенъ былъ злымъ врагомъ Филиппа. Цицеронъ обнаружилъ истинно-гражданское мужество, когда выступилъ противъ отпущенника Суллы, въ процессѣ Росція амерійскаго; то-же можно сказать относительно филиппики его противъ антоніева закона о составѣ присяжныхъ. Въ крайнемъ случаѣ, позволительно признать, что адвокатура, не умѣвшая собрать себя въ сильную корпорацію, разлилась между партіями и увеличила пожаръ въ Римѣ. Но сама она была скорѣе матеріаломъ, чѣмъ причиною горѣнія.

IV.

Съ имперіею наступила новая эпоха для адвокатуры. Въ первое время, не произошло существенныхъ измѣненій во внутренней жизни Рима. Консулы, преторы, центумвиры, формулярная система, публичный и словесный судъ съ участіемъ защитника: все это перешло, въ полномъ составѣ, подъ ферулу цезарей. Но скоро обнаружилась борьба двухъ началъ, которыя не могли ужиться въ долгомъ ладу между собою. Какъ было Риму оставаться громадною муниципіей, когда неодолимая сила обстоятельствъ повлекла его къ деспотизму и централизаціи? Римскій народъ поставилъ тронъ, вмѣсто курульнаго кресла избирательныхъ чиновниковъ. Какъ могли сохраниться нетронутыми судебныя учрежденія республики? Правосудіе всегда соединялось съ политикою, какъ въ Римѣ, такъ и въ аѳинской демократіи. От-

сюда рядъ мѣръ, которыя, мало-по-малу, привели къ совершенному измѣненію процесса. Точкою отправленія цезарскихъ реформъ послужили знаменитые юліевы законы (judiciorum publicorum Leg. Majestatis). Они разомъ затронули всѣ существенные вопросы судоустройства и судопроизводства. Тогда-же съ ясностью опредѣлилось направленіе, котораго держалась центральная власть въ законодательствѣ.

Съ одной стороны, право частнаго обвиненія было ослаблено, по отношенію къ обыкновеннымъ преступленіямъ. Съ другой стороны, то-же право расширилось, въ противность основнымъ началамъ римскаго законодательства, когда касалось политическихъ преступленій[1]. Подсудность по дѣламъ послѣдней категоріи взята отъ постоянныхъ коммиссій и передана сначала сенату, а за-тѣмъ — особой верховной инстанціи (Consistorium Principis). Но еще при Августѣ, стала подыматься въ судебномъ мірѣ новая сила: городской и полицейскій префекты. Скоро власть перваго расширилась до такихъ размѣровъ, что поглотила юрисдикцію древнихъ преторовъ. Возлѣ начальника римской полиціи образовалась особая инстанція (Consistorium Praefecti Urbis), выше которой стоялъ лишь одинъ судъ императорскій. Сильную власть получили правители провинцій. Еще раньше мѣръ Діоклетіана и Константина, стали считать законнымъ порядокъ, называвшійся чрезвычайнымъ, конечно не изъ уваженія къ остаткамъ республиканскаго процесса[2].

---

[1] Законы о доносчикахъ совершенно противорѣчатъ правиламъ, которыя высказываются римскими юристами. Ср. Dig. L. 47. 23. *Paulus:* «Popularis actio integrae personae permittitur» etc. — *Ulpian.* «Mulieri et pupillo populares actiones non dantur» etc. — Сравн. отступленія отъ этихъ общихъ началъ Lib. 7. Dig. ad Legem Juliam Majestatis.

[2] Dig. L. 48. tit. II. 8. «Ordo exercendorum publicorum capitalium in usu esse desiit... cum extra ordinem crimina probantur».

При такихъ условіяхъ, положеніе присяжныхъ на судѣ должно было подвергнуться кореннымъ измѣненіямъ. По инстинкту, смыслъ котораго понятенъ исторіи, еще Антоній наложилъ руку на это важное учрежденіе. Съ цинизмомъ честолюбца, который чуялъ водвореніе самовластія, онъ исказилъ авреліевъ законъ, присоединивши скомороховъ, гусляровъ и тому подобныхъ лицъ къ составу присяжныхъ. Постояннымъ стремленіемъ первыхъ цезарей было довершить разложеніе учрежденія, гдѣ, при господствѣ независимыхъ людей, могли задержаться республиканскія преданія. Такія мѣры мало способствовали поддержанію священнаго огня у присяжныхъ. Общественная служба эта пріобрѣла двойную тягость въ глазахъ гражданъ. Они все болѣе замыкались въ узкій кругъ личныхъ интересовъ, подъ разлагающимъ вліяніемъ деспотизма. Вотъ почему, независимо отъ другихъ причинъ, участіе присяжныхъ въ уголовныхъ коммиссіяхъ слабѣетъ съ каждымъ новымъ днемъ имперіи. Народный элементъ замѣнился чиновниками, засѣдателями, совѣтниками и т. п., которые, отъ IV столѣтія, постоянно окружаютъ судью съ единоличною и неограниченною властью. Сенаторы, законовѣды и иныя почетныя лица призывались въ различныя «консисторіи» и «аудиторіи» для однихъ совѣщаній. Власть вязать и рѣшить, въ обыкновенномъ и аппелляціонномъ порядкѣ, перешла къ предсѣдателю, который держалъ въ рукахъ своихъ всю силу полицейскаго надзора и обвиненія.

Въ совершенномъ согласіи съ подобными измѣненіями, являются первыя ограниченія гласному и словесному порядку. Власть обвинять, не ожидая частной инціативы, по однимъ донесеніямъ полицейскихъ агентовъ, естественно привела судью къ участію въ предварительномъ слѣдствіи. Но невозможность для судьи (онъ-же и правитель) лично присутствовать при всѣхъ моментахъ каждаго слѣдствія, въ свою очередь, вызвала новую мѣру: составленіе письменныхъ актовъ, протоколовъ и

проч. Такимъ образомъ за высшими чиновниками явились на судахъ писцы и грамотѣи. Возникла секретарская дѣятельность и обозначились элементы судебной бюрократіи. Развитіе аппелляціоннаго порядка, охватившаго всѣ степени — отъ муниципальныхъ судовъ въ провинціяхъ до высшей инстанціи городскаго префекта въ Римѣ — окончательно закрѣпило коренной переворотъ этотъ. На судахъ получалась масса протоколовъ и другихъ актовъ, надъ которыми приходилось работать въ канцеляріяхъ. Постоянные судьи — чиновники и юрисконсульты — были нужнѣе присяжныхъ, которые рѣшали дѣла при словесномъ и публичномъ состязаніи противниковъ. Поворотъ къ письменному и закрытому порядку былъ такъ рѣшителенъ, что иногда сами императоры считали полезнымъ напоминать правителямъ провинцій, какъ предосудительно рѣшать на-дому «важныя тяжбы о личныхъ и вотчинныхъ правахъ»[1].

Весьма возможно, что, въ большинствѣ случаевъ, начальники судовъ исполняли эти предписанія строгихъ властителей. Тогда можно предполагать допущеніе, на прежнихъ основаніяхъ, адвокатской защиты. Но учрежденіе это не могло уйдти отъ судьбы цѣлаго порядка. Адвокатура развилась при консулахъ и преторахъ, власть которыхъ сдѣлалась тѣнью своего прошедшаго, еще въ первомъ вѣкѣ имперіи. «Не наше дѣло разсуждать о томъ, кого и по какимъ причинамъ возвышаешь ты передъ нами», — говорилъ Теренцій Тиберію, — «тебѣ даровали боги верховный судъ надъ міромъ, а намъ осталась одна слава — повиновеніе»[2]. Иного исхода не было для самихъ адвокатовъ, когда Нерону пришла въ голову самовластная мысль — изгнать изъ процессовъ защитительную рѣчь, оставивши одну альтер-

---

[1] Ср. Cod. Theod. Edit. Gothofr. De officio rectoris provinciae.

[2] Annal. VI. 8. Ср. тамъ-же слова Теренція къ сенаторамъ: «Libertis quoque ac janitoribus ejus (Sejani) notescere pro magnifico accipiebatur».

кацію. Не могли проявить большей самостоятельности правовѣды-консультанты, когда имъ приказали, подъ страхомъ наказанія: не составлять духовныхъ завѣщаній безъ легата въ пользу кесаря. Правда, мѣры Нерона не пережили его царствованія. Но ясно, что положеніе органовъ судебной защиты стало инымъ, чѣмъ при Катонѣ, Цицеронѣ и Гортензіи. Процессы безъ адвокатовъ, глубоко возмущавшіе Римъ въ кровавые дни Суллы, не вызывали удивленія въ ту эпоху, о которой говоритъ Тацитъ въ сжатой фразѣ: «а у насъ непрерывныя обвиненія». Бездна, которая отдѣляетъ цезарскій Римъ отъ Катона, освѣщается во всей глубинѣ немногими словами: «обвиненіямъ предшествуютъ доносы друзей и родныхъ. За доносами слѣдуютъ неизбѣжные приговоры и казни»[1].

Не подлежитъ сомнѣнію, что право имѣть защитника осталось буквою безъ примѣненія на чрезвычайныхъ судахъ. Даже Плиній, оставившій за собою самую тяжкую пору, присутствовалъ въ засѣданіяхъ, гдѣ ораторствовали главныя стороны безъ пособія адвокатовъ[2]. Извѣстно, какъ шли дѣла, когда судили Кремуція, Теренція и Валерія азіатскаго. Правда, тутъ были адвокаты; но они перемѣнили занятіе, сдѣлавшись доносчиками. Не мудрено: вмѣсто форума, процессъ Валерія происходитъ въ спальней комнатѣ. Дѣломъ заправляетъ Мессалина[3]. Самъ обвиненный произноситъ рѣчь, которая трогаетъ Клавдія. Императоръ уважаетъ краснорѣчіе и выслушиваетъ Валерія съ бо̀льшимъ терпѣніемъ, чѣмъ Тиберій — Кремуція[4]. Мессалина, утирая слезы, поглощена думою — какимъ способомъ умертвить давно-

---

[1] Saeva jussa.... fallaces amicitias etc.

[2] Ep. VI 22.

[3] Annal. XI. 2. Intra cubiculum auditur, Messalina coram etc. Cp. Dialog. de oratore.

[4] *Tacit.* Annal. Et Caesar truci vultu defensionem accipiens etc.

намѣченную жертву? Клевретъ ея Вителлій также плачетъ, говоря о дружбѣ своей къ осужденному, и проситъ у Клавдія свободнаго выбора казни для виновнаго. Цезарь милостиво даетъ привилегію. Валерій выкупаетъ многогрѣшную жизнь мужественною кончиной, а Мессалина и сподручники ея спѣшатъ захватить богатое имущество казненнаго. Но лишь окончилось это дѣло, какъ снова созываются въ засѣданіе молчаливые и униженные сенаторы. Опять выступилъ адвокатъ Суилій въ роли доносчика противъ двухъ богатыхъ всадниковъ.

Такова атмосфера, въ которой осуждены были жить адвокаты, послѣ Августа. Никто не назоветъ ее благопріятною для чистоты и достоинства ихъ профессіи. Открытое обвиненіе, при такой-же защитѣ, замѣнено доносомъ, безъ всякаго обезпеченія для обвиняемаго. Суды, на которыхъ допускались еще адвокаты, теряли, одну за другою, важныя части своей юрисдикціи. Измельчала практика, а по словамъ Тацита — «таланты растутъ съ важностью дѣлъ: иное защищать вора или толковать объ интердиктѣ; иное отстаивать муниципіи»[1]. Тамъ, гдѣ сидѣли постоянные судьи, слово защитника зависѣло отъ неограниченной власти сановниковъ. На каждомъ періодѣ обрывалась рѣчь приводомъ свидѣтелей или предъявленіемъ другихъ доказательствъ. Не было народа и зрителей, которые сходились въ такомъ множествѣ на засѣданія VII-го и первой половины VIII-го столѣтія отъ основанія Рима. «Дѣла тянулись какъ въ пустынѣ», замѣчаетъ Тацитъ[2]. Дарованіе задыхалось въ стѣнахъ архивовъ и канцелярій[3]. Спеціальное

---

[1] Dial. de orat. 39.

[2] L. c. «Quantum humilitatis... attulisse poenulas istas, quibus astricti et velut inclusi cum judicibus fabulamur?.. Frequenter probationibus et testibus silentium patronis indicit. Unus inter haec dicenti aut alter assistit. Et res velut in solitudine agitur» etc.

[3] Quantum virium detraxisse orationi auditoria et tabularia etc.

занятіе адвокатурою подрывалось соблазномъ богатой поживы отъ доносовъ. Настали времена, когда рѣзкое выраженіе Аппія Клавдія недостаточно характеризовало краснорѣчіе, наиболѣе популярное въ государствѣ. Не удивительно, если лучшіе люди спѣшили оставить адвокатуру и отдались теоретическимъ занятіямъ. Въ частномъ правѣ, какъ сказалъ Савиньи, задержались лучшіе остатки Рима. Отсюда появленіе Лабеона и другихъ юристовъ, которые приготовляютъ Павла, Ульпіана и Папиніана. Самъ Августъ цѣнилъ законовѣдовъ и призналъ судебный авторитетъ ихъ мнѣній, быть можетъ, съ тайнымъ желаніемъ ослабить власть преторовъ. Практика гражданскихъ судовъ представляла менѣе опасности, при тѣхъ пріемахъ, которые описываетъ Плиній у адвокатовъ изъ доносчиковъ Домиціана [1]. Споръ объ интердиктѣ обезпечивалъ отъ крайнихъ невыгодъ политическаго процесса въ чрезвычайной коммиссіи. Обнаружился приливъ худшихъ людей къ судебной практикѣ [2]. Многоразличны были прегрѣшенія адвокатовъ во времена республики. Но теперь, въ силу перемѣнъ отъ юліевыхъ законовъ, проступки противъ адвокатской нравственности сдѣлались эпидемическою болѣзнью. Плиній одиноко стоитъ между своими собратами. Блестящія дарованія Домиція Афера, солидность адвоката Регула не смываютъ съ нихъ участія въ самыхъ грязныхъ процессахъ имперіи. Побужденія и стремленія принизились. Честолюбіе закрылось для адвокатовъ. Осталась одна корысть для людей, которымъ были не подъ-силу самыя слабости прежняго вѣка. Въ анналахъ Тацита на-вѣки вписаны слова, что «адвокатская совѣсть сдѣлалась самымъ продажнымъ

---

[1] Cp. Epist. I. V. Поведеніе адвоката Регула, который вопросами своими умышленно подводилъ Плинія подъ crimen laesae majestatis.

[2] Ibidem. II. XIV. Nunc refractis pudoris et reverentiæ claustris, omnia patent omnibus; nec inducuntur, sed irrumpunt etc.

товаромъ на публичномъ рынкѣ»[1]. И точно, при Клавдіѣ, адвокаты берутъ громадные гонорары (до 20,000 р. сер. на наши деньги) съ обѣихъ сторонъ и доводятъ кліентовъ до самоубійства. При Домиціанѣ и Нервѣ, пріобрѣтаются колоссальныя состоянія въ 300 милліоновъ сестерцій[2]. Сатирики издѣваются надъ адвокатами изъ булочниковъ и погонщиковъ, которые однакоже безпощадно обираютъ кліентовъ. Объ осторожномъ выборѣ дѣлъ, о честности въ средствахъ защиты нѣтъ и помину. Не имѣя убѣжденій и отвергая нравственное достоинство, твердо вѣруютъ лишь въ одно: всякое дѣло хорошо, когда попадаетъ къ ловкому адвокату. По словамъ сатириковъ, защитники не брезгаютъ гонораромъ изъ нѣсколькихъ связокъ египетскаго луку, приправленныхъ затхлымъ виномъ отдаленной провинціи[3]. Въ одеждѣ и жильѣ, въ выходахъ на судебное засѣданіе, во всѣхъ удобныхъ и неудобныхъ случаяхъ, выставляется на-показъ роскошь съ шарлатанскою цѣлью привлечь практику. Но тѣ-же величавые адвокаты не стыдились выпрашивать себѣ платье у кліентовъ. Съ неудержимымъ отвращеніемъ разсказываетъ это Плиній о доносчикѣ Регулѣ. Сатиры Ювенала и Марціала обращаются въ истину, когда подкрѣпляетъ ихъ простой разсказъ едва-ли не единственно-честнаго адвоката въ первомъ вѣкѣ имперіи.

Изъ предыдущаго очерка ясно, почему устройство адвокатуры сдѣлалось очереднымъ вопросомъ законодательства. Другія причины должны были, въ свою очередь, привлечь въ эту сторону вниманіе императоровъ. Власть, которая захватила все, что̀ вѣдали консулы, трибуны и преторы, не могла оставить

---

[1] XI. V. Cuncta legum et magistratuum munia in se trahens princeps materiam prædandi patefecerat: nec quidquam publicæ mercis tam venale fuit quam advocatorum perfidia.

[2] Dialog. de orat. VIII. 4.

[3] Cp. *Henriot*, III, l. c.

на прежнемъ основаніи вліятельную профессію. Преслѣдуя цѣли политической централизаціи, правительство естественно пришло къ мысли о дисциплинарномъ устройствѣ адвокатуры. Но не одни такія соображенія господствовали въ цезарскихъ совѣтахъ. Въ составѣ послѣднихъ находились правовѣды, которые иначе смотрѣли на адвокатуру. Для Ульпіана, Павла и другихъ юристовъ, учрежденіе это, не смотря на временное приниженіе свое, было необходимо какъ составная часть правильно-устроеннаго правосудія. Скандальные процессы безъ адвокатовъ при первыхъ императорахъ привели ихъ къ однимъ заключеніямъ отъ противнаго. Не имѣя силъ и расположенія открыто бороться противъ юліевыхъ законовъ, образованные и человѣколюбивые правовѣды не упускали случая ограничить безусловное ихъ примѣненіе. Такъ произошли правила дигестовъ, что нѣтъ истиннаго суда, если приговоръ произносится безъ допущенія защиты, или безъ повѣреннаго за отсутствующаго подсудимаго; если оправданіе переходитъ во встрѣчное обвиненіе, упуская точныя доказательства собственной невинности, и мн. др.[1]. Безпорядки и внутреннее разложеніе адвокатуры доставляли юристамъ заботы иного рода. Съ гибелью защиты соединялось для нихъ искаженіе правосудія. Безъ талантливыхъ, честныхъ адвокатовъ, представлялась безцѣльною замѣна строгихъ уголовныхъ законовъ болѣе мягкими мѣрами, которыя удалось провести тѣмъ-же юристамъ.

Такимъ образомъ, подъ вліяніемъ различныхъ причинъ, обнаружилась потребность въ регламентаціи, и ее начали императоры съ возстановленія цинціева закона. Августъ безусловно запретилъ брать гонораръ. Неронъ (какъ говоритъ, расходясь съ Светоніемъ, Тацитъ) подтвердилъ такое запрещеніе. При

---

[1] Cp. Digest. lib. 1. De requirendis reis.—Ibidem. 48, tit. I. 13, 5. Non relatione criminum, sed innocentia reus purgetur etc.

Клавдіѣ, доносчикъ Суилій нарушилъ законъ, взявши громадную плату съ обѣихъ сторонъ, что привело кліента къ самоубійству. Дѣло это взволновало Римъ, не исключая сенаторовъ. Между ними нашлись энергическіе порицатели продажности адвокатовъ; въ рѣчахъ, на сенатскомъ судѣ, затронуты были опасные примѣры республиканской доблести. У Тацита очень живо разсказанъ любопытный процессъ этотъ и приведена рѣчь Суилія, который защищалъ себя въ присутствіи Клавдія. Суилій развивалъ положеніе, что «адвокатура не могла остаться безмездною, какъ только обратилась въ свободную профессію». Вопросъ о двойномъ гонорарѣ, съ обѣихъ сторонъ, ловко прикрытъ экономическими разсужденіями и ссылками на богатство адвокатовъ въ республиканскомъ періодѣ. Замѣчательно, что Тацитъ умалчиваетъ о дисциплинарномъ взысканіи съ виновнаго. Приводится одно постановленіе Клавдія, по которому отмѣнено безусловное запрещеніе Цинція. Признана законною плата не выше 10 тысячъ сестерцій (около 500 руб. сер., или 450 талеровъ) за одно дѣло, подъ угрозою наказанія, на-равнѣ со взяточниками, при отступленіи отъ законной таксы[1].

Однако-же мѣра Клавдія не остановила злоупотребленій. Характеры, описанные Плиніемъ и Тацитомъ, не подчинялись правиламъ объ умѣренности. Обходъ закона оказался нетруденъ. Плату въ десять тысячъ сестерцій стали брать за каждое отдѣльное дѣйствіе въ процессѣ. При такомъ аналитическомъ способѣ, могла получаться тройная, четверная и даже высшая сумма. Вѣроятно, подобная причина подготовила сенатское постановленіе при Траянѣ; вызвано же было это предписаніе, подтвердившее законъ клавдіевъ, новымъ скандаломъ. Адвокатъ Номинатъ взялъ впередъ весь гонораръ (10 тысячъ сестерцій), но не явился защищать своихъ кліентовъ (обывателей

[1] Ann. XI. 6, 7. Capiendis pecuniis posuit modum usque ad dena (millia) sestertia, quem egressi repetundarum tenerentur.

Виченцы)[1]. При разборѣ дѣла на судѣ оказалось, что защитникъ измѣнилъ своему долгу изъ страха предъ могущественнымъ противникомъ[2].

Черта эта любопытна. Въ ней читается знаменіе времени. Развращенные адвокаты берутся за дѣла изъ нечистаго желанія захватить задатокъ. Но рабское чувство предъ вліятельными людьми гонитъ ихъ отъ состязанія. При этомъ, невольно обращеніе къ прежнему порядку, когда адвокаты, взявши деньги, не боялись по-крайней-мѣрѣ говорить противъ преторовъ, консуловъ и тріумвировъ. Снова историческій разсказъ Плинія сходится съ адвокатскими типами сатириковъ. «У меня тяжба съ Бальбомъ» — говоритъ устами Марціала кліентъ, въ безуспѣшныхъ попыткахъ найдти себѣ защитника, — «но ты не желаешь оскорбить моего противника. Сосѣдъ нарушилъ неприкосновенность моего владѣнія; но ты страшишься идти противъ цезарскаго отпущенника. Раба моего незаконно удерживаетъ и скрываетъ Каронія. Но ты отвѣчаешь: она — вдова, богата, стара, бездѣтна. Нѣтъ, думаю я, трудно дѣлать дѣло подневольному: не рабъ, а свободный человѣкъ долженъ быть моимъ защитникомъ!». —

Прослѣдимъ теперь до VI столѣтія судьбу законодательства объ адвокатскомъ гонорарѣ. Такса императоровъ Клавдія и Траяна (10,000 сестерцій = 100 солидовъ = 500 р. с.) подтверждена Александромъ Северомъ[3]. Ни въ одномъ постановленіи нѣтъ болѣе-яснаго указанія на положеніе тогдашней адвокатуры, какъ регламентированной профессіи. Рескриптъ императорскій причисляетъ ее къ «свободнымъ занятіямъ» (§ 9),

---

[1] *Plinii Sec.* Epist. V. 4.

[2] Плиній называетъ этого страшнаго соперника: Vir praetorius Solers.

[3] Dig. l. 50. 13. Licita autem quantitas intelligitur pro singulis causis usque ad centum aureos etc.

на-равнѣ съ искусствомъ медиковъ, риторовъ и грамматиковъ. Адвокатамъ дано право иска, но запрещены условія о процентахъ съ цѣнности выигранной тяжбы (societatem futuri emolumenti). Запрещеніе повторяется относительно добавочной платы къ гонорару въ видѣ преміи за выигранное дѣло (palmarium), если вся сумма, въ сложности съ гонораромъ, превышаетъ законную таксу, а также, когда условіе о преміи заключено до окончанія тяжбы (suspensa lite)[1]. Наслѣдники адвоката, умершаго до окончанія тяжбы, не обязаны возвращать гонораръ кліенту (§ 13). Статья эта имѣетъ значеніе привилегіи. Но главный интересъ ея въ томъ, что указывается правило: брать гонораръ до окончанія дѣла[2]. При отсутствіи опредѣленнаго условія, споръ разбирается единоличною властью намѣстника провинціи. (Потому-то вопросъ о гонорарѣ въ дигестахъ помѣщается подъ рубрикою «о чрезвычайномъ порядкѣ судопроизводства»). Въ такомъ случаѣ, размѣръ гонорара опредѣляется судьею — по важности дѣла, по способностямъ и труду защитника, но не выходя изъ законной таксы.

Отсюда слѣдуетъ, что, въ началѣ III-го столѣтія, императорскіе чиновники получили власть уменьшать, по своему усмотрѣнію, адвокатскую плату. Не видно у адвоката права апеллировать на рѣшеніе намѣстника. Но любопытно, что законодательство предписываетъ судьѣ руководствоваться, между прочимъ, «обычаями адвокатовъ» (consuetudine fori). Съ одной стороны, такое повелѣніе есть вѣрный признакъ, что въ об-

---

[1] Ср. по спорному вопросу о такъ-наз. «Quota litis parte» солидное изслѣдованіе *Іордана* въ Archiv für die civil. Praxis. 12. Также *Martin*, Theorie des Processes, § 74.

[2] Ср. Dig. XIX. 2. *Pauli* Lib. Sing. Regul. Здѣсь установлено весьма выгодное для адвокатовъ правило о разсчетахъ съ кліентомъ: Qui operas suas locavit, totius temporis mercedem accipere debet, si per eum non stetit etc.

ществѣ опредѣленнѣе обозначилось отдѣльное сословіе. Съ другой стороны, законъ обнаруживаетъ волю императора признать, въ извѣстной степени, автономическія правила адвокатовъ о гонорарѣ. Дѣйствительно, исторія считаетъ время Александра Севера лучшимъ періодомъ въ судьбахъ адвокатуры послѣ Августа. И въ настоящемъ случаѣ, законодательство вѣрно отразило дѣйствительность. Послѣдняя черта еще ярче выставляется въ предпочтеніи теоретическихъ занятій правомъ предъ адвокатурой[1]. Нельзя было иначе глядѣть на дѣло, когда теорія имѣла своимъ представителемъ Ульпіана, а практика переполнялась людьми, которые продолжали повторять, въ меньшихъ размѣрахъ, адвокатскія преступленія Суилія и Номината[2].

Законодательство III-го столѣтія съ такою полнотою исчерпало вопросъ о гонорарѣ, что послѣдующія мѣры только подтверждали, точнѣе выражали, а въ немногихъ случаяхъ видоизмѣняли постановленія Северовъ. Такимъ характеромъ отличаются указы императоровъ Константина, Констанція, Валентиніана, Валента, Өеодосія II-го, Аркадія и Гонорія.—Въ 315-мъ году находимъ мы приказаніе: немедленно судить и подвергать наказаніямъ коронныхъ адвокатовъ за незаконные ихъ поборы. Рескриптъ 326 года специфически опредѣляетъ карательную мѣру за нарушеніе таксы. (Исключеніе изъ адвокатскаго списка — другой признакъ зачатковъ коллегіальнаго устройства и дисциплины). Указъ 344-го года изображаетъ, въ энергическихъ выраженіяхъ, ненасытную жадность «схоластиковъ» (такъ

---

[1] Устраняя профессоровъ правовѣдѣнія отъ подсудности намѣстниковъ, законъ говоритъ: «Est quidem res sanctissima civilis sapientia... quae pretio nummario non sit aestimanda nec dehonestanda» etc.

[2] Подъ 214 годомъ встрѣчаются въ кодексѣ подтвержденія о наказаніяхъ адвокатамъ за предательство кліентовъ. Ср. De advoc. divers. judiciorum: «Si patronum causae praevaricatorem putas» etc.

называли тогда адвокатовъ, единственныхъ представителей правовѣдѣнія послѣ паденія науки) и снова опредѣляетъ карательныя мѣры[1]. Но уставъ 368-го года, данный для адвокатовъ города Рима, любопытнѣе всѣхъ исчисленныхъ законовъ. Валентиніанъ безусловно запрещаетъ какія бы то ни было соглашенія съ кліентомъ о платѣ. Это — поворотъ къ законамъ Цинція и Августа, которые однако-же смягчаются разрѣшеніемъ «безпрекословно брать такую плату, какую заблагоразсудятъ давать кліенты». Оба положенія отступаютъ отъ законодательства Александра Севера.

Еще значительнѣе рознь въ слѣдующемъ: титулованнымъ и почетнымъ лицамъ (honorati), которыя примутъ на себя обязанность защитниковъ, безусловно запрещено возмездіе. Здѣсь императорскій указъ примѣняетъ, безъ всякой уступки, основное начало цинціева закона. Трудно объяснить оригинальную попытку самовластнаго императора воскресить аристократическій патронатъ свободнаго Рима. Духъ времени, нравы общества, положеніе адвокатуры, государственное устройство: все это мало отвѣчало историческому романтизму Валентиніана. Адвокатура, подчиненная чиновникамъ, не ладила съ преданіями о патриціяхъ. Лучше всего доказываетъ это статья устава (6), по которой приказано добровольнымъ и титулованнымъ адвокатамъ стоять во время защиты[2]. Такимъ образомъ, съ одной стороны, приравнивали ихъ къ обыкновеннымъ защитникамъ; съ другой стороны, лишали гонорара, т. е. — единственной выгоды, которую могла доставить профессія, при упадкѣ политическаго и общественнаго значенія адвокатуры. Подобное сочетаніе не могло замѣнить болѣе разумныхъ мѣръ III-го и начала IV-го столѣ-

---

[1] Cp. Cod. Theodos. Ed. *Gothofr.* lib. VIII. 10. De concussionibus advocatorum. Cp. тамъ-же, lib. II. 10. De postul. Commentar. *Gothofredi.*

[2] «Ne denique sedendi eo tempore jus honorati illi habeant».

тій, когда правительство, опираясь на обычаи форума, старалось согласить, посредствомъ законныхъ обезпеченій, взаимные интересы адвокатовъ и кліентовъ[1].

Такса императора Клавдія, отмѣненная на-время Діоклетіаномъ, который предписалъ плату въ 250 денаріевъ, осталась нормальною для гонорара по дигестамъ. Вотъ почему можно считать заслугою Юстиніана, что въ сводъ его внесена система III-го столѣтія, дополненная постановленіями Аркадія, Гонорія и Θеодосія (422 и 449) о привилегіи (pecul. quasi castrensis) для имуществъ, пріобрѣтаемыхъ трудомъ адвокатовъ. Исполненіе этихъ законовъ обезпечено карательными мѣрами, которыя также вошли въ кодексъ и въ дигесты[2]. Вмѣстѣ съ послѣдними, распространились постановленія объ адвокатскомъ гонорарѣ въ западной Европѣ, гдѣ оказали извѣстное вліяніе на соотвѣтственныя учрежденія у германо-романскихъ народовъ.

Римское законодательство не вдругъ оставило тотъ взглядъ, что адвокаты — частные люди, которые по собственной волѣ служатъ своимъ согражданамъ, отстаивая интересы ихъ на судѣ. Въ III-мъ столѣтіи, адвокатура, какъ видно это изъ постановленій о гонорарѣ, не считалась еще службой (militia togatorum), а была добровольною профессіей. Но, обративши серьезное вниманіе на гонораръ, законодательство не могло

---

[1] Ср. *Grellet-Dumazeau*, p. III. Nota 2, гдѣ приведено мнѣніе Сенеки о гонорарѣ вообще: «Emis a medico rem inestimabilem, vitam ac valetudinem bonam; a bonarum artium praeceptore studia liberalia et animi cultum. Itaque his non rei pretium sed operae solvitur, quod deserviunt... Avocati nobis vacant: mercedem non meriti, sed occupationis suae ferunt» etc.

[2] Digest. l. 48. 19. De poenis. — L. 13. § 9 Codic. De judiciis (3, 1). — lib. II. tit. 14. § 53. De pactis (Digest.) говоритъ объ отсрочкахъ, которыя можетъ давать адвокатъ своему кліенту. Ср. вліяніе этого правила на германскую адвокатуру.

обойдти другіе, не менѣе существенные пункты. Между ними едва-ли не первое мѣсто принадлежало вопросу: кто имѣетъ право быть адвокатомъ? Выше указанъ первый, нерѣшительный отвѣтъ на вопросъ этотъ въ республиканскомъ періодѣ. Приведены слова Плинія о томъ, какъ безпорядочна была адвокатура первыхъ временъ имперіи. При Неронѣ, толпу голодныхъ и бездарныхъ практиковъ выгоняли изъ форума собаками, нарочно пріученными къ подобной травлѣ, какъ говоритъ объ этомъ самъ учитель императора [1]. При Антонинахъ и Александрѣ Северѣ, правовѣды приняли иныя мѣры. Согласно ихъ политикѣ, адвокатура, не обращаясь въ чиновную монополію, должна была сосредоточиться въ болѣе ограниченномъ кружкѣ достойныхъ и способныхъ лицъ. Правительство не желало давать патенты; но опредѣлило общія условія, при которыхъ каждый гражданинъ могъ быть защитникомъ. Вотъ почему, не касаясь вопросовъ объ испытаніяхъ и присягѣ, не установляя законнаго числа адвокатовъ, законодательная власть начертала систему правилъ о ходатайствѣ. Искусная рука Ульпіана привела къ немногочисленнымъ и яснымъ положеніямъ частные случаи, которые долго не поддавались точному опредѣленію. Установлены безусловныя и относительныя запрещенія [2]. Основаніемъ для тѣхъ и другихъ приняты: несовершеннолѣтіе, женскій полъ, физическіе недостатки, порочная жизнь и потеря гражданской чести. Съ адвокатствомъ не совмѣстимы унизительныя занятія (гаерство, возмездное гладіаторство) [3].

Гораздо позже объявлены препятствіемъ иновѣріе и ерети-

---

[1] *Gr.-Dumazeau*, p. 65, гдѣ сдѣлана ссылка на Сенеку.

[2] Digest. l. III. De postulando, tit. 1. Ulp. lib. l ad edictum. Quosdam in toto prohibuit; quibusdam pro se, quibusdam et pro se et pro certis personis permisit etc.

[3] Qui operas suas, ut cum bestiis depugnaret, in arena locaverit etc.

чество. Но въ законодательствѣ II-го и III-го столѣтій начинаетъ опредѣляться мысль, что слѣдуетъ избѣгать соединенія вліятельныхъ должностей съ адвокатскою обязанностію. Въ концѣ I-го столѣтія консулы и другіе сановники адвокатствуютъ на судахъ имперіи. Только Плиній младшій (I. 23. IV, 17) сильно высказывается противъ вредныхъ послѣдствій такого порядка. Однако-же мнѣніе его — чисто личное и не находитъ себѣ опоры ни въ обычаѣ, ни въ формальномъ законѣ. Лишь въ отрывкахъ изъ Ульпіана читаются слѣдующія правила: претору должно устранять себя отъ дѣлъ, по которымъ былъ онъ адвокатомъ; разборъ ихъ нужно передавать другому сановнику; но, по окончаніи служебнаго срока, не возбраняется защищать предъ преемникомъ тѣ самыя дѣла, для которыхъ бывшій преторъ выдавалъ формулу[1]. Отсюда начинается рядъ постановленій, гдѣ развиваютъ и примѣняютъ къ частнымъ случаямъ начало несовмѣстимости адвокатуры съ посторонними занятіями[2]. Въ 394 году, Аркадій и Гонорій запрещаютъ «сословію адвокатовъ» (corpus togatorum) административныя должности въ провинціяхъ, но подтверждается «разрѣшеніе» императоровъ Граціана, Валентиніана и Валента относительно куріальной службы въ муниципіяхъ. Кодексъ Өеодосія принялъ одну изъ статей устава, даннаго въ VI-мъ столѣтіи адвокатамъ Рима, и подтвердилъ, въ формѣ рѣшительнаго и общаго запрещенія, ученое мнѣніе Ульпіана объ адвокатствѣ преторовъ[3]. Нельзя было исполнять обязанности и судьи и адвоката по одному дѣлу. Но комментарій Готофреда приходитъ къ совершенно вѣрному заключенію, что въ другихъ дѣлахъ судья могъ

---

[1] Dig. De jurisdictione fragm. 17. De postulando fr. 6.

[2] Сравн. весь отдѣлъ юстиніанова кодекса: De advocatis diversorum judiciorum; De advocatis divers. judicum.

[3] Cod. Theodos lib. II. tit. X. Judicem et advocatum in eodem negotio neminem esse posse etc.

быть защитникомъ, и на-оборотъ[1]. Въ послѣднемъ случаѣ, когда адвокатъ отвлекался отъ своихъ прямыхъ обязанностей, сдѣланы такія ограниченія: соединеніе адвокатуры съ судебнымъ разборомъ дѣлъ дозволяется лишь въ томъ судѣ, гдѣ защитникъ ведетъ свою практику; всякія другія занятія и должности воспрещаются. То и другое закрѣплено штрафомъ въ 50 фунтовъ золота.

Указъ этотъ вышелъ въ 439 году. Изъ него ясно, что законодательство шире прежняго понимало задачу свою относительно адвокатуры. Строгая карательная мѣра охраняетъ выдѣленіе защитниковъ въ особый классъ, который начинаютъ пріурочивать къ опредѣленнымъ судамъ въ имперіи. Адвокаты сложились въ сословіе и коллегіи, предназначенныя къ общественной службѣ по указанію правительства. Такой выводъ подтверждается смысломъ дальнѣйшихъ постановленій, гдѣ, по видимому, допущено уклоненіе отъ начала обособленія. Указъ 442 года разрѣшаетъ адвокатамъ занимать губернаторскія мѣста въ провинціяхъ, но поясняетъ, что адвокатъ, честно выполнившій службу, можетъ возвратиться къ прежнему своему занятію. Какъ привилегія, дается такому почетному лицу право адвокатствовать во всѣхъ судахъ имперіи[2]. Логика событій и перемѣнъ въ государственномъ управленіи, отъ половины IV до половины VI столѣтія, могла только усилить указанныя нами стремленія законодательной политики императоровъ. Вотъ почему, въ сводѣ Юстиніана, опредѣлено безусловное отдѣленіе судейскихъ обязанностей отъ адвокатуры[3]. Разсмотрѣнныя по-

---

[1] In diversis quippe causis sive separatis penitus negotiis in eodem foro idem judicis modo, modo advocati personam sustinere non prohibetur.

[2] Ut ad illud officium, unde abstractus est, et unde sibi vitae subsidium comparabat, remeandi habeat potestatem etc.

[3] De assessoribus judicis: «Ne dum ad utrumque munus festi-

становленія также имѣютъ историческій интересъ для судьбы этого учрежденія у ново-европейскихъ народовъ.

Пятое столѣтіе особенно богато постановленіями, которыя настойчиво продолжали дѣло регламентаціи. Императоръ Левъ обратилъ вниманіе на происхожденіе и познанія тѣхъ лицъ, которыя готовили себя къ адвокатурѣ. Еще въ 440 году, Ѳеодосій освободилъ защитниковъ съ ихъ потомствомъ отъ «военной службы и другихъ, болѣе низкихъ, занятій», по выраженію законодателя[1]. Указомъ 460 года, вмѣнено губернаторамъ и защитникамъ городовъ (муниципій) въ обязанность: производить точныя разслѣдованія о происхожденіи и занятіяхъ претендентовъ на званіе адвоката. Установленъ спеціальный экзаменъ, и годность «кандидата въ адвокаты» (такъ можно уже выразиться въ настоящемъ мѣстѣ изслѣдованія) удостовѣряется присягою испытателей. Тотъ-же императоръ, но нѣсколькими годами позже, объявилъ православную каѳолическую вѣру необходимымъ условіемъ для адвокатовъ. Въ силу этого распоряженія, закрылся доступъ къ профессіи для язычниковъ, евреевъ и еретиковъ многочисленныхъ сектъ, волновавшихъ въ ту пору христіанскую церковь.

Принятіе въ адвокатское «сословіе», какъ выражаются законодатели съ конца IV вѣка, стало зависѣть въ провинціяхъ отъ правителей или губернаторовъ (praesides), а въ столицахъ отъ городскихъ и другихъ префектовъ. Подобное полномочіе предсѣдателей судебныхъ инстанцій совершенно логично выте-

---

nant, neutrum rite peragant», говоритъ законодатель. Ср. *Rey*, Des institutions judic. d'Angl. compar. avec celle de la France etc. Замѣчанія (p. 173. Nota 2) о неудобствѣ и злоупотребленіяхъ отъ соединенія различныхъ обязанностей на судахъ въ Испаніи, королевствѣ Сардинскомъ и въ Англіи. (182).

[1] ...A cohortis vel alterius vilioris conditionis nexibus cum liberis quandocumque genitis.

каетъ изъ перемѣнъ въ судоустройствѣ и процессѣ, на которыя указано выше. Со временъ Діоклетіана и Константина, нельзя было передать въ иныя руки дисциплину надъ адвокатами. Производство слѣдствія, обвиненіе, судъ и выполненіе приговора перешли къ «ректорамъ» многочисленныхъ провинцій въ четырехъ префектурахъ. Отсюда понятно, почему мнѣніе Ульпіана объ отношеніяхъ проконсула къ адвокатамъ сдѣлалось кореннымъ правиломъ въ императорскомъ законодательствѣ [1]. Всесильные администраторы стали могущественно влiять на адвокатуру. Губернаторская власть опредѣляла всю судьбу защитниковъ, отъ первыхъ до послѣднихъ минутъ ихъ дѣятельности. Ректоръ производилъ дознаніе, о которомъ сказано выше. Ректоръ наблюдалъ за строгостью экзамена. Другими словами, отъ ректора зависѣло: принять или непринять извѣстное лицо въ составъ адвокатовъ.

Вотъ почему не обошли губернаторскихъ рукъ юрисдикція и дисциплинарная власть надъ тѣми адвокатами, которые допущены къ профессіи. Ректоры, проконсулы, викаріи, августальные и преторіанскіе префекты единолично разбирали и рѣшали дѣла о преступленіяхъ и проступкахъ адвокатовъ, приговаривая къ штрафамъ, временному и даже всегдашнему запрещенію практики, съ исключеніемъ изъ списковъ [2]. По отрывкамъ изъ Папиніана видно, что не всякое запрещеніе имѣло силу за пре-

---

[1] Здѣсь разумѣются слова Ульпіана: «Eosque solos pati postulare, quibus per edictum ejus postulare permisit». Ср. также указъ имер. Зенона, 486 г., въ отдѣл. De adv. div. judicior.: «Electione magnificae tuae sedis» etc.

[2] «Nullus multae dictionem habeat in eos advocatos praeter ipsum Praefectum praetorii». Или: «Moris est advocationibus praesides interdicere, et nonnunquam in perpetuum interdicunt, nonnunquam ad tempus vel annis metiuntur».

дѣлами провинціи. Лишь адвокатъ, наказанный за «безчестный» поступокъ, устранялся отъ судебной практики въ цѣлой имперіи. Для тѣхъ, кто осуждался на пять лѣтъ, право защищать кліентовъ возстановлялось по истеченіи этого срока. Еще со временъ императора Гадріана, который понималъ вредъ отъ юліевыхъ законовъ, допущено правило, что адвокатъ, возвращенный изъ ссылки, долженъ быть немедленно возстановляемъ во всѣхъ правахъ своихъ. Важнѣйшими нарушеніями адвокатскихъ обязанностей издавна считалось: несоблюденіе закона о гонорарѣ, а также измѣна кліентамъ[1]. За послѣднее преступленіе, еще преторскій эдиктъ назначилъ чрезвычайный судъ надъ виновнымъ. Мнѣніе юристовъ (*Macer*, L. 2. Publ. judic.), принятое Юстиніаномъ въ пандекты, соединило съ этимъ преступленіемъ потерю гражданской чести. Отсюда ясно, какія послѣдствія имѣетъ, въ подобномъ случаѣ, осудительный приговоръ надъ адвокатомъ.

Но вообще, императорское законодательство содержитъ немного прямыхъ опредѣленій по вопросу о противузаконныхъ и безнравственныхъ дѣйствіяхъ защитниковъ. Систему адвокатскихъ преступленій и проступковъ въ своцѣ приходится пополнять съ помощью косвенныхъ заключеній. Зная, въ чемъ состоятъ обязанности защитника по отношенію къ суду, кліентамъ и противникамъ, можно сдѣлать выводъ о свойствѣ нѣкоторыхъ нарушеній. По указаніямъ Плинія (II, XI; III, IX; X, XX), оффиціальная защита сдѣлалась общеупотребительной еще въ первомъ вѣкѣ имперіи. Иногда личное назначеніе по выбору судьи замѣнялось жребіемъ. Во II-мъ и III-мъ столѣтіяхъ, установленіе это поддерживаютъ авторитетомъ своихъ мнѣній ученые правовѣды. Въ комментаріяхъ на эдиктъ и въ раз-

---

[1] Digest. 47. T. 15. fr. 1. § 1. Praevaricator est quasi Baricator, qui diversam partem adjuvat, prodita causa sua etc.

сужденіяхъ объ обязанностяхъ проконсуловъ или префектовъ, высказываются Ульпіаномъ человѣколюбивыя и философскія мысли. Предписывается предсѣдателямъ высшихъ областныхъ судовъ строго соблюдать полное равенство между тяжущимися и подсудимыми [1]. Знатность, богатство и подкупъ вліятельныхъ сторонъ не должны нарушать очереди и ослаблять средствъ къ защитѣ по дѣламъ бѣдныхъ людей, которые или вовсе не находятъ, или находятъ, но плохихъ, адвокатовъ. Потому слѣдуетъ назначать защитниковъ и для тѣхъ, кто, нуждаясь въ адвокатѣ, не проситъ объ немъ проконсула. «Нельзя допустить, говорятъ юристы, чтобы кто-либо страдалъ отъ могущества неравныхъ противниковъ. Борьба съ подобнымъ зломъ составляетъ священную обязанность» [2].

Сильные и возвышенные мотивы этихъ мнѣній даютъ основаніе предполагать, что раньше IV, V и VI столѣтій была опредѣлена мѣра дисциплинарнаго взысканія съ адвоката, который незаконно уклонялся отъ защиты по назначенію. Во всякомъ случаѣ, указы IV столѣтія не провозгласили новаго начала, предписавши наблюдать за равномѣрнымъ распредѣленіемъ адвокатовъ между тяжущимися и подсудимыми. Въ опасеніи позднѣйшихъ законодателей, что богатый гонораръ притянетъ къ себѣ болѣе сильное дарованіе, повторяется человѣчная и вмѣстѣ практическая мысль Ульпіана. Наказаніе защитника (запрещеніемъ практики, съ исключеніемъ изъ списковъ) за неосновательный отказъ съ точностью опредѣлено въ постановленіяхъ Валентиніана и Валента, откуда перешло въ сводъ Юстиніана. Адвокатамъ предоставлена апелляція на приговоръ предсѣдателя [3].

---

[1] Digest. l. 1. XVI. De offic. procons. et legati. § 9.
[2] Dig. U. S. De off. praesidis. 6.—Cp. De postulando, frag. 1. § 4.
[3] Cod. Just. De postul. Cc. 1, 7.

Изъ устава для римскихъ адвокатовъ при Валентиніанѣ и Валентѣ, оказывается несомнѣннымъ, что въ IV столѣтіи наказывали адвокатовъ за злыя рѣчи и оскорбительныя выходки на судѣ[1]. Неудивительно, если то-же предписаніе находится въ кодексѣ Юстиніана. Соображенія, которыя представлены по вопросу о наказаніи за отказъ отъ оффиціальнаго назначенія, могутъ быть приложены къ спекуляціямъ покупкою исковыхъ и тяжебныхъ претензій. Еще въ III столѣтіи, дѣйствія эти признаны противными обязанностямъ адвоката и достоинству профессіи[2]. Къ IV столѣтію и къ тому-же памятнику законодательства, гдѣ злорѣчіе вмѣняется въ проступокъ адвокату, относится первое, извѣстное намъ, запрещеніе злоумышленныхъ и корыстныхъ проволочекъ тяжбы[3].

Приведенныя постановленія исчерпываютъ весь отдѣлъ уголовныхъ и дисциплинарныхъ опредѣленій законодательства объ адвокатахъ. За предѣлами, которые попытались мы установить въ настоящемъ мѣстѣ изслѣдованія, начинается сфера общихъ преступленій. Но тамъ виновные караются съ иными цѣлями и по другимъ основаніямъ, не имѣющимъ отношенія къ профессіи.

Остается — нѣсколько замѣчаній объ отвѣтственности адвокатовъ передъ кліентами за ошибки и другія упущенія во время защиты. И въ этомъ вопросѣ, исходнымъ пунктомъ законодательнаго движенія окажутся послѣдніе годы процвѣтанія правовѣдѣнія. Императоръ Александръ Северъ (228 года) провозгласилъ начало, которое должно было съ незапамятныхъ временъ существовать въ судебной практикѣ. Рѣчь адвоката, произнесенная въ присутствіи сторонъ (или повѣренныхъ), равно-

---

[1] Ne in conviciandi licentiam prorumpant. Cp. Cod. Theodos. l. II. T. X. De postul. Также Cod. Justin. De postulando, c. 6. § 1.

[2] Ne adeo dissimulare, si quos causarum concinnatores vel redemptores deprehendat etc. (Dig. De off. procons. fragm. 9).

[3] Ne ex industria jurgium protrahant.

сильна собственнымъ словамъ тяжущагося. Отсюда, въ 239 г., императоръ Гадріанъ вывелъ заключеніе, что «ошибка адвоката не должна вредить судебной истинѣ»[1]. Въ концѣ того-же столѣтія, Діоклетіанъ и Максимиліанъ подтвердили неточно выраженное правило. Въ началѣ IV столѣтія (320), сознаніе такого недостатка привело къ поясненію, что «ошибка не вредитъ, когда оговорена главною стороною»[2]. Съ этимъ существеннымъ дополненіемъ законъ принятъ въ составъ Өеодосіева кодекса, а еще позже закончено важное законоположеніе. Признано такое раздѣленіе труда, что судья исправлялъ юридическую, а стороны (или ихъ повѣренный) охраняли фактическую часть отъ погрѣшностей адвокатовъ[3]. Таковъ исторической ходъ правила, принятаго въ адвокатуру ново-европейскихъ народовъ. Здравомысліе и простота римскаго опредѣленія обезпечили за нимъ общее признаніе. Нельзя было, при словесномъ и гласномъ судѣ, точнѣе разрѣшить вопросъ, значеніе котораго для профессіи угадано еще въ греческой адвокатурѣ.

Въ коренныхъ свойствахъ цѣлаго процесса и защиты лежитъ объясненіе—почему римское законодательство оставило въ сторонѣ вопросы объ адвокатской небрежности и объ умышленномъ нанесеніи вреда кліенту? Адвокатъ былъ ораторомъ за тяжущагося или подсудимаго, но не ему принадлежало веденіе всей тяжбы (dominium litis). Изъ отдаленнаго времени перешло въ императорскіе суды раздѣленіе труда между юристами, принимавшими участіе въ процессѣ[4]. Адвокатъ всегда говорилъ въ присутствіи главной стороны или ея повѣреннаго. Возлѣ за-

---

[1] De errore advocat. T. X. Errores eorum qui desideria, id est preces, scribunt veritati praejudicium afferre non posse, manifestum est.

[2] Si continuo de ipso fuerit reclamatum.

[3] Ut quae desunt advocatis partium judex suppleat.

[4] Напомнимъ здѣсь опредѣленія: Qui defendit alterum in judicio, aut patronus dicitur etc.

щитника находились нерѣдко правовѣды, которые подготовляли юридическую часть дѣла, на-подобіе атторнеевъ въ Англіи или стряпчихъ во Франціи. Иногда окружали адвоката подсказчики, о которыхъ говорено выше; значитъ, кромѣ главнаго интерессента въ дѣлѣ, обычай и законъ поставили цѣлый рядъ лицъ, которыя могли и должны были заглаживать вредныя послѣдствія отъ ошибокъ или небрежности адвокатовъ. Словесный и публичный судъ присяжныхъ въ преторскихъ инстанціяхъ отличался простотою и несложностью дѣлопроизводства. Не было письменныхъ документовъ, многочисленныхъ сроковъ и запутанныхъ тонкостей закрытаго слѣдственнаго процесса, при которомъ особенно возможны вольные и невольные проступки защитниковъ. Оттого законодательство, разрѣшивъ одинъ вопросъ, вытекавшій изъ сущности судопроизводства, не имѣло надобности предусматривать и опредѣлять многочисленные виды небрежности и другихъ упущеній со стороны адвокатовъ. Подтвержденіемъ этому служатъ, въ качествѣ контраста, подробныя постановленія о повѣренныхъ[1]. Въ Римѣ уставъ всегда вызывался потребностями; законодательное правило диктовалось данными юридическими отношеніями, а не на-оборотъ (ex jure regula fiat).

Но съ IV столѣтія, формулярная система (ordo judiciorum) замѣнена была чрезвычайнымъ порядкомъ (extra-ordinaria cognitio). Выше показано, что въ тотъ-же моментъ обнаружился поворотъ къ письменному и закрытому судопроизводству. Система апелляцій усложнила сроки и затруднила техникой прежнюю простоту процесса. Тогда положеніе адвоката на судѣ должно было подвергнуться существеннымъ измѣненіямъ. При упадкѣ правовѣдѣнія, неоткуда было призывать помощниковъ, которые раздѣляли бы трудъ. Значитъ, адвокату, не ограничиваясь судебнымъ ораторствомъ, приходилось брать на себя подгото-

[1] Arg. l. 13. c. Mandati 4. 35. A procuratore dolum et omnem culpam praestandum esse juris auctoritate manifeste declaratur.

вительную работу древняго юрисконсульта. Есть положительныя свѣдѣнія, что, къ концу IV-го вѣка, въ гражданскомъ процессѣ задача адвоката сводилась къ юридическому анализу дѣла и къ словопренію съ противникомъ, безъ защитительной рѣчи (peroratio)[1]. А отсюда было естественно отступленіе на практикѣ отъ прежняго различія между ораторомъ (patronus) и повѣреннымъ (procurator). Неодолимая сила коренныхъ измѣненій въ процессѣ произвела такую форму защиты, которая приближалась къ роли присяжнаго повѣреннаго.

По этимъ соображеніямъ, имѣемъ мы право заключить, что, въ отдѣльныхъ случаяхъ, императорскіе судьи должны были примѣнять къ защитникамъ, по аналогіи, правила объ отвѣтственности повѣренныхъ. Тогда, кромѣ ошибки (исправляемой, въ извѣстный срокъ, судьею или самимъ тяжущимся), адвокатъ могъ отвѣчать за всякій вредъ, происшедшій, по его винѣ, для кліентовъ[2]. Позволительно думать, что мѣры императора Юстиніана клонились къ усиленію отвѣтственности адвокатовъ; стоитъ припомнить формулу присяги, которую должны были давать защитники передъ каждымъ дѣломъ[3]. Они клялись надъ евангеліемъ: «употребляя честныя средства, отстаивать, всею силою своихъ способностей и знаній, законные и справедливые интересы кліентовъ». Торжественное обѣщаніе «не упускать ни одного дозволеннаго средства» равносильно юридическому обязательству, со всѣми вынудительными послѣдствіями этого от-

[1] См. *Bethmann-Hollweg*, l. c. III. Anhang. Извлеченіе изъ Симмаха.

[2] Nec videtur iniquum, si infirmitas culpae adnumeretur, cum affectare quisque (id) non debeat, in quo vel intelligit vel intelligere debet, infirmitatem suam alii periculosam futuram.

[3] Cod. J. De judiciis. L. 14. § 1. (3, 1.). Patroni causarum... juramentum praestant quod omni quidem virtute suaque omni ope quod verum et justum existimaverint clientibus suis inferre procurabunt: nihil studii relinquentes quod sibi possibile est etc.

ношенія. Во всякомъ случаѣ, можно допустить, что въ византійскомъ періодѣ римское законодательство благопріятствовало возможно большему расширенію гражданскаго взысканія за погрѣшности адвокатовъ (по правиламъ: dolus, culpa и даже culpa levis). Упущеніе со стороны защитника, который связанъ крѣпкою гарантіей присяги, не могло быть приравнено къ простой словесной ошибкѣ адвоката предъ республиканскимъ преторомъ.

Постановленіе Юстиніана объ адвокатской присягѣ имѣетъ еще другой интересъ въ исторіи учрежденія. Формула клятвы, которую давалъ защитникъ, показываетъ, какъ рѣшенъ былъ коренной вопросъ: какую практику считать честною и дозволенною для адвоката? Вмѣняя въ обязанность отказываться отъ «дурныхъ дѣлъ», послѣ принятія и даже послѣ начатія защиты (certamine precedente), императорскій законъ сталъ на уровень самыхъ строгихъ моралистовъ [1]. Съ одной стороны, Юстиніанъ подходитъ къ немногимъ языческимъ писателямъ, которые высказывали убѣжденіе, что «нельзя защищать дурное дѣло». Съ другой стороны, императоръ начинаетъ собою рядъ христіанскихъ мыслителей, которые идутъ длинною вереницею до казуистовъ, богослововъ и многихъ писателей новѣйшаго времени. Повелѣніе императора такъ-же безусловно, какъ силлогистическое изреченіе объ адвокатской практикѣ въ книгѣ средне-вѣковаго доктора Ѳомы Аквината. Коль-скоро дѣло оказывается лживымъ, безчестнымъ и безнадежнымъ (penitus desperata), адвокатъ долженъ оставлять его ipso jure, не отвѣчая ни въ какихъ убыткахъ предъ кліентомъ. Нѣтъ права у другихъ защитниковъ браться за процессъ, отмѣченный основательнымъ отказомъ перваго адвоката [2].

---

[1] Cod. U. S. Non autem, credita sibi causa, cognito quod improba sit... patrocinabuntur; sed et si certamine praecedente aliquid tale sibi cognitum fuert, a causa recedent etc.

[2] Ne melioribus contemptis, improba advocatio subrogetur.

И такъ, законодательство VI-го столѣтія установило начало, по которому адвокатъ не только имѣетъ право, но обязанъ тщательно взвѣшивать предлагаемое дѣло. Ясно, что въ кодексѣ Юстиніана находится твердая историческая опора для обычаевъ адвокатуры во многихъ государствахъ новаго міра. Опираясь на формулу Юстиніана, легко было вывести такое заключеніе: рабочая комната адвоката есть частный трибуналъ, гдѣ защитѣ предпосылается строгій разборъ дѣла. Въ связи съ установленіемъ защиты по назначенію судей, такое правило даетъ разумное руководство для профессіи, которая должна согласовать собственное достоинство съ интересами кліентовъ. Послѣднюю цѣль несомнѣнно преслѣдуетъ еще одно предписаніе въ кодексѣ Юстиніана. Кто принялъ дѣло по убѣжденію въ его честности и справедливости, тотъ обязанъ довести свою защиту до конца. Въ противномъ случаѣ, одни законныя препятствія снимаютъ отвѣтственность съ адвоката [1].

Кромѣ этихъ законовъ, важныхъ для правилъ адвокатской профессіи, къ VI-му столѣтію принадлежатъ многія другія постановленія. Съ 521-го года, правители провинцій должны были наблюдать за неотлучнымъ пребываніемъ адвокатовъ при извѣстныхъ судахъ [2]; самовольные отъѣзды безъ отпуска влекли за собою потерю всѣхъ адвокатскихъ правъ и преимуществъ. Юстиніанъ дополнилъ и точнѣе выразилъ это правило, опредѣливши, что лишь двухлѣтнее отсутствіе при отпускѣ и пятилѣтнее — безъ отпуска имѣютъ тѣ послѣдствія, которыя установлены императоромъ Юстиномъ [3]. Интересъ этихъ законовъ заключается въ основномъ взглядѣ, что званіе адвоката должно соединять-

[1] Cod. Just. U. S. Necessitate advocatis imponenda... eam (litem) usque ad terminum implere etc.

[2] Cp. Cod. De advoc. div. judicum.

[3] «De matricula penitus aboleatur» etc. безъ права просить когда-либо о новомъ внесеніи въ списокъ.

ся съ дѣйствительнымъ отправленіемъ профессіи. (Съ подобными понятіями и правилами будемъ мы имѣть дѣло въ исторіи ново-европейской адвокатуры).

Строгая мѣра Юстиніана заключается словами[1], откуда видно, что въ ту пору окончательно установился обычай вести перечневый списокъ или таблицу адвокатовъ. Съ половины V столѣтія, встрѣчаются императорскія постановленія объ опредѣленномъ числѣ защитниковъ при различныхъ инстанціяхъ. Префектуры Иллиріи и Востока надѣляются крупною цифрою 150 адвокатовъ[2]. По-видимому, такой многочисленный списокъ оставался нормою для высшихъ судовъ въ провинціяхъ и въ самыхъ столицахъ. По-крайней-мѣрѣ, къ концу V столѣтія, императоръ Зенонъ подтвердилъ приведенный нами законъ Ѳеодосія объ адвокатскомъ штатѣ для Иллиріи. Но можно сдѣлать слѣдующее замѣчаніе: адвокаты многочисленнѣе въ высшихъ, чѣмъ въ низшихъ инстанціяхъ; — сословіе защитниковъ многолюднѣе въ восточныхъ, чѣмъ въ западныхъ провинціяхъ. Причины такого различія находятся подъ-рукою. Изъ нихъ одна свойственна всѣмъ вѣкамъ и народамъ: это — притягательная сила большихъ центровъ, гдѣ сосредоточился весь блескъ цивилизаціи. Немногіе провинціальные города могли спорить съ Римомъ, подобно Бериту, славою юридическихъ школъ своихъ. Другія причины были чисто временныя и мѣстныя. Въ столицы и въ резиденціи префектовъ апелляціонный порядокъ привлекалъ всѣ важнѣйшія дѣла, отчего происходило увеличеніе и безъ того богатой практики. Есть основаніе заключать, что императоры начали раздачу адвокатскихъ привилегій съ префекторіальныхъ и другихъ высшихъ судовъ. Въ предыдущемъ изложеніи не разъ было замѣчено объ особыхъ

---

[1] De «matricula» penitus aboleatur etc.

[2] Cod. Justin. De advoc. diversor. judicior. Anno 439.

уставахъ для сословія защитниковъ въ Римѣ, гдѣ Валентиніанъ желалъ возстановить слабое подобіе безвозмезднаго патроната. Неудачная мѣра IV столѣтія во всякомъ случаѣ показываетъ, что, въ метрополіи, почетныя лица добровольно принимали на себя защиту подсудимыхъ. Изъ совокупности этихъ признаковъ слѣдуетъ выводъ, что столичная адвокатура находилась въ наиболѣе выгодномъ положеніи. Соперничество было слишкомъ неравно для городовъ второстепенныхъ и провинціальныхъ. При подобныхъ условіяхъ понятенъ тотъ приливъ адвокатовъ къ немногимъ главнымъ пунктамъ, о которомъ свидѣтельствуютъ самые памятники законодательства [1].

Зло отъ неравнаго соперничества провинціальныхъ адвокатовъ съ первопрестольными усилилось подъ вліяніемъ политическихъ событій. Борьба варваровъ съ Римомъ началась на окраинахъ имперіи. Особенно страдали западныя и югозападныя провинціи, гдѣ, какъ извѣстно, хозяйничалъ вандалъ Гензерихъ. Все это достаточно объясняетъ, почему матрикулы или списки, изъ 30, 40, даже 50 адвокатовъ на востокѣ, умаляются до бѣдной цифры 16, а иногда 4-хъ защитниковъ на западѣ. Послѣ погрома отъ германскихъ шаекъ, сами императоры отмѣняли иногда законы объ адвокатскихъ привилегіяхъ, допуская вольную защиту во всѣхъ судахъ, кромѣ высшихъ инстанцій.

Но не менѣе очевиденъ такой фактъ: при отсутствіи чрезвычайныхъ смутъ, которыя нарушали обычный ходъ дѣлъ, адвокатскій списокъ находился въ полномъ распоряженіи префектовъ, викаріевъ и другихъ сановниковъ, надѣленныхъ юрисдикціею. Какова бы ни была численность адвокатовъ — 150 или

[1] Cod. Theodos. De pecul. quasi castrense. Comm. *Gothofr.* «In diversis provinciis vacuas curias derelinquunt qui certatim ad privilegia, causidicis illustris praetorianae sedis atque urbanae delata festinant».

4 человѣка — въ таблицу вносились лишь тѣ имена, которыя одобрены начальствомъ. Существенная черта эта представляетъ собою полнѣйшее противорѣчіе вѣковымъ правиламъ наиболѣе замѣчательной адвокатуры въ западной Европѣ[1].

Въ 460 году, у императора Льва съ особенною ясностью обнаружилось стремленіе: сдѣлать адвокатовъ классомъ служилыхъ людей, устранивши всякій противовѣсъ съ ихъ стороны для дисциплинарной власти судей и правителей. Къ этой цѣли приспособлено довольно стройное распредѣленіе «сословія» въ отдѣльныхъ обществахъ, или коллегіяхъ, при каждомъ судѣ. Появились разряды адвокатовъ штатныхъ (statuti) и сверхштатныхъ (supernumerarii). Между первыми соблюдалось старшинство по первенству внесенія въ списокъ. Одни штатные имѣли право на защиту дѣлъ передъ префектомъ. По-видимому, господствовало правило о пожизненномъ пребываніи штатнаго адвоката въ спискѣ. Изъ штатныхъ адвокатовъ ставились «коронные защитники» (advocati fisci), права и обязанности которыхъ опредѣлены еще Ульпіаномъ[2]. Первый между штатными назывался, съ V столѣтія, старшиною (примасомъ), или деканомъ. Сверхштатные (изъ молодыхъ адвокатовъ, удовлетворившихъ испытанію) пользовались практикою при сановникахъ, которые стояли ниже префекта (отъ викаріевъ до обыкновенныхъ правителей провинцій, rectores)[3]. Но повсюду отдается предпочтеніе штатнымъ предъ сверхштатными. Даже въ послѣднемъ разрядѣ есть отличія: первенство принадлежитъ сыновьямъ штатныхъ адвокатовъ. Любопытное правило это под-

---

[1] «Адвокаты—хозяева своей таблицы», утверждаютъ самые авторитетные писатели во Франціи. Ср. между прочимъ *Mollot*, Notice sur le tableau des avocats. Paris. 1863.

[2] Dig. 49, 14. Si fiscus alicui status controversiam facit, fisci advocatus adesse debet etc.

[3] Ср. Cod. Just. De advoc. divers. judicior. 460.

тверждено императорами Львомъ и Антеміемъ, въ 469 году. Тогда-же написанъ надутою византійскою латынью панегирикъ адвокатурѣ, о которомъ съ одинаковою любовью говорятъ собиратели законовъ и писатели отъ Петра Дефонтена и Гильома Дюрантія до новѣйшаго времени.

Законодательство, давшее такой полный уставъ преемникамъ вольной адвокатуры Катона и Цицерона, должно было позаботиться о привилегіяхъ. Правительство ясно высказываетъ подобный принципъ и, дѣйствуя послѣдовательно, хочетъ озолотить почетными преимуществами крѣпкій строй адвокатской коллегіи [1]. Объ установленіи одной изъ привилегій (pecul. quasi castrensis, данной въ 422 году) сказано выше, въ связи съ законами о гонорарѣ. Въ 440 году, императоръ Ѳеодосій даетъ почетный титулъ (comes) короннымъ адвокатамъ и подтверждаетъ привилегію (pecul. quasi castrensis). Въ 469 году, императоры Левъ и Антемій возстановляютъ право частной практики для бывшихъ адвокатовъ короны. Указомъ 472 года, почетныя преимущества и жалованье послѣднихъ предоставляются простымъ адвокатамъ иллирійской префектуры. Дѣти пользуются, въ теченіе года, жалованьемъ умершихъ родителей. Въ 496 году, по прошенію самихъ адвокатовъ азіатскихъ провинцій, раздаются имъ: «за честность и рачительность въ отношеніи кліентовъ», почетные титулы. Жалованье, которое получали, кромѣ коронныхъ защитниковъ, простые адвокаты нѣкоторыхъ провинцій, положено въ значительныхъ размѣрахъ (600 червонцевъ) старшинѣ или декану. Дѣти его временно пользовались полнымъ окладомъ, по началу приравненія дробныхъ частей года къ цѣлому.

---

[1] De adv. divers. judicum: Laudabile vitaeque hominum necessarium advocationis officium principaliter praemiis oportet remunerari etc.

V.

Теперь намъ ясенъ результатъ долгой исторической жизни знаменитаго учрежденія. Отъ закона XII таблицъ до юстиніанова свода, адвокатура прошла рядомъ послѣдовательныхъ измѣненій. Въ первые вѣка по основаніи Рима, не могла возникнуть адвокатская профессія, потому что ее замѣняла собою аристократическая привилегія патроновъ. Развитіе демократіи извлекло судебную защиту изъ рукъ могущественныхъ монополистовъ. Паденіе патроната, водвореніе законности, распространеніе юридическихъ знаній, послѣ изданія таблицъ и формулъ, создали адвокатуру. Въ республиканскомъ государствѣ съ сильною политическою жизнью, съ гласнымъ и словеснымъ судомъ присяжныхъ, учрежденіе это сдѣлалось доступнымъ для талантовъ изъ цѣлаго народа. Простые граждане, «новые люди», обезсмертили римскую трибуну. Именитые члены республиканскаго общества не находили лучшей пробы для дарованій. Въ теченіе многихъ вѣковъ, адвокатура оставалась свободною профессіею — возмездною для большинства, безденежною для меньшинства защитниковъ. Плата первыхъ заключалась въ гонорарѣ. Вознагражденіемъ послѣднихъ служила тога консульская. Предъ концомъ республики, промышленное направленіе преобладало въ рядахъ защитниковъ. Они не дали корпоративнаго устройства независимому своему сословію. На первой минутѣ зарождающагося самоустроенія застигла адвокатуру гибель республики. Вся власть сосредоточилась у цезарей, которые надѣли, въ лицѣ Діоклетіана и Константина, діадему восточныхъ самодержцевъ. Тогда адвокатура обратилась — сначала въ регламентированное занятіе, а за-тѣмъ въ государственную должность. Сословіе защитниковъ стало разрядомъ служилыхъ людей. Судебные ораторы составили, по выраженію императоровъ

Льва и Антемія, «милицію», которая была правительственнымъ орудіемъ для извѣстныхъ цѣлей[1]. Право защищать согражданъ отъ ошибокъ судебной власти, отъ посягательствъ и злоупотребленій, откуда бы ни исходили послѣднія, сдѣлалось опять привилегіей, какъ было до законовъ XII таблицъ. Но мѣсто патриціевъ заняли чиновники, которые состояли на жалованьи и передавали монопольное право свое, какъ источникъ кормленія, ближайшему потомству. Съ извѣстными оговорками, можно примѣнить въ настоящемъ случаѣ замѣчаніе Викò о періодическомъ возвращеніи сходныхъ событій въ исторіи.

Какъ смотрѣть на подобный исходъ для римской адвокатуры? Слѣдуетъ ли хвалить умиротвореніе форума правительственною дисциплиной, или позволительно произнести иное сужденіе? Извѣстно, какія причины вызвали постановленія о гонорарѣ, объ отношеніяхъ къ кліентамъ, о преступленіяхъ и проступкахъ адвокатовъ и проч. Нужно было ввести уставъ и порядокъ въ профессію, нравственное паденіе которой обозначилось съ такою яркостію въ послѣдніе годы республики. Учрежденіе, которое на-всегда осталось необходимою частью въ системѣ правосудія, не могло долѣе опираться на обычай и незапамятное преданіе. Выше было показано, какъ понимали адвокатуру знаменитые юристы II-го и III-го столѣтій. Все, что есть вѣрнаго и возвышеннаго въ постановленіяхъ о судебной защитѣ, примыкаетъ къ періоду Ульпіана, Модестина и др. правовѣдовъ. Но и для этихъ друзей адвокатуры извѣстная дисциплина, какъ разумное и умѣренное осуществленіе идеи порядка, была нужна на пользу самого учрежденія. Можно пожалѣть, что не всѣ императоры смотрѣли на дѣло суда и защиты подобно Траяну, Антонину, Пію и Александру Северу[2]. Если апелляція, допу-

---

[1] Militant namque causarum patroni qui, gloriosae vocis confisi munimine, laborantium spes, vitam et posteros defendunt etc.

[2] Ср. Dig. l. XXVIII; 4; 3,—гдѣ импер. Антонинъ принимаетъ

скаемая юристами съ человѣколюбивою мыслію о наибольшихъ обезпеченіяхъ для подсудимаго, занимала многихъ властителей Рима какъ орудіе централизаціи: то не трудно угадать взглядъ ихъ на устройство адвокатуры. По большей части цезари видѣли здѣсь одно безграничное примѣненіе дисциплинарнаго начала. Въ этомъ вопросѣ, какъ и во многихъ другихъ, имъ казались особенно цѣлесообразными такія мѣры, которыя должны усиливать центральную власть и спасать общество отъ болѣзней своеволія. Отсюда замѣчается двойственность въ законодательствѣ. Есть отдѣльныя мѣры и правила, изъ которыхъ ясна мысль о важномъ значеніи независимой защиты. Есть и такія законоположенія — за ними останется большинство — гдѣ устроеніе адвокатуры обставлено условіями, положительно вредными для свободы и достоинства защиты. Вотъ почему нельзя произносить огульныхъ и безусловныхъ приговоровъ на вопросы, постановленные выше.

До извѣстной степени, для даннаго мѣста и времени, можно признать полезнымъ вліяніе императорскаго законодательства, которое, какъ видно изъ предыдущаго, коснулось всѣхъ существенныхъ сторонъ адвокатуры. Если вспомнить положеніе городскихъ, торговыхъ и промышленныхъ корпорацій въ имперіи, то участь адвокатскихъ обществъ IV, V и VI-го столѣтій представится счастливою. Коллегіальныя связи не тяготѣ-

---

сторону частнаго защитника противъ короннаго адвоката по вопросу: слѣдуетъ ли считать дѣйствительными легаты, если въ завѣщаніи зачеркнуты имена главныхъ наслѣдниковъ? Императоръ не согласился на безусловное примѣненіе начала вымороченности (cum quidam haeredum nomina induxisset, et bona ejus, ut caduca, a fisco vindicarentur). Сравн. также постановленія Траяна (Dig. l. 5. De poenis: absentem in crimininibus damnare non debere) съ предписаніемъ Константина (De requirendis reis, L. 2. C.), о безповоротной конфискаціи, по прошествіи годичнаго срока, всѣхъ имѣній отсутствующаго подсудимаго.

ли надъ защитниками, какъ муниципальныя отношенія по буквѣ жестокихъ постановленій ѳеодосіева кодекса. Въ обществѣ, надѣленномъ привилегіями, адвокатъ находилъ убѣжище отъ воинской и защиту отъ тягостей городской службы; онъ не подвергался систематическому грабежу, какъ обыкновенные куріалы. Сенаторы, консулы и высшіе сановники муниципій облагались поборами съ имѣній своихъ [1]. Они-же обязаны были подносить, фунтами, золото въ годовщину восшествія на престолъ [2]. Но адвокаты не знали никакихъ чрезвычайныхъ сборовъ. Имъ самимъ выдавалось иногда жалованье изъ послѣднихъ средствъ банкротскаго правительства. Преторы считали себя счастливыми, когда Аркадій приказалъ взимать съ нихъ по 100 ф. серебра, вмѣсто 450 и 250, на украшеніе Константинополя. Но тотъ-же императоръ заботливо установилъ привилегіи для имущества адвокатовъ. Быть можетъ, однимъ судебнымъ ораторамъ раздавались титулы (свѣтлѣйшаго etc.) безъ фискальной цѣли взять за невѣсомую почесть увѣсистую плату золотомъ. Въ нѣкоторыхъ новеллахъ слышенъ отголосокъ древнихъ понятій, что адвокатура есть разсадникъ государственныхъ людей и общественныхъ дѣятелей. До запрещенія на сардикскомъ соборѣ, адвокаты могли быть возводимы непосредственно въ санъ епископскій [3]. Съ четвер-

[1] Follis, gleba etc.

[2] Ср. Cod. J. L. X. tit. LXXIV. «Ad collationem auri coronarii (иногда оно назыв. aurum oblatitium) neminem absque consuetudine esse cogendum», говорятъ Граціанъ, Валентиніанъ и Ѳеодосій. Но позволительно считать тираническимъ обычай, по которому Валентиніанъ взялъ съ римскихъ сенаторовъ 1,600 ф. золота въ честь десятилѣтняго юбилея своему воцаренію.

[3] Seminarium dignitatum etc. Адвокаты, какъ извѣстно это изъ исторіи римско-византійской кодификаціи, участвовали въ составленіи ѳеодосіева свода. Постановленіе сардикскаго собора говоритъ слѣдующее: Prohibetur dives v. «scholasticus e foro» episcopus fieri, nisi functus prius munere lectoris etc. Ср. Cod. Theodos. De postul. Comm. *Gothofr.*

таго столѣтія, когда угасли школы юристовъ, къ адвокатамъ перешла честь ученыхъ представителей правовѣдѣнія. Въ этомъ смыслѣ зовутъ ихъ «схоластиками» лучшіе писатели и самые строгіе цѣнители той эпохи [1]. Кромѣ литературы, оффиціальные акты изобилуютъ похвалами краснорѣчію защитниковъ. Однимъ словомъ, изъ нѣскольких признаковъ явственно, что адвокатура, устроенная императорами, была не послѣднимъ учрежденіемъ. Среди общаго приниженія, коллегіи судебныхъ ораторовъ пользовались извѣстнымъ значеніемъ въ обществѣ.

Есть однако-же и другія стороны въ исторіи послѣднихъ дней римской адвокатуры. Къ нимъ труднѣе относиться съ безраздѣльною похвалою. Титулы и служебное значеніе ограждали адвокатовъ отъ самовластія сборщиковъ податей. Цезарское жалованье замедляло приближеніе нищеты, которая охватывала мало-по-малу все городское и сельское населеніе имперіи. Но не было у адвокатовъ настоящей силы. Сословіе лишено условій, при которыхъ адвокатура получаетъ полное значеніе на судѣ и въ обществѣ. Съ четвертаго столѣтія, когда водворился чрезвычайный порядокъ судопроизводства, правители провинцій и префекты столицъ сдѣлались безотвѣтными господами адвокатовъ. Коллегіи ихъ, разсѣянныя безъ всякой взаимной связи по обширному государству, были крѣпкими лишь для принятія новыхъ людей. Старшинство пожизненныхъ членовъ, узаконенный непотизмъ, обезпеченная монополія: все это должно было способствовать застою и нравственной вялости, при которыхъ невозможна борьба съ беззаконіемъ и произволомъ. Общества адвокатовъ, прикрѣпленныя къ судамъ, оказывались безпомощными при первомъ столкновеніи съ администраторами. Кто толковалъ и примѣнялъ эдиктъ при допущеніи каждаго

[1] Готофредъ приводитъ слѣдующія слова Августина: Qui habent causam et volunt supplicare Imperatorem, quaerunt aliquem scholasticum jurisperitum a quo sibi preces componantur etc.

кандидата? Кто владѣлъ таблицей и разсылалъ сверхштатныхъ адвокатовъ по низшимъ инстанціямъ? Отъ кого налагались годичныя и болѣе продолжительныя запрещенія, соединенныя съ высылкою изъ провинціи? Кто давалъ отпуски и опредѣлялъ, въ случаѣ спора, гонораръ для защитника? Не примасъ, или старшина, украшенный титуломъ и получавшій шестьсотъ червонцевъ отъ казны. Не совѣтъ и не полное собраніе изъ адвокатовъ, число которыхъ доходило до 150 человѣкъ. У членовъ адвокатуры не видно даже совѣщательнаго голоса въ тѣхъ случаяхъ, когда требовалось пополнить составъ ихъ новыми людьми, или когда нужно было приложить мѣру дисциплинарнаго взысканія.

Не трудно угадать, что̀ могло происходить на судахъ при подобномъ положеніи защитниковъ. Когда исчезло древнее правило частнаго обвиненія, адвокатамъ приходилось отстаивать подсудимыхъ, которыхъ привлекали къ отвѣтственности, лично или чрезъ своихъ агентовъ, губернаторы. Но если обвиненіе возникало по внушенію самовластныхъ разсчетовъ сановника? Если притязаніе кліента противорѣчило интересамъ казны или могущественной личности? Свободное слово было по меньшей мѣрѣ неумѣстнымъ предъ трибуналомъ, гдѣ засѣдалъ въ качествѣ судьи обвинитель, надѣленный безграничною властью надъ адвокатами. При подавленіи всякой независимости сословія, роль защитниковъ обращалась въ пустую формальность, безъ серьезнаго смысла для правосудія. Адвокатура теряла истинное значеніе свое предъ юстиціей и цѣлымъ обществомъ. Политическій и административный гнетъ приводилъ въ немощь юридическую силу защиты. Талантъ и независимыя убѣжденія оказывались излишними для адвокатской профессіи [1].

[1] Ср. *Bethmann-Hollweg*, l. c. III. B. S. 29 Anhang, гдѣ, любопытными извлеченіями изъ подлиннаго сочиненія Симмаха, доказано, что, безъ независимости и свободы публичнаго слова,

Но это не все. Не смотря на строгую дисциплину императорскихъ судей и правителей, весьма мало возвысился нравственный уровень сословія. Писатель, современный Симмаху (Аммiанъ Марцеллинъ), ищетъ образцовъ для честности и достоинства адвокатовъ въ преданіяхъ о Рутиліѣ, Гальбѣ, Скаврѣ, Филиппѣ и Цицеронѣ [1]. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, бродятъ повсюду толпы адвокатовъ, которые осаждаютъ богатые дома и, нехуже спартанскихъ или критскихъ ищеекъ, разъискиваютъ тяжбы». На нѣсколькихъ страницахъ описанія, явственно обозначаются у Амміана самые непривлекательные типы. Интригующіе кляузники входятъ въ частные дома съ цѣлью запутать отношенія и получить гонораръ отъ искусственно вызванной тяжбы. Они не знаютъ опасенія сгубить миръ, потрясти уваженіе и дружбу между людьми. Самыми удобными кліентами представляются имъ богатыя вдовы и сироты зажиточныхъ родителей. Жадность подобныхъ адвокатовъ ненасытна. Нищета ихъ не уменьшается никакою поживой [2].

Но есть и другой разрядъ защитниковъ. Это — ученые адвокаты. «Иногда выступаютъ они съ таинственнымъ видомъ, точно оракулы; иногда расточаютъ имена великихъ юристовъ и ссылаются на законы, которые погребены цѣлые вѣка тому назадъ». Не безкорыстны такіе жрецы науки. И у нихъ все пригнано на вѣсъ золота; за деньги охотно даютъ они юридическое отпуще-

---

адвокатура быстро переходитъ въ мелкую практику, особенно удобную для кляузы и злоупотребленій. См. также *Tac.* De oratore, 37—39... Quomodo nobiles equos cursus et spatia probant, sic est aliquis oratorum campus per quem nisi liberi et saluti ferantur, debilitatur et frangitur eloquentia etc.

[1] *Amm. Marc.* Lib. XXX. IV. Anno 374: «Oratores concitae facundiae, attenti studiis doctrinarum, ingenio, fide, copiis, ornamentisque dicendi pluribus eminebant» etc.

[2] Inter rapinas insatiabiles inopes etc.

ніе въ убійствѣ родной матери[1]. Печальная группа эта заканчивается изображеніемъ самой мелкой породы адвокатовъ. Вѣчно голодные, вползаютъ они, какъ истинные паразиты, въ зажиточные дома, разсчитывая на подачку отъ богатаго стола. Невѣжество ихъ такъ велико, что «имена Ульпіана и другихъ юристовъ принимаютъ они за названія заморскихъ рыбъ или другой иноземной снѣди».

Таковы свойства дисциплинированныхъ защитниковъ. Самъ Марціалъ не придумалъ бы ничего болѣе жесткаго и унизительнаго. Рѣзкость красокъ возбуждала иногда сомнѣнія въ вѣрности картины (*Греллè-Дюмазд*, 264, 265). Весьма возможно, что Марцеллинъ, лично пострадавшій отъ адвокатовъ, придалъ оттѣнокъ памфлета своему описанію. Но едва-ли историкъ IV стол. безусловно погрѣшаетъ противъ истины. Онъ принимаетъ въ разсчетъ невыгодныя условія, при которыхъ должны были дѣйствовать адвокаты. Ему извѣстны интриги между членами сословія. Марцеллинъ мѣтко указываетъ на общую слабость — приписывать исключительно адвокатамъ неудачный исходъ процессовъ, которые проиграны по шаткости и неосновательности притязаній. Во всякомъ случаѣ, какъ бы мы ни разбавляли краски, онѣ удержатъ сильную долю обличительной яркости. Важно то, что къ обличенію въ литературѣ примыкаетъ косвенное обвиненіе въ самомъ законодательствѣ IV столѣтія. Императоръ Константинъ особенно заботится о строгомъ наказаніи преступныхъ адвокатовъ. Констанцій еще рѣзче угрожаетъ злоупотребленіямъ защитниковъ. «Не сокрыто отъ императорской благости нашей (mansuetudinem nostram), что адвокаты весьма часто берутъ непомѣрные гонорары натурою и деньгами, нимало не удовлетворяя своей жадности» и т. д.

---

[1] Et si voluntarie matrem tuam finxeris occidisse, tibi absolutionem pollicentur, si te senserint esse nummatum.

И такъ, правительственная дисциплина не вылѣчила адвокатуры. Самъ Марцеллинъ отыскиваетъ смягчающія обстоятельства во внутренней порчѣ, которая увеличивалась единовременно съ регламентаціею и зависимостью отъ чиновниковъ. Законодательство заботливо врачуетъ больныя мѣста. За возстановленною мѣрою Цинція слѣдуютъ другія предписанія. За подтвержденіями проконсуламъ о строгости исходятъ похвальныя слова адвокатурѣ. Карательныя мѣры перемежаются съ изліяніемъ цезарскихъ милостей и привилегій. Съ своей точки зрѣнія, правительство усердно стремится увеличить рабочую силу учрежденія. Но роль законодателей напоминаетъ положеніе врача, когда тотъ, не постигая причины болѣзни, переходитъ отъ опасной операціи къ смягчающимъ и совершенно невиннымъ средствамъ. Главный корень зла заключался въ томъ, что убита была законная доля независимости въ адвокатурѣ. Политическія, общественныя и нравственныя условія времени привели къ неумѣренному примѣненію дисциплинарнаго начала[1]. И кто знаетъ, что сказалъ бы Ульпіанъ, если-бы пришлось ему писать, въ V или VI столѣт., сочиненіе объ обязанностяхъ проконсула? Быть можетъ, многовѣковой опытъ навелъ бы на мысль о противовѣсѣ неограниченной власти чиновниковъ надъ адвокатами. Внутренняя дисциплина независимаго общества показалась бы лучшимъ средствомъ противъ злоупотребленій. Не единоличная власть судьи, не бюрократическій произволъ, а самоисправленіе черезъ самоуправленіе способно поднять нравственное и общественное значеніе адвокатуры.—

Въ конечномъ результатѣ несомнѣненъ такой выводъ: римско-византійское законодательство не привело къ надлежащимъ результатамъ. Нѣтъ грубѣе той ошибки, когда уничтожается равенство между органами суда, обвиненія и защиты. «Вели-

[1] Dig. l. 48, Tit. XIV. Moris est advocationibus quoque præsidis interdicere, et nonnunquam in perpetuum etc.

кія различія по состоянію между подсудимыми дѣлаютъ необходимою полную самостоятельность адвоката въ отношеніи судей», говоритъ малоизвѣстный, но серьезный писатель [1]. «Тогда только можно поддерживать слабаго и ставить преграду злымъ страстямъ сильнаго. Нѣтъ гражданской свободы безъ независимости защитниковъ. Въ гордомъ достоинствѣ нашихъ правилъ заключается то важное ручательство для всего общества, что каждый притѣснитель встрѣтитъ себѣ противника въ адвокатурѣ». Между тѣмъ многія мѣры, которыя предписаны цезарями IV-го, V-го и VI-го столѣтій, указываютъ на устраненіе всего, что̀ возвышаетъ до желаннаго уровня адвокатуру.

Говоря такимъ образомъ, мы не забываемъ, что деспотизмъ, вызванный силою историческихъ обстоятельствъ, едва-ли могъ идти иными путями къ своимъ цѣлямъ. Римская имперія съумѣла только продлить послѣднія минуты общества, которое не обновилось силою самого христіанства. Многія учрежденія, необходимыя для благоустроеннаго общежитія, нуждались въ болѣе крѣпкой закладкѣ руками германо-романскихъ народовъ.

Сличеніе съ судебною защитой у восточныхъ народовъ и въ Греціи обнаруживаетъ полную самобытность римской адвокатуры. Многія племена востока и запада, древняго и новаго міра, сошлись на коренныхъ началахъ гласнаго, словеснаго и народнаго суда. Исторія должна признать, съ этой стороны, извѣстное единство въ разнообразіи учрежденій у индусовъ, евреевъ, грековъ, римлянъ и германцевъ. Трудно однако-же доказывать слѣдующія положенія: а) публичный и словесный судъ механически заимствовался изъ одной гражданственности въ другую; б) въ частности, адвокатура взята римлянами изъ того-же греческаго источника, откуда старое преданіе выводило законъ XII таблицъ. Подобныя теоріи все рѣже и рѣже находятъ себѣ

[1] *Charrié*, Méditations sur le barreau.

защиту; всеобщая исторія законодательствъ и сравнительное народовѣдѣніе опровергаютъ ихъ на развитіи простѣйшихъ учрежденій семейнаго права. Тѣмъ законнѣе избѣгать такого взгляда, касаясь учрежденія, которое можно назвать своеобразнымъ плодомъ богатой и утонченной гражданственности.

До сихъ поръ господствуетъ мнѣніе, что адвокатура, невозможная при деспотизмѣ, непремѣнно появится во всемъ блескѣ, гдѣ только водворится политическая свобода. «Каково государство, такова адвокатура» — утверждаютъ многіе почтенные прагматики. Судьбы греческой адвокатуры требуютъ нѣкоторыхъ оговорокъ для этого, въ большинствѣ случаевъ, вѣрнаго положенія. Демократія и полная публичность народнаго суда не создали такого института судебной защиты, какого бы можно было ожидать отъ стройныхъ республиканскихъ учрежденій въ Аѳинахъ. Безсиліе однихъ судей разъяснять, съ различныхъ сторонъ, каждое дѣло и необходимость для этой цѣли адвокатовъ оказались ясными для грековъ лишь въ послѣднія минуты ихъ гражданственности. Потому-то можно сказать, не погрѣшая противъ истины, что римлянамъ нечего было заимствовать изъ Греціи, — и что адвокатура требуетъ для себя весьма трудныхъ сочетаній. Политическая свобода, гласный и словесный судъ, сложное законодательство, юридическія способности народа, сильное хозяйственное и торговое развитіе съ неизбѣжнымъ столкновеніемъ имущественныхъ интересовъ, умѣнье примирить общій порядокъ съ независимостью отдѣльныхъ лицъ: такія условія, кромѣ многихъ другихъ, представляютъ удобную среду для адвокатуры. Выше было указано, что значительная доля ихъ существовала въ лучшую пору республиканскаго Рима. Не говоря о востокѣ, отношеніе гражданъ къ государству въ Римѣ указываетъ на большее признаніе автономіи отдѣльныхъ лицъ, чѣмъ въ Греціи. Съ увеличившеюся важностью частныхъ интересовъ, возвысилось значеніе способовъ къ ихъ защитѣ.

Возникла настоятельная потребность создать и усовершить адвокатуру. И здѣсь-то юридическій геній квиритовъ подсказалъ тѣ средства къ устроенію судебной защиты, которыя упущены изъ виду, отъ Солона и Платона до Аристотеля, всѣми законодателями и мыслителями Греціи.

На-сколько удалось Риму выполнить эту важную задачу,— должно быть видно изъ предыдущаго изложенія. Достоинства и недостатки римской адвокатуры не изглаживаются отъ сравненія съ соотвѣтственными учрежденіями у другихъ народовъ. Трудно отрицать творческую силу римлянъ, наблюдая, какъ слаба идея и до-чего неправильны формы судебной защиты въ прочихъ обществахъ древняго міра. Не легко однако-же признать римскихъ адвокатовъ и устройство ихъ безупречными образцами для потомства. Нравственная крѣпость многихъ правилъ не выкупаетъ частыхъ нарушеній морали въ дѣйствительности. Вѣрность юридическаго анализа при законодательномъ построеніи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ частей не закрываетъ недостатка учрежденій, какъ одного цѣлаго.

По странной игрѣ исторіи, жизнь римской адвокатуры протекла главнымъ образомъ между двумя крайностями — неограниченною свободою и безпредѣльною регламентаціею. До Цицерона, не замѣтно никакой ассоціаціи между защитниками; они не знаютъ надъ собою иной сдержки, кромѣ общихъ законовъ государства и немногихъ правилъ своей профессіи. За Цицерономъ и послѣ паденія республики, сейчасъ-же совершается переходъ къ такому порядку, что, по словамъ Тацита, адвокаты не смѣютъ произнести ни единаго слова безъ разрѣшенія цезарскаго чиновника. Скоро промелькнулъ свѣтлый промежутокъ Антониновъ и Северовъ. Отъ конца IV-го до половины V-го столѣтія, вполнѣ готово учрежденіе, охарактеризованное выше: коллегіи изъ служилыхъ защитниковъ, безъ всякихъ признаковъ внутренней независимости.

Здѣсь-то, въ отсутствіи средней мѣры между двумя крайностями, скрывается главный корень многихъ слабостей и пороковъ римской адвокатуры. Есть, въ настоящее время, не мало людей, которые отстаиваютъ такую теорію: по ихъ мнѣнію, выдѣленіе профессіи защитниковъ установляетъ привилегію, а потому несогласно съ прогрессивнымъ устройствомъ государства. Сильное общество изъ адвокатовъ еще болѣе нарушаетъ строгое равенство гражданъ передъ закономъ и свободу труда. Значитъ, лучше всего откинуть излишнюю заботу объ устройствѣ спеціальныхъ защитниковъ. Пусть каждый, кто не умѣетъ отстоять себя, поручаетъ это дѣло любому изъ согражданъ. Да и для самихъ защитниковъ (изъ частныхъ людей) выгоднѣе освободиться отъ корпоративныхъ связей, стѣсняющихъ дорогое и неотчуждаемое право личной свободы.

Но есть и другія мнѣнія. Въ нихъ развивается противоположное воззрѣніе, очень близкое къ отрицательному взгляду на адвокатуру у казуистовъ, бюрократовъ и иныхъ доктринеровъ. Логика ихъ такова: сословіе, которое держится кляузой, корыстью, лицемѣрною фразой, не должно имѣть никакой самостоятельности. Регламентація и строгій надзоръ правительства — единственныя средства устроить защиту, полезную для всего общества.

Даже одна исторія древней и особенно римской адвокатуры можетъ вызвать нѣсколько соображеній для оцѣнки двухъ противопоставленныхъ мнѣній. Порядокъ, по которому защита поручается первому, кто способенъ произнести нѣсколько ясныхъ словъ, совпадаетъ съ патріархальнымъ состояніемъ общества. Такъ было у евреевъ, грековъ и у самихъ римлянъ, когда Библія, Ливій и другіе источники выводятъ передъ нами защитниковъ изъ «князей земли», изъ родичей или друзей. Въ ту пору не возникали вопросы о спеціальной годности адвокатовъ. Простота господствовала въ юридическихъ отноше-

ніяхъ. Но примѣры Греціи и Рима доказываютъ, что подобный порядокъ не могъ удержаться при первомъ поступательномъ движеніи гражданственности. Усложненіе умственныхъ, государственныхъ и всѣхъ другихъ интересовъ произвело соотвѣтственное измѣненіе въ законодательствѣ и въ судебныхъ учрежденіяхъ. Явилось обособленіе труда въ самыхъ различныхъ отрасляхъ, и никакія препятствія не могли отстранить того-же явленія въ области правосудія. Неправильная форма аѳинской адвокатуры, какъ показано выше, произошла отъ борьбы запрещенія съ могущественною потребностію въ спеціалистахъ защиты. У римлянъ не было подобныхъ задержекъ. Отсюда республиканская адвокатура въ Римѣ представляетъ иное зрѣлище, чѣмъ въ Аѳинахъ.

И такъ, адвокатура, какъ отдѣльная профессія, есть прямое и необходимое послѣдствіе прогресса. Усилившаяся трудность адвокатской обязанности ставитъ на первомъ планѣ вопросъ о способностяхъ. А съ этимъ требованіемъ неразрывно связана провѣрка нравственнаго и умственнаго ценза. Вотъ почему современная профессія защитниковъ имѣетъ полное основаніе опереться на такое правило: адвокатура можетъ быть открыта лишь для того, кто признанъ способнымъ, по строгому и осмотрительному рѣшенію спеціалистовъ. Подобное ограниченіе безусловной свободы до сихъ поръ вполнѣ удовлетворяетъ законнымъ интересамъ общежитія. Важное правило это очень рано начали понимать въ римской адвокатурѣ. Но практическое приложеніе его встрѣтило препятствіе въ недостаточной организаціи и слабомъ общеніи между защитниками республиканскаго періода. Что касается временъ имперіи, то здѣсь, какъ видно изъ предыдущаго, закрѣпощеніе ораторовъ передало въ руки администраціи весь надзоръ за адвокатскою таблицею.

Вообще, изъ цѣлой римской исторіи можно выводить такое заключеніе: самостоятельное устройство, съ крѣпкою связью и

самоуправленіемъ въ сословіи защитниковъ, полезно и даже необходимо для адвокатуры. Отсутствіемъ внутренней дисциплины въ значительной степени объясняются открытые подкупы судей, фальшивыя завѣщанія Гортензія и многія другія излишества въ республиканскомъ періодѣ. Не менѣе поучительны судьбы адвокатуры при императорахъ. Строгость внѣшней дисциплины и правительственныхъ мѣръ не уменьшила зла, а только ослабила судебную силу защиты. Вотъ почему, при законодательномъ устроеніи института, слѣдуетъ принимать въ соображеніе, кромѣ юридической, общественную и политическую сторону вопроса. Указываютъ на медицинскую профессію и выставляютъ неорганизованность ея примѣромъ для адвокатовъ. Но уподобленіе одного занятія другому не можетъ идти далѣе общаго мѣста о врачеваніи юридическихъ болѣзней. Медики имѣютъ дѣло съ безотвѣтною физическою природой человѣка. Адвокатъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ общественное зло, которое почти всегда связано съ эгоистическими интересами отдѣльныхъ лицъ, цѣлыхъ классовъ и корпорацій. Отказъ отъ защиты подобныхъ интересовъ значительно облегчается, когда адвокатъ имѣетъ за собою многочисленное, сильное и независимое общество изъ людей одного занятія. Если же своя воля или необходимость отдастъ въ руки дѣло, опасное для безкорыстія или достоинства защитника, — и тогда товарищамъ ближе и удобнѣе узнать: насколько устоялъ адвокатъ противъ искушенія? Съ другой стороны, судебная защита незначительнаго кліента можетъ быть ведена противъ могущественнаго истца или преступника. Адвокатъ оспариваетъ иногда притязанія казны; нападаетъ на дѣйствія административныхъ чиновниковъ. Онъ находится, при современномъ порядкѣ судопроизводства, въ неминуемомъ столкновеніи съ вліятельными органами публичнаго обвиненія. Наконецъ, передъ защитникомъ высится сильно-устроенное и многовластное сословіе судей. Однимъ словомъ, вся дѣятельность

адвоката представляетъ собою борьбу, если не «противъ», то «посреди» объединенныхъ силъ и могущественныхъ вліяній. Ненужно чрезмѣрныхъ усилій воображенія, не требуется особыхъ историческихъ знаній, чтобы понять, до какой напряженности можетъ доходить подобная борьба. Спрашивается: выгодно ли и здѣсь адвокату опереться на крѣпкій союзъ изъ товарищей по занятію? Полезно ли обществу имѣть независимыхъ защитниковъ для устраненія возможныхъ ошибокъ на судѣ и злоупотребленій въ администраціи? Отрицаніе законно лишь при глубокомъ убѣжденіи, что неравенство между органами судопроизводства лучше всего обезпечиваетъ правосудіе въ образованныхъ государствахъ.

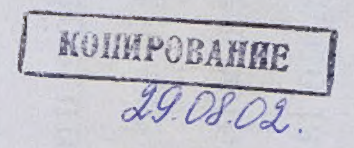
Изъ примѣровъ римской исторіи не менѣе очевиденъ другой выводъ. Своеволіе республиканскихъ защитниковъ и безполезные указы IV, V и VI столѣтій доказываютъ, что достоинство адвокатуры настоятельно требуетъ строгаго суда равныхъ равными за проступки противъ адвокатской нравственности. Оставить безнаказанными скандалы, описанные древними сатириками и другими писателями, значило бы погубить честь и общественное значеніе сословія. Полномочіе для судебной власти и администраціи вмѣшиваться въ жизнь сословія, за стѣнами трибуналовъ, нарушаетъ коренныя начала адвокатуры и вообще не достигаетъ цѣли. Крайній перевѣсъ чиновниковъ развелъ марцеллиновскихъ защитниковъ-паразитовъ въ римскомъ обществѣ. Сходная причина вызвала не менѣе отрицательныя явленія, гораздо позже, во многихъ земляхъ западной Европы. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, строгій и дѣйствительный судъ надъ безнравственностію адвокатовъ возможенъ только для товарищей. Но отправленіе такого правосудія немыслимо безъ соединенія въ отдѣльное, независимое общество. Пользу подобнаго порядка убѣдительнѣе докажетъ исторія адвокатуры у нѣкоторыхъ народовъ германо-романской отрасли.

*

Наконецъ, устройство, которое допускаетъ крѣпкую связь между защитниками, представляетъ ту выгоду, что сближаетъ людей одного дѣла. Обмѣнъ мыслей, знаній и опыта даетъ благодѣтельные результаты для различныхъ поколѣній адвокатовъ. Въ Римѣ можно наблюдать нѣчто подобное, когда открытая и вольная жизнь форума собрала къ одному средоточію лучшихъ юристовъ и ораторовъ. Имперія уничтожила форумъ, во многомъ успѣшно замѣнявшій современную конференцію, съ ея серьезнымъ толкованіемъ адвокатскихъ обязанностей, съ оживленными и часто возвышенными преніями о различныхъ вопросахъ частнаго и публичнаго права. Тогда, не смотря на строгую дисциплину, упала рабочая сила адвокатуры. Вялое прозябаніе подневольныхъ коллегій IV, V и VI столѣтій не представило никакой замѣны тому, что явственно изъ образцовыхъ разсужденій Тацита и Цицерона.

Такимъ образомъ даже изученіе древней (особенно римской адвокатуры) проливаетъ извѣстный свѣтъ на вопросы, которые имѣютъ практическое значеніе для настоящаго времени. Не принимая на себя законодательной роли, исторія уясняетъ многовѣчный опытъ, а нерѣдко — вѣковыя ошибки у первенцовъ гражданственности. Въ этомъ — заслуга, достоинство и привлекательность всеобъемлющей науки. Въ настоящемъ случаѣ, примѣры Греціи и Рима сильно колеблютъ крайнія мнѣнія, одинаково вредныя для успѣха адвокатуры. Учрежденіе это до сихъ поръ нуждается въ твердомъ и правильномъ устройствѣ, которое должно быть ограждено отъ всякихъ постороннихъ вторженій. Въ подобномъ порядкѣ главнымъ образомъ заключается сущность свободной, или независимой, адвокатуры. Нужно много измѣненій въ цѣлой гражданственности, прежде чѣмъ устранить особую профессію съ тою внутреннею дисциплиной, бóльшая крѣпость которой могла бы сдѣлать образцовымъ учрежденіемъ адвокатуру республиканскаго Рима. Полнѣйшая поли-

тическая терпимость, глубокое знакомство образованныхъ гражданъ съ крайне-упрощеннымъ законодательствомъ, свобода ассоціацій во всѣхъ отрасляхъ труда: такія условія, не говоря о многихъ другихъ, способны облегчать переходъ къ вольной адвокатурѣ. Но, по многимъ признакамъ, достиженіе подобной цѣли на-долго останется предметомъ честныхъ утопій. «Стóитъ найдти государство, гдѣ никто не грѣшитъ, и тогда адвокаты окажутся столь-же излишними для невиннаго, какъ врачи для вѣчно-здороваго народа», замѣчаетъ Тацитъ.—Съ другой стороны, требуется не малое приниженіе современной гражданственности, чтобы прилагать къ устройству адвокатуры теорію, разбитую примѣромъ римско-византійскихъ законовъ и учрежденій.

КОПИРОВАНИЕ
29.08.02.

